

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 14 № 2 / 2024

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 14 № 2 / 2024

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Рускевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2024

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 27.04.2024

Дата выхода в свет 13.05.2024. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 24,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 14.

16+

Proceedings of the Southwest State University Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2024

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 27.04.2024.
Release 13.05.2024. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 24,5.
Circulation 1000 copies. Order 14.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Правовой обычай в российском праве: генезис концептуальных основ и современный статус.....	10
<i>Минина Н. В., Пыльцина М. В.</i>	
Правовое регулирование монастырского ростовщичества в Русском государстве в XV–XVII веках	21
<i>Кузьмин М. О.</i>	
Рецепция идей Фихте в становлении правовых взглядов Б. П. Вышеславцева	32
<i>Липич Д. В.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	41
Оригинальные статьи	
Информационный компонент публичных закупок: как бороться с фальсифицированными сведениями? ...	41
<i>Беляева О. А.</i>	
Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах: проблемы и перспективы.....	56
<i>Балашов К. Г., Кравченко Н. В.</i>	
Конституционный Суд в контексте единообразия судебной практики по гражданским делам	69
<i>Рыжков К. С.</i>	
Брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов (бывших супругов) сквозь призму межотраслевого частнопроводного регулирования имущественных отношений в России	81
<i>Шершень Т. В.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	91
Оригинальные статьи	
Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности?.....	91
<i>Алихаджиева И. С.</i>	
Виктимологическая характеристика кибермошенничества.....	107
<i>Москальков А. В.</i>	
Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет).....	119
<i>Фетисов П. И.</i>	
Насильственная преступность против личности в современной России: состояние и проблемы криминологической характеристики.....	131
<i>Яхонтова Я. С.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	148
Оригинальные статьи	
Религиозность советской молодежи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов	148
<i>Апанасенок А. В.</i>	
Развитие трактирного законодательства в ходе подготовки винной реформы 1863 года в России.....	160
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	

Анализ выполнения заданий X пятилетки (1976–1980 годы) промышленными предприятиями Курской области.....	173
<i>Ирмакова Д. А.</i>	
Отношение политических партий Российской империи к войне с Австро-Венгрией и Германией 1914 года.....	186
<i>Визильтур Е. В.</i>	
История строительства и модернизации энергетических объектов города Курска в период 1950 – 1980-х годов.....	196
<i>Звягинцева М. М., Савочкина Н. Д.</i>	
РЕЦЕНЗИИ	205
Рецензия на монографию кандидата юридических наук Натальи Ивановны Кузнецовой «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности» / Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2023. 164 с.....	205
<i>Тангиев Б. Б.</i>	
К сведению авторов	212

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES.....	10
Original articles	
Legal Custom in Russian Law: the Genesis of Conceptual Foundations and Modern Status.....	10
<i>Natalia V. Minina, Marina V. Pyltcina</i>	
Legal Regulation of Monastic Usury in Russia in XV-XVII Centuries.....	21
<i>Maxim O. Kuzmin</i>	
Reception of Fichte's Ideas in the Formation of B.P. Vysheslavtsev's Legal Views.....	32
<i>Dmitry V. Lipich</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE.....	41
Original articles	
Public Procurement Information Component: How to Deal with Falsified Information?.....	41
<i>Olga A. Belyaeva</i>	
Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Special Economic Zones: Problems and Prospects.....	56
<i>Konstantin G. Balashov, Natalia V. Kravchenko</i>	
The Constitutional Court in the Context of the Uniformity of Judicial Practice in Civil Cases.....	69
<i>Konstantin S. Ryzhkov</i>	
Prenuptial Agreement and Agreement on the Division of Common Property of Spouses (former Spouses) Through the Prism of Intersectoral Private Law Regulation of Property Relations in Russia.....	81
<i>Tamara V. Shershen</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCES.....	91
Original articles	
Private Life, Personal Secret or Personal Data: How to Interpret Information about the Person to the Law Enforcement Officer?.....	91
<i>Inna S. Alikhadzhiyeva</i>	
Victimological Characteristics of Cyberbullying.....	107
<i>Artem V. Moskalkov</i>	
Crimes Against the Person Committed Using Information and Telecommunication Technologies (Including the Internet).....	119
<i>Pavel I. Fetisov</i>	
Violent Crime Against Persons in Modern Russia: State and Problems of Criminological Characteristics.....	131
<i>Yana S. Yakhontova</i>	
HISTORICAL SCIENCES.....	148
Original articles	
The Religiosity of Soviet youth in the Mirror of Domestic Social Studies of the 1920-1970s.....	148
<i>Alexander V. Apanasenok</i>	
The Development of Tavern Legislation during the Preparation of the wine Reform of 1863 in Russia.....	160
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	

Analysis of the Fulfillment of the Tasks of the X Five-Year Plan (1976-1980) Industrial Enterprises of the Kursk Region	173
<i>Darya A. Irmakova</i>	
The Attitude of the Political Parties of the Russian Empire to the War With Austria-Hungary and Germany in 1914	186
<i>Evgeny V. Viziltir</i>	
History of Construction and Modernization of Energy Facilities the City of Kursk in the Period from the 1950s to the 1980s	196
<i>Marina M. Zvyagintseva, Nataliy D. Savochkina</i>	
REVIEW	205
Review of the monograph of the Candidate of Legal Sciences Natalia Ivanovna Kuznetsova "Criminal policy in the field of environmental safety"; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; St. Petersburg, 2023. 164 p.	205
<i>Bahaudin B. Tangiev</i>	
К сведению авторов	212

Правовой обычай в российском праве: генезис концептуальных основ и современный статус

Н. В. Минина¹ , М. В. Пыльцина²

¹Воронежский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
Ленинский пр-т, д. 174 л, г. Воронеж 394033, Российская Федерация

²Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова
ул. Тимирязева, д. 8, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉ e-mail: minina-nv.73@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Роль правового обычая в российской системе источников права даже сегодня неоднзначна, хотя исторически он длительное время выступал в качестве основного регулятора общественных отношений. Если в древности обычай использовался повсеместно, то сейчас широко распространен в частном праве и некоторых комплексных отраслях российского права, а его применение в публично-правовой сфере все еще требует научной аргументации.

Цель: исследование генезиса концептуальных основ и современного статуса правового обычая в России.

Задачи: изучение происхождения, сущности и значения правового обычая в российской системе источников права.

Методология. На базе диалектического метода научного познания, а также сочетания приемов анализа и синтеза применена совокупность общенаучных методов исследования, а также частнонаучных и специально-юридических методов, таких как: исторический, системно-структурный, формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер, так как позволяют признать правовой обычай исконным источником права, исторически давшим свое начало всей существующей системе форм права. Выявлены признаки правового обычая, определено его место и роль в системе источников права. Изучены вопросы применения правового обычая в гражданском, предпринимательском и международном частном праве.

Выводы. Исследование генезиса концептуальных основ и современного статуса правового обычая показало, что он по праву признается неотъемлемой фундаментальной частью системы источников российского права, носит субсидиарный правовосполнительный характер и по юридической силе должен уступать нормативному акту и договору.

Ключевые слова: обычай; правовой обычай; обычай делового оборота; международный обычай; обычная практика.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Минина Н. В., Пыльцина М. В. Правовой обычай в российском праве: генезис концептуальных основ и современный статус // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 10–20. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-10-20>.

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 03.04.2024

Опубликована 27.04.2024

© Минина Н. В., Пыльцина М. В., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(2): 10-20

Legal Custom in Russian Law: the Genesis of Conceptual Foundations and Modern Status

Natalia V. Minina^{1✉}, Marina V. Pylytcina²

¹Voronezh Branch of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
174L Leninsky Ave., Voronezh 394033, Russian Federation

²Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
8 Timiryazev Str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉ e-mail: minina-nv.73@yandex.ru

Abstract

Relevance. The role of legal custom in the Russian system of sources of law is ambiguous even today, although historically it has long acted as the main regulator of public relations. If in ancient times the custom was used everywhere, now it is widespread in private law and some complex branches of Russian law, and its application in the public legal sphere still requires scientific argumentation.

Purpose: to study the genesis of the conceptual foundations and the current status of legal custom in Russia.

Objectives: to study the origin, essence and meaning of legal custom in the Russian system of sources of law.

Methodology. On the basis of the dialectical method of scientific cognition, as well as a combination of methods of analysis and synthesis, a set of general scientific research methods, as well as private scientific and special legal ones, such as: historical, system-structural, formal-logical, formal-legal, comparative-legal, etc.

The results of the study are of a theoretical and applied nature, as they allow us to recognize legal custom as the original source of law, which historically gave rise to the entire existing system of forms of law. The signs of legal custom are revealed, its place and role in the system of sources of law are determined. The issues of the application of legal custom in civil, business and international private law are studied.

Conclusions. The study of the genesis of the conceptual foundations and the modern status of legal custom has shown that it is rightfully recognized as an integral fundamental part of the system of sources of Russian law, has a subsidiary law-enforcement character and should be inferior in legal force to a normative act and a contract.

Keywords: custom; legal custom; business custom; international custom; common practice.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Minina N. V., Pylytcina M. V. Legal Custom in Russian Law: the Genesis of Conceptual Foundations and Modern Status. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 10–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-10-20>

Received 20.03.2024

Accepted 03.04.2024

Published 27.04.2024

Введение

Заметим, что дискуссии среди виднейших теоретиков права о сущностных характеристиках правового обычая, его значении для российской правовой системы активно наблюдались уже в дореволюционный период.

Вместе с тем приходится констатировать, что отдельные обращения к теме правового обычая современных авторов

не компенсируют недостаток системных исследований в этой сфере. Отсутствие теоретически проработанной парадигмы порождает дискуссии ученых о правовой природе обычая, его доктринальном значении и месте в иерархии источников российского права. Остаются актуальными вопросы признания правового обычая и его юридической силы.

Обычай, формируясь в общественном сознании в качестве устойчивого правила поведения, стал первичным воплощением права в раннеклассовых обществах и основой современного позитивного права. Наиболее ранние законодательные акты: Законы Хаммурапи, Законы Драконта, Законы XII Таблиц, Саллическая Правда – представляли собой фиксацию правовых обычаев, т. к. подтверждали существование обычного права и закрепляли его.

Методология

Методология обусловлена своеобразием предмета исследования, диктующего использование не только базовых общенаучных методов познания, но и частнонаучных и специально-юридических. Отметим значение исторического метода, необходимого для анализа генезиса правового обычая и его постепенного закрепления в качестве источника права, а также сравнительно-правового и герменевтического методов, которые позволяют определить место правового обычая в правовой системе и его юридическую силу относительно других источников права.

Результаты и их обсуждение

Принято считать, что начало изучению вопроса о правовом обычае было положено представителями исторической школы права, к которой принадлежали Г. Гуго, Ф. Савиньи, Г. Пухта. В их учении обычное право – это одна из форм самобытно развивающегося права, а по сути, общенародное убеждение.

И все же у истоков теории правового обычая в качестве регулятора общественных отношений стояли римские правоведы. Известный римский юрист Ульпиан акцентировал внимание на его точном соблюдении, если соответствующего закона не имелось (D.I.III.33) [1, с. 115], т. к. цель обычая – восполнять пробел в законодательном регулировании.

В России доктринальный базис обычного права утвердился во второй половине XIX – начале XX в., но сама идея осмысления роли правового обычая получила распространение уже в первой половине XIX столетия под влиянием повышенного общественного интереса к систематизации права. В частности, особую известность получили труды Ф. Л. Морошкина [2], К. Д. Кавелина [3], в которых затрагивались проблемы использования обычая в правотворческом процессе.

Доктор законовения К. А. Неволин, следуя юридической исторической школе, провел ретроспективный обзор позитивного права. По утверждению мыслителя, творцом права (как естественного, так и позитивного) является «народный дух», а в контексте процесса формирования закона он выделил такие формы законодательства, как: обычай, учение законовевов и «закон в тесном смысле» [4, с. 104].

На фоне интенсивного развития отечественной юридической науки во второй половине XIX в. в центре внимания ученых-правовевов находились различные аспекты изучения правового обычая, а именно: категориальный аппарат, важнейшие характеристики, роль санкционированного обычая в системе источников права, его влияние на законотворческий процесс и судебное право.

Научные представления о юридическом обычае развил Г. Ф. Шершеневич. Подвергая анализу сложившиеся формы выражения права, он определил правовой обычай как «нормы права, которые устанавливаются самой общественной средой путем постоянного, однообразного соблюдения правил поведения» [5, с. 439]. Один из важнейших тезисов, выдвинутых мыслителем, заключается в том, что содержание обычая приобретает правовой характер только благодаря санкции государства [5, с. 452], т. е. по воле государственной власти.

Новаторским является исследование русского правоведа и общественного деятеля М. М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон» [6]. На примере становления и функционирования обычного права осетин ему удалось не только углубить научные представления о правовом обычае в семейном, наследственном, договорном, уголовном праве, но и показать его значимость в нормировании общественных отношений.

Последовательное разграничение позитивных норм и норм обычного права обнаруживается и в исследовании К. П. Победоносцева. Он, как и многие его современники, в большей степени склонялся к идеальному закону, подчеркнув, что все правовые обычаи познать невозможно в силу их множественности и формальной неопределенности, а следовательно, пользоваться ими не всегда удобно [7, с. 336].

Дореволюционные специалисты в области теории права и гражданского права, несмотря на стремительную изменчивость юридических обычаев, понимали вопрос о важности применения положений обычного права в решении частных вопросов.

Рассматривая правовую природу источников права, русский юрист и философ И. А. Ильин подчеркивал, что сущность обычного права вытекает из несовершенства существующего законодательства. В связи с этим он утверждал, что в случае бессилия позитивного закона необходимо признание обычая как правового феномена. Оно зависит от инициативы субъектов самостоятельно разрешать свои проблемы и судебного решения, подтверждающего обоснованность и правомерность обычая [8, с. 122–127].

Традиция изучения правового обычая сохранялась в научных трудах советского периода, хотя в это время правовой обычай потерял значение юридически значимого источника, тем не менее его

влияние в толковании и правовосполнении позитивных норм сохранялось.

Не останавливаясь подробно на анализе данного социального феномена рубежа XX – XXI вв., отметим лишь некоторые точки зрения исследователей на указанную проблему. Так, по В. А. Рыбакову, правовой обычай – это «совокупность неписаных правил поведения, сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной властью» [9, с. 15]. В. А. Муравский выделяет в составе правового обычая элемент практики и правосознания большинства, что делает его полноценным источником права [10, с. 73].

Наиболее обсуждаемой проблемой в юридической науке на сегодняшний день представляется вопрос о признаках правового обычая. Обобщая сказанное, отметим, что он как исторически первая форма права имеет следующие общепризнанные черты:

- закрепление в результате продолжительной практики (многократности повторения) фактического правила поведения, которое исходит не от государства, а от народа;
- устная форма его передачи из поколения в поколение, т. к. обычай носит неписаный характер и может быть вытеснен из правоприменения путем включения его в текст нормативного акта;
- по юридической силе может быть равен закону, т. к. играет правовосполнительную роль в случае обнаружения пробелов в законодательстве;
- санкционирование государством на основе принципа разумности, т. е. придание ему юридической силы при необходимости;
- взаимосвязь с другими социальными нормами, и прежде всего с нормой права, что подтверждает его соответствие духу закона;
- формальная определенность его содержания: применение в определенной ситуации, распространение на опреде-

ленный круг лиц, последствия его применения;

– обогащение системы источников и упрощение юридической практики нескольких отраслей права, что делает их более гибкими для нужд граждан и юридических лиц.

Современный исследователь Н. А. Макарова выделяет еще один важный признак правовых обычаев – «наступление позитивных правовых последствий в результате их применения», что «имеет решающее значение при определении природы правового обычая, его отграничении от тех обычаев, которые не могут быть признаны в качестве правовых» [11, с. 60].

Самобытность правового обычая – его неотъемлемая черта, поэтому зачастую он формирует особенности национальных правовых систем.

И. Г. Напалкова отмечает уникальность правовой системы России из-за ее эклектичности: воздействия на нее раннеславянской культуры, православных ценностей, ментальности восточных народов и принципов западного права [12, с. 50–51].

В России количество источников права и их категорий меньше, чем в других странах, но они более современные. В сфере правоприменения ориентиром служит гражданское право, которое, признавая обычай полноценным источником отрасли, в последние годы расширила сферу его действия за пределы делового оборота.

Тем не менее следует отметить, что, как полагает Т. Г. Лясович, обычай в гражданском праве России исторически всегда был и остается факультативным источником [13, с. 32].

Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи, которые делают акцент на субсидиарном (дополнительном) характере применения правового обычая [14, с. 80], что весьма спорно.

Рассмотрим несколько показательных примеров распространенных обычаев.

При потере кормильца право на компенсацию имеют все нетрудоспособные члены семьи, находившиеся на иждивении умершего. Как известно, обучение не является основанием для признания гражданина нетрудоспособным, но в соответствии со сложившимся обычаем родители содержат своих детей в течение всего периода их обучения по очной форме. Если родитель, который содержал студента, погиб в результате противоправного действия, совершеннолетний гражданин приобретает субъективное право требования к лицу, ответственному за потерю кормильца.

Исходя из этого, юридическая возможность взыскания возмещения убытков вследствие потери кормильца в пользу трудоспособного ребенка умершего при условии, что он обучается по очной форме в образовательном учреждении, обеспечена правовым обычаем, а не законом.

В соседском праве обычаями могут определяться границы правомочий собственника. Здесь правовой обычай регулирует не только гражданские, но и жилищные, и земельные отношения, т. к. рассматривая дела о порядке пользования имуществом, суд обязан учитывать фактически сложившийся порядок, который может не соответствовать существующим параметрам права общей собственности¹.

На практике обычаи в ходу, в том числе для самозащиты права собственности, т. к. она доступна всем субъектам, даже если они не имеют полной дееспособности.

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 25.02.2024).

собности. Применение обычая может ограничиваться фактическими действиями по охране имущества или устанавливать пределы осуществления права.

В гражданском праве обычаи чаще всего применяются в договорных отношениях. Правовой обычай позволяет не указывать в договоре порядок, условия и сроки внесения арендной платы, а использовать их по аналогии с похожим правоотношением, что позволяет упростить правоприменительную практику.

Что касается аренды недвижимого имущества, то требование об обязательной государственной регистрации договора, заключенного на 1 год и более, спровоцировало появление правового обычая заключать договор на 11 месяцев, чтобы избежать дополнительных формальностей.

Судебная и общая деловая практика подтвердила, что укоренившихся обычаев в деловой практике в настоящее время действительно много.

Некоторые из них признаются нами настолько привычными правилами делопроизводства, что никто не задумывается, почему мы поступаем так, а не иначе:

- письменный договор является действительным, если на нем есть подписи сторон, отсутствие печатей на договоре не влечет его недействительности, т. к. обычай предполагает достаточность одних подписей;

- в расчетах сторон принято проверять факт существования организаций плательщиков и получателей через открытые данные о государственной регистрации субъектов, а если деньги передаются физическими лицами, то необходимо документальное подтверждение их личности;

- преимущества указания денежной суммы текстом также является правовым обычаем, поэтому если есть запись цифрами и сумма прописью в скобках, то приоритет отдается именно прописи, хотя законом подобное правило установле-

но только для векселей, но по обычаю оно работает и для договоров;

- при составлении и подписании акта об исполнении обязательства, когда вторая сторона отказывается его подписать, акт оформляется в одностороннем порядке, на нем ставят отметку «от подписи отказался», что не лишает его действительности;

- если организациями составляется акт сверки по взаимным расчетам, он может содержать только подпись главбуха, что является по обычаю достаточным, если акт не смог подписать руководитель;

- письмо или иной документ с приложением может быть направлен в один адрес, как и другие материалы;

- претензия по договору в настоящее время по сложившемуся обычаю направляется любым средством связи, главное, чтобы существовала возможность подтвердить отправку и получение документа и т. д.

Учитывая распространенность обычая в договорном праве, в отечественной юридической науке нет однозначного мнения, что обладает большей юридической силой: договор или правовой обычай.

Есть мнение, что обычай должен стоять выше договора, т. к. договор должен соответствовать не только закону, но и обычаю [15, с. 22].

Нам представляется, что значение обычая вполне обоснованно с течением времени снижается. Поэтому правовой обычай бесспорно должен уступать в юридической силе не только нормативному акту, но и нормативному договору, т. к. всегда имеет вспомогательное значение. К нему следует прибегать по необходимости при отсутствии в законе или договоре необходимых правил, если при этом можно избежать противоречий и конфликта интересов.

Отдельным вопросом для рассмотрения является действие обычая в предпри-

нимательском и международном частном праве.

Суд ЕАЭС применяет обычай как доказательство существования всеобщей практики, а значит, считает его правовой нормой, поэтому при толковании договора используется практика его применения и намерение сторон, обусловленные и обычаем, и договором¹.

Ю. С. Ромашев характеризует международный обычай как самый противоречивый источник права, т. к. его качественного определения нет ни в теоретических исследованиях, ни в законодательстве [16, с. 29–30].

Здесь следует указать, что, по мнению К. В. Энтина, международный обычай в настоящее время отодвинут на второй план и помещен в ранг источников вспомогательного значения [17, с. 102–130].

Действительно, в национальном и международном праве правовой обычай уступает нормативному договору как источнику права. При этом значение правового обычая приносить нельзя. Как отмечает В. А. Вайпан, нормативные акты перестают быть исключительными. На практике значение обычая при толковании закона, а также в случае судебного усмотрения растет [18, с. 11–12].

В. Ф. Попондопуло подчеркивает, что сила обычая обусловлена его нормативной природой, она самостоятельна и не зависит от других источников права [19, с. 123].

Доказать силу обычая – это тоже правовой обычай, который требует активных действий того лица, которое ссылается на него. В связи с этим обычай

признается не только законодателем, но и судом, когда приобретает особую актуальность при разрешении конкретных дел или дачи общих разъяснений. Пленум Высшего арбитражного суда РФ закрепил правило использования в качестве обычая примерных условий договора².

Обычай делового оборота очень широко распространен в предпринимательских отношениях, также часто встречаются корпоративные обычаи:

- при покупке крупного пакета акций юридическое лицо проводит оценку рисков, что является правовым обычаем и включает в себя сбор и анализ всей доступной информации об эмитенте и продавце; в том случае, если пакет акций составляет более 70% уставного капитала, такая проверка становится обязательной;

- если руководитель организации находится в отпуске или временно нетрудоспособен, принято назначать врио (временно исполняющего обязанности), что можно признать общераспространенным обычаем, даже если такое правило не отражено в уставе организации;

- для одобрения некоторых договоров (например, поручительства) для банка достаточно выписки из протокола собрания акционеров;

- вывеска с названием организации не признается рекламой независимо от ее содержания и др.

В международном частном праве юридическую силу может иметь любая практика, которая может быть принята за обычай³. Она приобретает большое зна-

¹ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 г. № CE-2-1/2-20-БК // Суд Евразийского экономического союза: сайт. URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/f7b/OM_Нешатаева.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

² О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего арбитражного суда Рос. Федерации. 2014. № 5.

³ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980 г.) // Вестник Высшего арбитражного суда Рос. Федерации. 1994. № 1.

чение и даже форму условия договора, что встречается довольно часто.

Как отмечает Е. Д. Ворникова, международный обычай должен быть обязательно признан государством. В доктрине права существует теория молчаливого одобрения. Речь идет о том, что бездействие государства-участника правоотношения может расцениваться как согласие с уже сложившейся практикой [20, с. 65].

Пленум Верховного Суда РФ указал, что использование норм права, не санкционированных государством, является общей тенденцией во всем мире и полностью соответствует общим принципам, существующим обычаям и направлениям развития международной торговли¹.

В законодательстве также обособляют «обычно предъявляемые требования», которые по своей юридической природе к обычаям не приравниваются (ст. 15, 474, 481, 614, 635 ГК и др.). Этими правилами руководствуются субъекты предпринимательской деятельности, хотя они, как и правовые обычаи, признаны, но не закреплены конкретными нормативными актами. В связи с этим содержание обычно предъявляемых требований определяется судом с учетом положений договора.

Выводы

Правовой обычай в России исторически складывался длительное время как правило поведения, не противоречащее закону и санкционированное государством с целью восполнения права.

Полагаем, что в соответствии со спецификой российской правовой системы обычай как источник права приобрел следующие характерные черты:

– равную закону юридическую силу, если он способен восполнить пробел в законе или праве;

– признание государством любым легитимным способом, если он не противоречит духу закона и принципам права;

– происхождение от повседневной практики из-за длительного добровольного использования;

– применение в социальных сферах, где необязательно, а зачастую не приемлемо государственное принуждение;

– упрощение юридической практики для нужд граждан и юридических лиц через либерализацию правоприменения.

Подводя итог, отметим, что правовой обычай в гражданском и торговом праве всегда был и остается значимым источником права, но он приобретает свою силу при условии его закрепления юридической практикой.

Помимо этого, он должен соответствовать определенным критериям, среди которых: известность и распространенность в правовом поле; практическая значимость для определенной сферы; обоснованность и разумность использования; уникальность; следование интересам субъектов определенной сферы деятельности.

Представляется, что деловое обыкновение, обычная практика (любая сложившаяся практика) и обычно предъявляемые требования должны быть по отношению к обычаю частным явлением, но не общим, и получать юридическую силу в случае их фиксации в законе или в договоре.

Полагаем, что правовой обычай на современном этапе имеет вспомогательный характер, поэтому должен всегда уступать в юридической силе не только нормативному акту, но и нормативному договору, чтобы дополнять их.

Таким образом, правовой обычай в сфере национальных и международных гражданско-правовых и предпринимательских отношений является значимым источником права, что подтверждается частотой его применения и потенциальной востребованностью.

¹ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

Список литературы

1. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.
2. Морошкин Ф. Л. Об Уложении и последующем его развитии: Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета. М.: В Университетской типографии, 1839. 87 с.
3. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Сочинения К. Кавелина. Ч. 1. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1859. С. 305–379.
4. Пыльцина М. В. К. А. Неволлин о законе // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 102–105.
5. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.
6. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М.: Тип. В. Гатпук, 1886. 410 с.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 2 / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 656 с.
8. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, Хранитель, 2006. 510, [2] с.
9. Рыбаков В. А. Правовой обычай как исторически устойчивый источник права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2007. № 3. С. 13–19.
10. Муравский В. А. О различии между источником и формой права // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 63–73.
11. Макарова Н. А. К вопросу об определении признаков правового обычая // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4 (35). С. 57–61.
12. Напалкова И. Г. Национальные правовые системы: понятие и классификация // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 46–53.
13. Лясевич Т. Г. Обычай делового оборота в системе источников гражданского права дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Российское право онлайн. 2021. № 1. С. 27–33. <https://doi.org/10.17803/2542-2472.2021.17.1.027-033>.
14. Тер-Аванесова И. Н., Переверзев А. Р. Правовой обычай в системе современного российского права // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2022. № 1. С. 77–81.
15. Ханукаев Ю. Э. К вопросу о понятии и признаках обычая в гражданском обороте и семейных отношениях // Нотариус. 2018. № 7. С. 20–22.
16. Ромашев Ю. С. К вопросу о понятии международного обычая // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 27–37. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-27-37>.
17. Энтин К. В. Роль международных договоров и международного обычного права в правопорядке ЕС и ЕАЭС // Международное правосудие. 2021. № 1. С. 102–130.
18. Вайпан В. А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 4–17.
19. Попондопуло В. Ф. Источники и внешние формы выражения предпринимательского права // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 120–129. https://doi.org/10.34076/20713797_2022_1_120.
20. Ворникова Е. Д. Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами // Хозяйство и право. 2022. № 8. С. 57–68. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-8-57-68>.

References

1. Digesty Yustiniana [Justinian's Digests]; ed. by L. L. Kofanov. Moscow, Statut Publ., 2002. 115 p.
2. Moroshkin F. L. Ob Ulozhenii i posleduyushchem ego razvitii: Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Moskovskogo universiteta [On the Code and its subsequent development: Speech delivered at the ceremonial meeting of Moscow University]. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1839. 87 p.
3. Kavelin K. D. Vzgl'yad na yuridicheskii byt drevnei Rossii [A look at the legal life of ancient Russia]. Sochineniya K. Kavelina [Works by K. Kavelin]. Part 1. Moscow, K. Soldatenkov i N. Shchepkin, 1859, pp. 305–379.
4. Pyl'cina M. V. K. A. Nevolin o zakone [K. A. Nevolin about the law]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and criminal Process*, 2019, no. 4, pp. 102–105.
5. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, Br. Bashmakovykh Publ., 1910, vol. 1. 805 p.
6. Kovalevskii M. Sovremennyyi obychai i drevnii zakon [Modern custom and ancient law]. Moscow, Tip. V. Gatpuk Publ., 1886. 410 p.
7. Pobedonostsev K. P. Kurs grazhdanskogo prava [Civil law course]; ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo Publ., 2003, vol. 2. 656 p.
8. Il'in I. A. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve [General doctrine of law and state]. Moscow, AST Publ., AST MOSKVA, Hranitel' Publ., 2006. 510, [2] p.
9. Rybakov V. A. Pravovoi obychai kak istoricheski ustoichivyi istochnik prava [Legal custom as a historically stable source of law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2007, no. 3, pp. 13–19.
10. Muravskii V. A. O razlichii mezhdru istochnikom i formoi prava [On the difference between the source and form of law]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2013, no. 5, pp. 63–73.
11. Makarova N. A. K voprosu ob opredelenii priznakov pravovogo obyachaya [The question of determining the features of legal custom]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4 (35), pp. 57–61.
12. Napalkova I. G. Natsional'nye pravovye sistemy: ponyatie i klassifikatsiya [National legal systems: the concept and classification]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2021, no. 1, pp. 46–53.
13. Ljasovich T. G. Obychaj delovogo oborota v sisteme istochnikov grazhdanskogo prava dorevolucionnoy Rossii (istoriko-pravovoy aspekt) [Customary business practice in the system of sources of civil law of pre-revolutionary Russia (historical and legal Aspect)]. *Rossiiskoe pravo onlajn = Russian law online*, 2021, no. 1, pp. 27–33. <https://doi.org/10.17803/2542-2472.2021.17.1.027-033>
14. Ter-Avanesova I. N., Pereverzev A. R. Pravovoj obyachaj v sisteme sovremennogo rossijskogo prava [Legal custom in the system of modern Russian law]. *Nauchnyj vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Nevinnomysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tehnicheskij institut" = Scientific bulletin of the State Autonomous educational institution of higher education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute"*, 2022, no. 1, pp. 77–81.
15. Khanukaev Yu. E. K voprosu o ponyatii i priznakakh obyachaya v grazhdanskom oborote i semeinykh otnosheniyakh [On the concept and attributes of tradition in civil transactions and family relationships]. *Notarius = Notary*, 2018, no. 7, pp. 20–22.
16. Romashev Ju. S. K voprosu o ponyatii mezhdunarodnogo obyachaya [To the question of the concept of international custom]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow*

Journal of International Law, 2022, no. 1, pp. 27–37. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-27-37>

17. Entin K. V. Rol' mezhdunarodnykh dogovorov i mezhdunarodnogo obychnogo prava v pravoporyadke ES i EAES [The role of international treaties and customary international law in the legal order of the EU and EAEU]. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2021, no. 1, pp. 102–130.

18. Vaipan V. A. Istochniki predprinimatel'skogo prava: teoriya i praktika [Sources of business law: theory and practice]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2015, no. 10, pp. 4–17.

19. Popondopulo V. F. Istochniki i vneshnie formy vyrazheniya predprinimatel'skogo prava [The sources and external forms of expression of entrepreneurial law]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian legal journal*, 2022, no. 1, pp. 120–129. https://doi.org/10.34076/20713797_2022_1_120

20. Vornikova E. D. Osobennosti pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skikh otnoshenii v sfere vneshnei torgovli uslugami [Peculiarities of legal regulation of business relations in the field of foreign trade in services]. *Khozyaistvo i pravo = Farming and law*, 2022, no. 8, pp. 57–68. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-8-57-68>

Информация об авторе / Information about the Author

Минина Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых и гуманитарных наук, Воронежский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: minina-nv.73@yandex.ru, ORCID: 0009-0006-6127-4824

Natalia V. Minina, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law and Humanities, Voronezh Branch of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Voronezh, Russian Federation, e-mail: minina-nv.73@yandex.ru, ORCID: 0009-0006-6127-4824

Пыльцина Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономики предпринимательства, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: pmvistoria@mail.ru, ORCID: 0009-0006-8360-8952

Marina V. Pyltcina, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Business Economics, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov, Voronezh, Russian Federation, e-mail: pmvistoria@mail.ru, ORCID: 0009-0006-8360-8952

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.15

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-21-31>

Правовое регулирование монастырского ростовщичества в Русском государстве в XV–XVII веках

М. О. Кузьмин¹ ✉

¹Воронежский государственный университет
пл. Университетская, д. 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

✉ e-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье исследуется проблематика нормативной регламентации монастырского ростовщичества на Руси в эпоху Средневековья и Нового времени. Вследствие особенностей экономико-социального развития и историко-политических причин Церковь долгое время осуществляла операции, свойственные специализированным кредитно-банковским организациям. Тем не менее такая деятельность противоречила основным христианским принципам и текстам Священного Писания, побуждая законодателя реагировать на сложившуюся ситуацию путем создания различных нормативно-правовых актов. Изучение данного вопроса советскими учеными через призму антирелигиозной политики в современный период не может отражать всю объективность названного феномена. Рассмотрение монастырей как уникального субъекта гражданского оборота в XV–XVII столетиях позволит переосмыслить степень развития финансовых отношений в Русском государстве.

Целью исследования является формирование современного научного подхода к правовому регулированию денежно-заемной деятельности монастырей на Руси.

Задачи: определить место монастырского ростовщичества в финансовой сфере Русского государства; охарактеризовать основные механизмы взаимодействия Церкви и иных субъектов гражданского оборота в области заемных сделок; выявить особенности нормативной регламентации указанного явления.

Методология исследования характеризуется применением принципов историзма и объективности, а также структурно-функционального, формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Результаты исследования свидетельствуют о многогранности поставленной проблематики, имеют историко-правовую природу и позволяют рассматривать участие монастырей в кредитных сделках с позиции хозяйственно-юридических взглядов для дальнейшего изучения.

Выводы, сформулированные по результатам исследования, подтверждают наличие сложноструктурированных денежно-заемных отношений в Русском государстве в XV–XVII веках и их особой правовой регламентации. Статья является продолжением научных изысканий автора по вопросам правового регулирования кредитно-банковских отношений в истории России.

Ключевые слова: договор займа; кредит; ростовщичество; монастыри; финансы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кузьмин М. О. Правовое регулирование монастырского ростовщичества в Русском государстве в XV–XVII веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 21–31. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-21-31>.

Поступила в редакцию 01.03.2024

Принята к публикации 26.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Legal Regulation of Monastic Usury in Russia in the XV-XVII Centuries

Maxim O. Kuzmin¹✉

¹Voronezh State University

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russian Federation

✉ e-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Abstract

Relevance. This article examines the problems of normative regulation of monastic usury in Russia in the Middle Ages and Modern era. Due to the peculiarities of economic and social development and historical and political reasons, the Church for a long time carried out operations characteristic of specialized credit and banking organizations. However, such activities contradicted basic Christian principles and the texts of the Holy Scriptures, prompting the legislator to respond to the current situation by creating various legal acts. The study of this issue by Soviet scientists through the prism of anti-religious policy in the modern period cannot reflect the full objectivity of this phenomenon. Consideration of monasteries as a unique subject of civil legal relations in the XV-XVII centuries will allow us to rethink the degree of development of financial in the Russia.

The purpose of the research is to form a modern scientific approach to the legal regulation of monetary and borrowing activities of monasteries in Russia.

Objectives: to determine the place of monastic usury in the financial sphere of the Russia; to characterize the main mechanisms of interaction between the Church and other subjects of civil legal relation in the field of loan transactions; to identify the features of normative regulation of this phenomenon.

The research **methodology** is characterized by the application of the principles of historicism and objectivity, as well as structural-functional, formal-legal and comparative-legal methods.

The results of the research indicate the versatility of the problems posed, have a historical and legal nature and allow us to consider the participation of monasteries in credit transactions from the perspective of economic and legal views for further scrutiny.

The conclusions formulated based on the results of the study confirm the existence of complexly structured monetary-borrowing relations in the Russia in the 15th-17th centuries and their special legal regulation. The article is a continuation of the author's scientific research on issues of legal regulation of credit and banking relations in the history of Russia.

Keywords: loan agreement; credit; usury; monasteries; finance.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmin M. O. Legal Regulation of Monastic Usury in Russia in the XV-XVII Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 21–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-21-31>

Received 01.03.2024

Accepted 26.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Нельзя не обратить внимание на некоторую особенность, проявившуюся только в отечественной финансовой сфере исходя из объективных обстоятельств развития государства. Так, в период позднего Средневековья – начала Нового времени на Руси складывается система

специфических кредитных организаций – монастырей. Благодаря особому статусу, нетронутые монголами религиозные учреждения становились центрами не только духовной, но и хозяйственной жизни, зачастую аккумулируя колоссальные экономические ресурсы в своих руках [1, с. 237]. Значительный объем капи-

тала, полученного монастырями путем наследования и дарения вотчин, внесения в казну духовной общины пожертвований и вкладов для пострижения, реализации разнообразных товаров, произведенных силами монахов и послушников, не мог не быть задействован в денежном обороте [2, с. 78]. Нельзя не отметить специфический тип приобретения различного рода имущества – с помощью залога. Именно таким способом монастыри скрывали кредитные отношения с должниками. Механизм перехода собственности действовал следующим образом: церковное учреждение передавало по договору займа заинтересованному лицу какие-либо материальные ценности, однако при просрочке обязательства оно получало права на закладную вотчину [3, с. 614]. В результате монастыри в Московском государстве стали крупнейшими феодалами, которые могли соперничать с Великим князем и влиять на него в политическом поле.

Методология

Специфика настоящего исследования подразумевает применение междисциплинарного подхода, который в данном случае оперирует достижениями науки в сфере истории, социологии, экономики, а также других областях знаний. Вместе с тем использование общенаучных и специальных методов позволило в полной мере изучить проблематику правовой регламентации монастырского ростовщичества. Применение формально-юридического и сравнительно-правового методов обеспечивает возможность обобщения нормативного материала XV–XVII вв., сопоставления правовых положений разных эпох и их анализ, описания получившихся результатов для дальнейшего использования в научной среде.

Результаты и их обсуждение

На протяжении столетий монастыри преумножали свои финансы путем выда-

чи всевозможных ссуд и займов: предметом кредитного договора выступали и монетные средства платежа, и натуральные продукты. Стоит отметить, что сложившийся со времен Устава Владимира Всеволодовича обычай отдавать зерно в «присопь» и «настав» существовал и в момент централизации Московского государства. Иными словами, ссудное зерно, такое как рожь, пшеница или овес, должник возвращал с процентом в виде натуральной доплаты. В части денежного роста монастыри кредитовали по ставкам ниже указанных в Пространной редакции Русской Правды. К XIV–XV столетию сформировался процентный интервал, в рамках которого займодавцы предлагали заключать сделки – значения варьировались от 12% до 14% годовых, что считалось «легким ростом» [4, с. 238]. Кроме того, имела место традиция возврата денежной ссуды, когда дата исполнения обязательства приурочивалась к важному православному празднику, т. е. срок кредита редко превышал один год.

Тем не менее к периоду правления Ивана III Васильевича продолжало существовать религиозное табу на кредитно-финансовые сделки – церковные деятели ссылались на библейский запрет о недопущении предоставления материальных ценностей в долг под процент, в том числе с участием обителей. Более того, монастырское ростовщичество остро критиковалось видными православными деятелями. К примеру, Нил Сорский выступал с предложениями ограничить церковное землевладение и запретить участвовать обителям в кредитных отношениях [5, с. 16]. Общественное движение, возникшее на основе подобных взглядов, получило название «нестяжательство». Схожих позиций придерживались насельник Кириллова монастыря Вассиан и Максим Грек, которые порицали возможность Церкви заключать заемные сделки с мирянами [6, с. 82]. Однако нестяжательство не было первым религиозным уче-

нием, обличающим материальные ценности церкви. В середине XIV в. в Пскове появилась ересь стригольников, сторонники которой критиковали высших духовных лиц за корысть в контексте монашеского ростовщичества и землевладения. Не получив широкой поддержки населения в течение нескольких десятилетий, движение потеряло всякое значение и исчезло.

Оппонентами нестяжателей выступили последователи Иосифа Волоцкого, считавшие наличие монашеской собственности благим делом при использовании её в рамках благотворительных и просветительских целей. В то же время с обозначенными помыслами было сопряжено и ростовщичество, кратно умножавшее имущество монастырей. Полемика нестяжателей и иосифлян вылилась в продолжительный конфликт, который отразился на законодательстве того периода, а также изменил принципы отечественной кредитно-банковской сферы и отношение к денежным займам в русском обществе.

Обитатели кредитовали различные сословия – возможность оформить заем была как у аристократии, так и у тяглых людей – жителей посадов и крестьян. При этом институт залога выступал своеобразной обеспечительной мерой, предметом которой могло выступать не только недвижимое имущество, но и иные вещи, находящиеся в гражданском обороте. Судьба залога при неуплате долга в рамках сложившихся правовых обычаев XV в. была классической по современным меркам – он пополнял казну монастыря. К тому же цели кредитно-банковских операций носили зачастую сугубо социально-экономический характер. С точки зрения хозяйственности займы помогали справиться с последствиями вооруженных конфликтов, разорявших многие вотчины, увеличить размер владений феодала, пережить кризисные эпохи в виде засух и неурожаев. Тем не менее с учетом обилия потрясений и

трудных исторических периодов, в которых оказывалось население Московского государства, постепенно в ростовщической деятельности монастырей вместо краткосрочных займов стали преобладать долгосрочные, нацеленные на закабаление должников.

Термин «кабала» появился в отечественном законодательстве только к середине XVI в., однако данная категория была известна русскому праву задолго до Судебника Ивана IV. Имея арабское происхождение и дословно переводившееся как «купля-продажа», вышеобозначенное понятие означало письменную форму обязательства, которое могло быть обеспечено залогом или другими подобными мерами [7, с. 135]. Такая заемная расписка составлялась сторонами по утвержденной традициями форме, о чем свидетельствуют документальные памятники соответствующей эпохи [8, с. 3]. В частности, кабальная грамота представляла собой образец, заполненный писарем или подъячим с указанием сведений о должнике – имени или прозвища, места жительства и сословия. Вместе с тем в записи содержалась информация о процентах по ссуде и сроках её возврата, иные дополнительные положения, предусмотренные договором. Обязательным условием выступало удостоверение заемщиком кабалы с помощью прикладывания руки, т. е. подписанием путем оставления отпечатка пальца на обороте.

Отсутствие законодательного закрепления норм о заемных расписках, имевших широкое распространение в правоприменительной практике, в очередной раз подтверждает тезис о преобладании в Русском государстве обычного права над правом писаным. Тем не менее без специального оформления сделок, которым и выступала кабала, кредитно-банковские отношения не получили бы должного развития – долгосрочные займы невозможны без задокументированных свидетельств.

Аналогичная позиция прослеживалась и в Псковской судной грамоте. К тому же в отечественном праве намечалась тенденция ухода от привлечения послухов для подтверждения факта заключения сделки. Способы доказывания, сопряженные с такой формой составления договора, из законодательства постепенно исчезали. В первую очередь, речь идет о поле – судебном поединке, представлявшем собой Божий суд, который в XVI в. стал заменяться на принесение присяги по жребию [7, с. 135]. Исходя из этого, кабала стала единственным способом утверждения наиболее значимых сделок, в том числе в сфере торговли и ростовщичества. Данный правовой институт со временем стал подразделяться на различные виды. Например, историографии известна, помимо заемной и закладной, кабала выданная, подложная, ростовая, а также служилая [9, с. 152]. При этом отдельно рассматривались обязательства, возникавшие у должников по отношению к обителям [8, с. 4]. В большинстве случаев договоры касались выдачи ссудных средств под залог недвижимости. Нередко вместо материального вида проценты уплачивались путем разрешения использования земельных участков в интересах заимодавца или третьего лица, которое уплачивало рост кредитору в денежном выражении. Подобная ситуация излагается в закладной на пустошь, оформленной Васюком Ногой Есиповым в пользу старца Свято-Троицкой Сергиевой лавры Геронтия [8, с. 5].

Для целей упорядочивания кредитно-банковской деятельности, субъектами которой выступали монастыри, каждая обитель вела определенный финансовый учет путем составления долговых книг. В ней отражались заемные сделки, договоры купли-продажи, вклады и иные операции, связанные с материальными ценностями разного масштаба. В частности, долговая книга Иосифово-Волоцкого монастыря, основанного ранее упомянутым лидером противников нестяжателей, на

начало XVI в. содержала более 60 записей [10, с. 172]. На первый взгляд большинство сделок не носили финансовый характер – преобладающее количество договоров представляли собой безвозмездную передачу имущества в пользу обители в виде вклада или договора дарения. Тем не менее на практике, как было отмечено ранее, монастыри маскировали ростовщическую деятельность под иные действия экономико-правовой природы. Несмотря на то, что юридически недвижимость передавалась обителям путем дарения с целью «помина души», фактически подобное было платой по долгам крупных и мелких землевладельцев. Подтверждение вышеуказанных манипуляций содержится в ряде дарственных грамот, когда под видом безвозмездных сделок осуществлялось исполнение денежных обязательств [11, с. 52]. Однако в учетных документах монастырей такие факты не могли быть отражены. Исходя из этого, нельзя установить реальный объем притворных сделок, существовавших в XV–XVI вв. в сфере кредитования. Современные исследователи могут опираться только на те «данные» грамоты, которые являлись отдельно взятым юридическим фактом, т. е. казусом.

Вместе с тем за два столетия монастырикратно увеличили своё землевладение. Этот феномен является косвенным подтверждением вышеуказанной позиции – ростовщическая активность позволила приумножить богатства обителей за счет свободного оборачиваемого капитала. При этом перед государством остро встал вопрос об ограничении церковной финансовой деятельности. Первая серьезная попытка разрешить существующую проблему для великокняжеской власти в части феодальной собственности монастырей была предпринята в конце правления Ивана III Великого. Для этих целей в 1503 г. был созван Собор Русской православной церкви, на котором было выдвинуто предложение о секуляризации земель, принадлежавших обителям [12,

с. 128]. Инициатором выступил сам Государь и Великий князь, однако подобное мнение не было поддержано влиятельными духовными лицами. На основании этого прийти к какому-либо конечному результату относительно вопросов о монастырском землевладении и ростовщической деятельности обитателей не удалось. Иван III Васильевич стремился лишить религиозные общины основы заемных отношений – капитала, с помощью которых они могли кредитовать различных субъектов. Аналогичные меры были предприняты государем в отношении новгородских церковных земель при присоединении боярской республики к Москве. Тем не менее, как и тремя веками ранее, великокняжеская власть не справилась с вышеобозначенной задачей, по крайней мере, в рамках Собора 1503 г. К тому же собрание наивысших духовных лиц государства ознаменовало первое прямое столкновение иосифлян и нестяжателей.

Во всяком случае, наиболее ранней попыткой ограничить практику монашеских займов считается созыв Владимирского собора в 1274 г., важные решения которого были закреплены в Правиле митрополита Кирилла II. Особое внимание в первой части данной грамоты высших религиозных иерархов было уделено требованиям, предъявляемым к кандидатам на получение церковного сана. Так, будущий священник не мог стать служителем, если «...а или в лживее посушьстве был боудет, или оубийство створил боудет, волею или ноужею, или резovníк» (а или уличен во лживом обещании, совершил убийство, умышленное или по принуждению, или ростовщик. – *Авт.*) [13, с. 91]. В данном случае термин «резovníк» подразумевает ведение деятельности по передаче денежных средств или иных материальных ценностей в рост. Несмотря на установленный запрет, кредитование обителями мирян стремительно укоренялось в сознании населения. К XVI в. монастырское ростовщичество так

широко распространилось на всей территории Московского государства, что становилось причиной деградации и разорения большого количества селений, выступавших обеспечительной мерой по заемным сделкам. К середине столетия проблема монастырского ростовщичества для великокняжеской власти была предельно ощутимой, следовательно, требовала от монарха незамедлительных решений.

В тот исторический период в России на царство венчался Иван IV Васильевич, который с осторожностью относился к укреплению позиций Церкви при дворе в целом и финансовой деятельности религиозных институтов в частности. В 1551 г. на Стоглавом соборе его участники по инициативе самодержца рассмотрели недопустимость кредитно-банковской деятельности монастырей, тем самым подтверждая существующий конфессиональный запрет. При этом по результатам работы такого собрания были приняты не только церковные решения, но и утвержден новый Судебник, в котором значительным образом изменился подход к заемным правоотношениям.

На разрешение поместного собора был поставлен ряд вопросов различного значения и всевозможной тематики. Глава 6 сборника содержит исчерпывающий перечень из 37 положений о церковном строении, требующих первоочередного рассмотрения. Вопрос под номером 16 акцентирует внимание на деньгах, которые религиозные организации выдают под проценты населению. Предполагается, что обозначенную проблему, критикующую ростовщичество монастырей, сформулировал А. Ф. Адашев, опираясь на челобитные подданных Царя всея Руси [14, с. 103]. Отвечая на поставленный вопрос, текст Стоглава, в свою очередь, содержал положения, ссылающиеся на Библию, не разрешавшую ростовщичество ни священнослужителям, ни монахам, ни мирянам. Глава 76 указывала на то, что «денги давати по своим селом

своим хрестьяном без росту и хлеб без наспу того для, чтобы за ними християне были, и села бы их были не пусты» [7, с. 354]. Иными словами, постановление собора смогло урегулировать не только сложную социальную и правовую ситуацию, но и экономическую проблему, влиявшую на долгосрочные перспективы развития государства. К тому же Стоглав узаконил церковные долговые книги, которые выступали доказательством заключения договора займа между субъектами. Обычно такого типа документы хранились в монастырской казне и были призваны ограничить кабальные обязательства, которые зачастую возлагались на беднеющее население. Впрочем, со своей стороны Церковь с начала XVI в. вводит в гражданский оборот понятие очищальной грамоты (отписи), служившей гарантией того, что при продаже угодий объект сделки не находится в залоге у обителя и не упоминается в духовном завещании какого-либо лица. По логике сторонников монашеского землеуладения подобные акты были направлены на подтверждение бескабальности договоров и одновременно на закрепление за монастырями права на недвижимость. Принимая во внимание характер данных документов, необходимо сделать вывод: наиболее распространенным способом приобретения земли становятся заемные операции.

Во всяком случае, в конце XV – середине XVI в. при всех попытках монарха ограничить церковное ростовщичество всякого кредитора комплексно защищало действующее на тот момент законодательство – Судебники 1497 и 1550 гг. К тому же сложившаяся правоприменительная практика в области заемных обязательств поддерживала позицию займодавца при любых обстоятельствах. Например, текст ряда закладных на деревни в период с 1517 по 1519 г. содержал условия, которые ставили заемщиков в заведомо невыгодное положение по

сравнению с «митрополичьей казной», выдававшей кредитные деньги [8, с. 7].

Коренной перелом относительно этого вопроса произошел после создания Соборного Уложения 1649 г. Стоит обратить внимание на то, что в положениях свода законов активно применялись термины «кабала», «заем» и производные от них лексемы. При этом понятие «рост» упоминается единично, например, в ст. 255 главы X, которая, в свою очередь, стала переломной точкой в вопросе регулирования ранее обозначенного монастырского ростовщичества. Так, вопреки существовавшему приговору церковно-земского собора от 15 января 1580 г., запрещавшему обителям, их владыкам, а также митрополиту приобретать в рамках договора купли-продажи земельные владения и держать закладные грамоты на недвижимость [15, с. 27], Церковь продолжала наращивать материально-финансовую базу. Равным образом, царская власть усилила борьбу с подобным явлением и включила в текст Уложения 1649 г. полное табу на взимание процентов по кредитным сделкам: «по правилу Святых Апостол и Святых Отец росту на заемныя денги имати не велено [16, с. 154]». Формально на целое столетие правовая система Русского государства, вплоть до образования Государственного заемного банка, не признавала заем в его традиционном проявлении. Для участников гражданского оборота оставалась только конструкция безвозмездной ссуды, повсеместное использование которой затормозило бы хозяйственное развитие России и ввергло её экономическую сферу в хаос. В таком случае мелкие феодалы и иные некрупные держатели финансовых ресурсов не имели интереса кредитовать население ввиду безвозмездности сделки. Обращение должников в холопство для данных социальных слоев несло дополнительное бремя прокорма зависимых лиц. Указанные обстоятельства были скорее негативными, чем позитивными,

ставили под угрозу экономическое состояние самих заимодавцев.

В действительности ростовщики продолжали брать привычный процент в связи со сложившимся правовым обычаем. К примеру, в заемной кабале крестьянина Афанасия Ивановича Калякина с детьми в пользу Воскресенского монастыря от 26 января 1657 г. на общую сумму 2 рубля указывается следующее: «а полягут денги по сроце, и нам ему... денги давати строителю рост, как идет в людях, по розчету на пять шестой» [8, с. 1]. Иными словами, названная ставка за пользование деньгами была известна ещё Пространной редакции Русской Правды, что в пересчете на современную систему банковского счисления, по мнению специалистов, составляло 20% годовых [3, с. 699]. Исходя из вышеупомянутой кабалы, кредитором в данной сделке выступала обитель, а должниками – представители крестьянства.

Следует отметить, что наряду с финансовой формой займа широкое применение по-прежнему имел и натуральный вид соглашения. Церковь давала крестьянам в рост, как и несколько столетий назад, различные продукты сельскохозяйственной деятельности. Предметом такого товарного кредита преимущественно оказывалось зерно: рожь, овес, пшеница, ячмень и другие злаковые культуры. Отсюда возврат долга мог быть осуществлен в безденежном виде, но только на условиях возмездности – рост определялся в зависимости от полученного урожая. Если ссудное зерно, использованное для посевов, не приносило должного количества сжатых хлебов, заемщику назначался финансовый эквивалент [17, л. 1–5]. Вдобавок данные правила применялись не только к свободным лицам, взявшим на себя обязательство, но и тем, кто уже относился к разряду монастырских крестьян, а также холопов. С XVII в. холопы фактически отождествлялись с крепостными, получали в пользование земельные наделы,

вели хозяйственную деятельность и несли повинности. Данная категория зависимого населения просуществовала в Русском государстве до середины XVIII в. и была упразднена по указу от 14 марта 1746 г. [18]

Тем не менее на практике встречались исключения, обусловленные для общества кризисными периодами. Так, в Смутное время некоторые обители не только предоставляли беспроцентные займы, но и могли не устанавливать точного срока возврата кредитного имущества, т. е., согласно тексту документа, «а заплатит мне та рож как Бог даст осад минетца» [19, л. 1–226]. Однако по большей части подобный механизм работал в отношении монахов, послушников и собственных тяглых людей. К остальным категориям населения Русского царства из года в год требования оставались неизменными. Например, князь Петр Федорович Мещерский в конце XVII в. смог получить в долг от настоятеля Иосифово-Волоцкого монастыря 280 рублей только под залог драгоценностей [20, л. 1].

Выводы

В итоге необходимо отметить, что в отличие от мелких заимодавцев монастыри, наоборот, стремились к предоставлению наибольшего количества денежных ссуд тем слоям населения, которые, с большой долей вероятности, не смогут исполнить своих обязательств и будут вынуждены переходить в число холопов. Благодаря этому Церковь умножала свое благосостояние и реализацией залога на земельные участки, и увеличением числа зависимого населения. Основу таких процессов составляло развитие кредитно-денежных институтов, ключевую роль в осуществлении которого сыграли многочисленные русские монастыри.

Таким образом, несмотря на прямой законодательный запрет Церковь не только продолжала кредитовать частных

лиц различного социального происхождения, но и ощутимо расширила влияние на рынке финансового капитала ввиду отсутствия полноценных альтернатив. При этом в Московском государстве не прижились банковские учреждения западного образца, позволявшие удовлетворять заемные потребности субъектов гражданского оборота. В соответствии с вышеуказанным монастыри активно опе-

ривали своим доминирующим положением для охолопивания заемщиков. Данный процесс начался задолго до принятия Соборного Уложения Алексея Михайловича и продлился вплоть до упразднения такого вида зависимости как юридической категории (перехода холопов в число крепостных крестьян) по ранее упомянутому указу от 14 марта 1746 г.

Список литературы

1. Смолич И. К. Русское монашество, 988-1917. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 1997. 773 с.
2. Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. Рязань: Рязгостип., 1929. 98 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
4. Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций: в 3 т. Т. 1. М.: АСТ, 2002. 592 с.
5. Данилова К. А., Маякунов А. Э. К вопросу об этико-правовом учении Нила Сорского // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 3(27). С. 14–19.
6. Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе / предисл.: послушник Моисей. Сергиев Посад: Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910. 299 с.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. 2 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 519 с.
8. Акты, относящиеся до юридического быта древней России: в 3-х т. Т. 2 / под ред. Н. Калачова. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1864. 872 с.
9. Судебники XV–XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.: РГБ, 2006. 620 с.
10. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.
11. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков: в 3-х т. Т. 2 / подгот. к печати А. А. Зимин; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 664 с.
12. Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 223 с.
13. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : (Памятники XI–XV в.) / под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 1472 с.
14. Шапошник В. В. Финансовые вопросы на Стоглавом соборе // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 96–114.
15. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. 3 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 511 с.
16. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
17. РГАДА (Всероссийский государственный архив древних актов). Ф. 1192. Оп. 1. Ч. 4. Д. 2556.

18. О непокупке купцам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крестьян // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 12, № 9267.
19. РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Ч. 4. Д. 2526.
20. РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Ч. 4. Д. 2276.

References

1. Smolich I. K. Russkoye monashestvo, 988-1917 [Russian monasticism, 988-1917]. Moscow, Tserkov.-nauch. tsentr "Pravoslav. entsikl.", 1997. 773 p.
2. Grekulov E. F. Nравy russkogo dukhovenstva [Morals of the Russian clergy]. Ryazan, Ryazgostip., 1929. 98 p.
3. Vladimirsky-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 800 p.
4. Klyuchevsky V. O. Russkaya istoriya: Polnyy kurs lektsiy [Russian history: Complete course of lectures]. Moscow, AST Publ., 2002, vol. 1. 592 p.
5. Danilova K. A., Mayakunov A. E. K voprosu ob etiko-pravovom uchenii Nila Sorskogo [On the issue of the ethical and legal teaching of Nil Sorsky]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo.* = *Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: History. Political. Law*, 2022, no. 3(27), pp. 14–19.
6. Maksim Grek. Sochineniya prepodobnago Maksima Greka v russkom perevode [Works of the Venerable Maximus the Greek in Russian translation]. Sergiev Posad, Sv.-Troickaya Sergieva Lavra, 1910. 299 p.
7. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, vol. 2. 519 p.
8. Akty, odnosyashchiyesya do yuridicheskago byta drevney Rossii [Acts relating to the legal life of ancient Russia]; ed. by N. Kalachov. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Acad. nauk, 1864, vol. 2. 872 p.
9. Sudebniki XV–XVI vekov [Legal Codes of the XV–XVI centuries]; ed. by R. B. Muller, L. V. Cherepnin, B. D. Grekov, eds. Moscow, RSL Publ., 2006. 620 p.
10. Zimin A. A. Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV–XVI v.) [Large feudal estate and socio-political struggle in Russia (late XV–XVI centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 356 p.
11. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vekov [Acts of feudal land tenure and economy of the XIV–XVI centuries]; ed. by A. A. Zimin, L. V. Cherepnin. Moscow, Acad. Nauk SSSR Publ., 1956, vol. 2. 664 p.
12. Ivina L. I. Krupnaya votchina Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – pervoy poloviny XVI v. [Large patrimony of North-Eastern Rus' at the end of the 14th – first half of the 16th century]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otd-nie, 1979. 223 p.
13. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (Pamyatniki XI–XV v.) [Monuments of ancient Russian canon law]; ed. by A. S. Pavlov. 2th ed. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova, 1908, pt. 1. 1472 p.
14. Shaposhnik V. V. Finansovyye voprosy na Stoglavom sobore [Financial issues at the Stoglav Cathedral]. *Khristianskoye chteniye* = *Christian Reading*, 2014. no. 1, pp. 96–114.
15. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, vol. 3. 511 p.

16. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. *Sobornoye ulozheniye 1649 goda* [The Council Code of 1649]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1961. 444 p.

17. RGADA (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, op. 1, ch. 4, d. 2556.

18. О nepokupke kuptsam i prochim raznochintsam, sostoyashchim v podushnom oklade, lyudey i krest'yan [On the non-purchase of people and peasants to merchants and other raznochins, who are paid per capita]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 12, no. 9267.

19. RGADA, f. 1192, op. 1, ch. 4, d. 2526.

20. RGADA, f. 1192, op. 1, ch. 4, d. 2276.

Информация об авторе / Information about the Author

Кузьмин Максим Олегович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: maksimkuzmin@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-0254-5584

Maxim O. Kuzmin, Post-Graduate Student of Theory and History of State and Law Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: maksimkuzmin@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-0254-5584

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.12

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-32-40>

Рецепция идей Фихте в становлении правовых взглядов Б. П. Вышеславцева

Д. В. Липич¹ ✉

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: lipich@bsu.edu.ru

Резюме

Актуальность. Современная философия права, являясь одним из ведущих разделов юридической науки, развивается с опорой на тот духовный опыт, который приобретался в диалоге русской и немецкой философско-правовой мысли. Русская философская мысль конца XIX – начала XX века в круг своих исследовательских интересов ставила вопросы формирования нравственно-правового идеала, соотношения права и нравственности, свободы и ответственности личности.

Цель исследования состоит в анализе рецепции философско-правовых идей представителя немецкой классической философии И. Г. Фихте в становлении правовых взглядов Б. П. Вышеславцева.

Задачи: проанализировать в работе Б. П. Вышеславцева «Этика Фихте» IV раздел «Право и нравственность» вопросы соотношения права и нравственности в системе трансцендентальной философии Фихте.

Методология. Методологической основой данного исследования явились принципы системности, единства логического и исторического, анализа, позволившие исследовать рецепцию философско-правовых взглядов И. Г. Фихте в русской философии права.

Результаты. Проведенное исследование показало, что в основе правовой действительности лежит такой трансцендентальный феномен, как закон права, и главная задача философии права заключается в том, чтобы показать его место в системе разума. Само понятие права а priori выступает как нечто должное, как идея справедливости, находящаяся в положительном праве. Право стремится к реализации идеи справедливости, раскрывающей смысл всякой правовой действительности.

Вывод. Размышления Б. П. Вышеславцева над философско-правовыми взглядами Фихте дают возможность сделать вывод, что он увязывает проблематику соотношения государства и права со свободой личности, с ее ролью конституирования системы права. Б. П. Вышеславцев считает, что у Фихте закон права резко отличается от закона природы, но и не сливается с законом нравственности. Закон права не выводится из закона нравственности, а наоборот, право и государство являются внешними границами и одновременно условиями существования «общины свободных существ».

Ключевые слова: философия права; закон; справедливость; право; мораль; нравственность; свобода; естественное право.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Липич Д. В. Рецепция идей Фихте в становлении правовых взглядов Б. П. Вышеславцева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 32–40. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-32-40>.

Поступила в редакцию 27.02.2024

Принята к публикации 26.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Reception of Fichte's Ideas in the Formation of B. P. Vysheslavtsev's Legal Views

Dmitry V. Lipich¹ ✉

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: lipich@bsu.edu.ru

Abstract

Relevance. Modern philosophy of law, being one of the leading branches of legal science, develops based on the spiritual experience that was acquired in the dialogue of Russian and German philosophical and legal thought. The Russian philosophical thought of the late XIX-early XX in the circle of its research interests raised the issues of the formation of the moral and legal ideal, the relationship of law and morality, freedom and responsibility of the individual.

The purpose of the study is to analyze the reception of philosophical and legal ideas of the representative of German classical philosophy I.G. Fichte in the formation of legal views of B.P. Vysheslavtsev.

Objectives: to analyze in B.P. Vysheslavtsev's work "Ethics of Fichte" section IV "Law and morality" the issues of the correlation of law and morality in the system of transcendental philosophy of Fichte.

Methodology. The methodological basis of this study is the principles of consistency, unity of logical and historical analysis, which allowed us to explore the reception of I.G. Fichte's philosophical and legal views in the Russian philosophy of law.

Results. The conducted research has shown that the basis of legal reality is such a transcendental phenomenon as the law of law, and the main task of the philosophy of law is to show its place in the system of reason. The very concept of law acts a priori as something due, as an idea of justice found in positive law. Law strives to realize the idea of justice, which reveals the meaning of all legal reality.

Conclusion: B.P. Vysheslavtsev's reflections on Fichte's philosophical and legal views makes it possible to conclude that he links the problems of the relationship between state and law with individual freedom, with its role in the constitution of the legal system. B.P. Vysheslavtsev believes that Fichte's law of law differs sharply from the law of nature, but also does not merge with the law of morality. The law of law is not derived from the law of morality, but on the contrary, law and the state are external borders and at the same time conditions for the existence of a "community of free beings".

Keywords: philosophy of law; law; justice; law; morality; morality; freedom; natural law.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Lipich D. V. Reception of Fichte's Ideas in the Formation of B. P. Vysheslavtsev's Legal Views. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 32–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-32-40>

Received 27.02.2024

Accepted 26.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Проблемы становления личности и общества, взаимоотношения права и морали в различные эпохи сегодня приобретают особое значение и смысл. Соотношения права и нравственности как один из базовых вопросов классического правоведения дает возможность выделить морально-этическую проблематику и по-

иному взглянуть на многие устоявшиеся положения и стереотипы юридической науки.

Современная философия права, являясь одним из ведущих разделов юридической науки, развивается с опорой на тот духовный опыт, который приобретался в диалоге русской и немецкой философско-правовой мысли.

Русская философская мысль конца XIX – начала XX в. особенно внимательно относилась к идеям представителей немецкой классической философии, которые в круг своих исследовательских интересов относили вопросы формирования нравственно-правового идеала, соотношения права и нравственности, свободы и ответственности личности.

В качестве примера мыслителей, затрагивающих и исследующих эту проблематику, можно отметить таких, как Н. Н. Алексеев [1], Б. П. Вышеславцев [2; 3], И. А. Ильин [4], В. С. Соловьев [5], Б. Н. Чичерин [6] и др. Одним из таких интереснейших опытов обращения к философско-правовому наследию немецкой классики, является работа Б. П. Вышеславцева «Этика Фихте» [2], которая вышла в 1914 г. и явилась своеобразной творческой лабораторией мысли тогда еще начинающего русского мыслителя.

К сожалению, исследований, изучающих отношения Б. П. Вышеславцева к философии права Фихте в современной правовой науке, совсем мало, есть ряд статей и диссертаций, затрагивающих некоторые аспекты философии права Б. П. Вышеславцева [7; 8; 9; 10]. Особо хотелось бы отметить серьезное исследование В. В. Лазарева, посвященное анализу фихтеанства в русской философско-правовой мысли начала XX в. [11] Тем актуальнее сегодня обращение к исследованию Б. П. Вышеславцевым фихтевской теории дедуцирования определений права через понятие личности, понимание им соотношения права и нравственности.

Методология

Методологической основой данного исследования явились принципы системности, единства логического и исторического, анализа, позволившие исследовать рецепцию философско-правовых взглядов представителя немецкой классической философии И. Г. Фихте в русской философии права.

Результаты и их обсуждение

В работе «Этика Фихте» в отделе IV «Право и нравственность» Б. П. Вышеславцев обращается к проблемам права и нравственности в системе трансцендентальной философии Фихте. Но его анализ выходит далеко за рамки правовой тематики. Во введении к этой работе Б. П. Вышеславцев писал: «Только Фихте указывает здесь правильный путь: государство есть культурная ценность, но не предельная ценность. Только она дает истинное оправдание государства и права, приемлемое для самой чуткой совести, ибо она возносит нравственное сознание к той высшей правде, с вершины которой ясно видны ступени хозяйства, права и государства, лежащие у ее подножия» [2, с. XVI].

Можно отметить несколько изданий переводов произведений И. Г. Фихте на русский язык, вышедших в 1914 г., когда отмечалась 100-летняя годовщина его смерти, и на которые обращал свое внимание Б. П. Вышеславцев: «Факты сознания. Назначение человека» [12], «Основные черты современной эпохи» [13], «Первое введение в наукознание» [14], «Основа естественного права согласно принципам наукознания» [15], «Наукознание, изложенное в общих чертах» [16], а также журнал «Вопросы философии и психологии», в котором публиковались работы, посвященные И. Г. Фихте [17].

В работе «Этика Фихте» в IV отделе «Право и нравственность» Б. П. Вышеславцев ставит основной вопрос права: как возможна община свободных существ как таковых? Постепенно отвечает на него, размышляя вслед за Фихте, следующим образом. Система индивидуумов как система разумных существ представляет собой, по мнению Фихте, одно из расчленений объективного мира, основной формой наличного бытия. Она включает в себя категорию природы, систему природных сил, одновременно она также констатирует царство свободы, «общину свободных лиц, свободных духов. Над нею возвышается непостижи-

мый Абсолют, к которому этическая система свободных духов располагается наиболее ближе» [2, с. 396]. Поэтому, отмечал Вышеславцев, Фихте считает, что нужно просмотреть дедукцию общества ко всему бытию. Это значит «раскрыть скрытый смысл», их отношение к Абсолюту. Взаимодействие Я и ТЫ есть нечто совсем особое. Они обладают свободой, поэтому отношение между ними есть свободное взаимодействие и оно отличается от того взаимодействия, которое есть в природе, прежде всего наличием свободы.

Взаимоотношения субъектов, рассуждает Б. П. Вышеславцев, носят телеологический характер, т. е. каждый воздействует на другого, имея собственную цель, чтобы вызвать известное «действие, но не по принуждению, а по приглашению к свободному самоопределению. Приглашение к действию есть призыв к самоопределению. Взаимная обусловленность действий есть не уничтожение свободы, а призыв к ней» [2, с. 396].

Далее Вышеславцев акцентирует внимание на дедукции права, которая является у Фихте «доказательством того положения, что взаимодействие Я и ТЫ есть правоотношение» [2, с. 396].

Если следовать этическому принципу, что необходимо относиться к другому так, как к свободному человеку, то тогда к нему надо относиться как к *субъекту права*.

Фихте задается вопросом, а что такое право? И приходит к мысли, что для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать понятие правоотношение. В это правоотношение входит свободное взаимодействие Я и ТЫ, и их свобода должна быть обеспечена этим правоотношением. Фихте пишет: «Я полагаю себя разумным, следовательно, свободным. При этом у меня есть представление свободы. Одновременно в том же неделимом действии я полагаю другие свободные существа. Я не приписываю самому себе всей той свободы, которую я положил, потому что должен полагать еще другие свободные

существа и приписывать им часть этой свободы. Я ограничиваю самого себя в своем присвоении свободы тем, что оставляю свободу и для других. Понятие права есть, следовательно, понятие о необходимом отношении свободных существ друг к другу» [15, с. 12].

Этическое взаимодействие, считает Вышеславцев, должно было опираться на императивы, которые предписывали, что делать и чего не делать по отношению к другому, чтобы относиться к нему как человеку, а не как вещи. Он пишет: «Для этого каждый должен ограничить свою свободу так, чтобы рядом с нею могла существовать свобода другого человека» [2, с. 396]. «Эти ограничения должны быть строго взаимными. Но почему эти ограничения должны быть строго взаимными, почему не предоставить каждому безграничной свободы?», – спрашивает Вышеславцев. Поэтому и важно выяснить, о какой свободе идет речь. Самое простейшее значение свободы – это возможность воздействовать на внешний мир, это основное право каждого человека.

Б. П. Вышеславцев отмечает: «Если была бы в мире только одна свободная личность, то она имела бы право на все, на весь мир, и ее свобода была бы безграничной» [2, с. 397]. Но в сообществе людей такая свобода нарушала бы свободу других людей. «Поэтому люди для совместного существования как бы делят мир между собой, как сферу свободы» [2, с. 397].

Целесообразная деятельность людей в мире должна поддерживаться правом. Вышеславцев приводит такой пример, подтверждающий эту мысль: «Если земледелец посеет хлеб, а скотовод будет гонять свои стада по этому хлебу – такое положение вещей ставит проблему права. Оно защищает свободу одного от свободы другого» [2, с. 397]. Оно не помогает осуществлять целесообразную деятельность, а только устраняет помеху со стороны других. Право ограничивает внешнюю свободу человека. Оно создает внешние условия для существования

личности в чувственном мире. Ареной права становится внешний мир, царство природы как общей сферы деятельности разумных существ. Те движения души, которые не изменили мир, не имеют отношения к праву. Право не заботится о том, чтобы собака не сбежала от хозяина или чтобы лошадь не сбросила своего господина [2, с. 397].

В таком случае, отмечает Вышеславцев, право выступает как отношение между разумными существами. Не существует правоотношений между человеком и вещью. Право на вещь – значит исключить возможность владения этой вещью другим. Собственность выступает правоотношением между людьми по поводу владения вещью.

Рассуждения Вышеславцева связаны с субъектом права, обладающим телом, при этом он проявляет возможность внешнего проявления воли в чувственном мире. Тело является орудием свободы и условием его возможности. Конечно, субъект права есть нечто большее, чем психофизиологический человек.

Между людьми, справедливо отмечает Вышеславцев, должна быть заключена декларация, соглашение, при каких условиях деятельность одного не будет нарушать деятельность другого. Нужно заключить договор, устанавливающий правила и нормы, чем и покажут субъекты свое подчинение принципам права.

Договор выражает глубочайшую сущность права. Договор есть соединение, синтез. Нормы, регулирующие отношения между субъектами, являются условиями общественного договора – это положительное право, позитивное. Идея договора, считает Вышеславцев, показывает рациональную природу права. Форма договора есть форма правды и справедливости.

Интересны размышления Вышеславцева о реализации права. Главной целью государственной власти является реализация права. Вне государства нет права.

Он задает вопрос, а есть ли гарантии того, что власть не нарушит сама право?

Ведь известно, что нормы права обращены к свободным гражданам и они их нарушают. Но задача власти сделать так, чтобы эти нормы не были ими нарушены. Нужно сделать так, чтобы правовые нормы стали механической необходимостью. Правовое принуждение есть психическое принуждение, а не физическое. Оно воздействует на волю человека, поэтому, делает вывод Б. П. Вышеславцев, необходима добрая воля, которая устраняет нравственный оптимизм, т. к. право не имеет права предполагать доброты и святости, как было отмечено у Фихте в первом периоде рассмотрения права. Внимательное изучение точки зрения Фихте дает возможность Вышеславцеву отметить, что проблема Фихте в том, что право у него движется в отвлеченной стихии права, не выясняя отношение права к высшей нравственности. На этом основании становится очевидным, что право, якобы, освобождено от всех нравственных аспектов, что оно самодостаточно.

При этом Фихте, отмечает Б. П. Вышеславцев, не ставит вопрос о соотношении права и нравственности: переходит ли «система свободных духов» в систему одинаково движущихся автоматов. Он не дает оправдания права и государства, их места в системе конкретной этики. Эту задачу он решает во втором периоде становления собственного учения о праве.

В этом периоде Фихте констатирует антиномию права свободы и права принуждения. Он задается вопросом: а разве свобода не уничтожается этим самым принуждением? и отвечает так, что, наоборот, принуждение становится условием существования свободного индивида, потому что «без правового принуждения свобода была бы всегда нарушаема и сильный всегда бы принуждал слабого, властвовал бы над слабым» [12, с. 160].

Поэтому, считает Вышеславцев, Фихте становится на точку зрения правового государства, т. е. он считает, что не существует власти ради власти, а существует власть ради права. Фихте отмечает, что лучшее то государство, деятель-

ность которого менее заметна. Все антиномии свободы и права (принуждения) были позже преодолены в философии Гегеля, который отмечал, что принуждение уничтожается, снимается принуждением, т. к. правовое принуждение есть «второе принуждение, уничтожающее первое принуждение, оно есть отрицание отрицания свободы, и поэтому утверждение свободы» [18, с. 112].

Но в чем же гарантии правомерной власти, как осуществляется справедливая власть, каковы гарантии, что эта власть не навредит свободному индивиду? – задается вопросом Б. П. Вышеславцев. Ответ он находит в том, что свободный индивид отдает право судить о нарушении его свободы в руки закона, и ни в коем случае не в руки воле человека. Б. П. Вышеславцев, идя по логике мысли Фихте, отмечает, что закон и высшая власть должны быть едины. Общая воля может и должна объединять людей на основе права, а задача государственного права, да и всей философии права, отмечает Фихте, и на это обращает внимание Вышеславцев в своей работе, найти ту самую общую волю, которая бы обеспечивала право всех и каждого. Общая воля может выступать в трех ипостасях: законодательная, исполнительная и судебная, которые не смешиваются в своей деятельности.

Право и государство в своей деятельности создают и обеспечивают ограничение сферы свободы, которая лежит в основании всякой общины. И чем больше будет община, тем меньше сфера свободы каждого члена этой общины [19]. В отвлеченной стихии права индивидуальные свободы только соприкасаются внешне, поэтому право не интересует, как отдельный индивид пользуется своей свободой. Б. П. Вышеславцев констатирует этот факт, что Фихте переходит на новый уровень решения проблемы взаимодействия права и государства: право не должно быть некоей абстракцией, оно должно быть ступенью конкретной этики, срастись с нравственностью [2, с. 411].

Б. П. Вышеславцев задается вопросом, что же такое естественное право, какое право у Фихте выступает в качестве естественного: положительное или идеальное естественное право? Он следует логике рассуждений Фихте, который вполне определенно высказывается по этому поводу, считая, что есть только государственное право. Но далее он отмечает, что если не будет государственного права, то возможны два варианта: или общество, в котором доминирует только мораль, и это может привести к тому, что право как таковое обществу не нужно; или общество, где полностью отсутствует мораль, и тогда с необходимостью возникает государство, в котором отпадает необходимость в наличии естественного права.

Поэтому, делает вывод Б. П. Вышеславцев, наличие государства является естественным, следовательно, его законы должны быть реализацией естественного права. Фихте, отмечает Вышеславцев, считает естественное право несуществующим в действительности, но вполне существующим в виде трансцендентного основания для положительного права и государства, потому что, по мнению Фихте, отмечает Б. П. Вышеславцев, право есть особое понятие *a priori*, существующее в разуме, особый принцип, под который выстраиваются все позитивные законы.

Таким образом, в основе правовой действительности лежит такой трансцендентальный феномен, как закон права, и главная задача философии права заключается в том, отмечает Фихте, чтобы показать его место в системе разума. Он пишет: «Понятие права должно быть изначальным понятием чистого разума; следовательно, нужно рассмотреть его указанным способом» [15, с. 12].

Само понятие права *a priori* выступает как нечто должное, как идея справедливости, находящаяся в положительном праве. Другими словами, право стремится к реализации идеи справедливости. Как отмечал Б. П. Вышеславцев, интерпрети-

руя Фихте, естественное право лучше называть разумным правом, и оно реализуется не в царстве природы, а в царстве свободы, свободной воли, находящихся в рамках общественного договора. Таким образом, естественное право, справедливость не существуют в действительности, т. к. в действительности существуют только идеи права и справедливости, раскрывающие смысл всякой правовой действительности.

Совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает К. Г. Прокофьев, что «научное творчество Фихте дает дополнительные аргументы современным исследователям для обоснования своих позиций в области философии права» [20].

Выводы

Размышления Б. П. Вышеславцева над философско-правовыми взглядами Фихте дают возможность сделать вывод, что он увязывает проблематику соотно-

шения государства и права со свободой личности, с ее ролью конституирования системы права. Вышеславцев также отмечает, что у Фихте закон права резко отличается от закона природы, но в то же время он не сливается и с законом нравственности. Закон права не выводится из закона нравственности, а наоборот, по мнению Вышеславцева, право и государство являются внешними границами и одновременно условиями существования «общины свободных существ». Другими словами, Б. П. Вышеславцев, анализируя идеи Фихте, приходит к выводу, что внешние ограничители свободы индивидов в виде закона и государства необходимы для достижения внутренней нравственной свободы. Этим и другим вопросам, связанным с анализом взаимоотношения права и нравственности у Фихте, посвящены следующие главы работы Б. П. Вышеславцева «Этика Фихте».

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. Прага: Пламя, 1924. 283 с.
2. Вышеславцев Б. П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентального идеализма. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 437 с.
3. Вышеславцев Б. Обоснование социализма у Фихте // Вопросы философии и психологии. М., 1908. Т. XIX, кн. V (95). С. 571–587.
4. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 3. С. 93–99.
5. Соловьев В. С. Сочинения. М.: Мысль, 1988. 689 с.
6. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типо-литогр. Тов-ва И. Н. Кушнерев, 1900. 344 с.
7. Сапов В. В. Вступительная статья к книге Б. П. Вышеславцева «Этика преображенного эроса». М.: Республика, 1994. 368 с.
8. Осипов И. Д. Антитеза закона и благодати в антропологии права Б. П. Вышеславцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. Вып. 2. С. 44–50.
9. Асессорова А. В. «Величайший современный Русский юрист»: Б. П. Вышеславцев о Л. И. Петражицком и психологизме в правопонимании // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 183–192.
10. Овсянникова Н. А. Проблема соотношения права и религии в творчестве Б. П. Вышеславцева // Academia: сайт. URL: https://www.academia.edu/28457119/Проблема_соотношения_права_и_религии_в_творчестве_Б_П_Вышеславцева_docx (дата обращения: 27.01.2024).

11. Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России. Осмысление фихтеанства русскими философами конца XIX – начала XX века. М.: ИФ РАН, 2006. 221 с.
12. Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение : [пер. с нем.]. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 784 с.
13. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи / под ред. Н. О. Лосского. СПб.: Д. Е. Жуковский, 1906. IV, 232 с.
14. Фихте И. Г. Первое введение в наукознание // Новые идеи в философии : непереработанное издание, выходящее под ред. проф. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. Сб. 1. СПб.: Образование, 1914.
15. Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 392 с.
16. Фихте И. Г. Наукознание, изложенное в общих чертах : Лекции, чит. в Берлин. ун-те в зим. семестре 1810-1811 г. Иоганном-Готлибом Фихте. СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1914. 152 с.
17. Вопросы философии и психологии. М.: Изд. Моск. психолог. о-ва при содействии Петрогр. философ. о-ва, 1914. Кн. 122 (2). 352 с.
18. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. 380 с.
19. Бывальцева А. В. Право как условие самосознания: интерсубъективная парадигма правопонимания И. Г. Фихте // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2011. Вып. 4(14). С. 7–15.
20. Прокофьев К. Г. Проблема обоснования права в работе И. Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4(54). С. 95–100.

References

1. Alekseev H. H. *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. Prague, Plamya Publ., 1924. 283 p.
2. Vysheslavitsev B. P. *Etika Fikhte. Osnovy prava i нравstvennosti v sisteme transtsendental'nogo idealizma* [Ethics of Fichte. The foundations of law and morality in the system of transcendental idealism]. Moscow, Pechatnya A. Snegirevoi, 1914. 437 p.
3. Vysheslavitsev B. *Obosnovanie sotsializma u Fikhte* [Substantiation of socialism in Fichte]. *Voprosy filosofii i psikhologii = Questions of philosophy and psychology*, 1908, vol. XIX, book V (95), pp. 571–587.
4. Il'in I. A. *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve (fragmenty)* [The general doctrine of law and the state (fragments)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Izvestiya of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 1992, no. 3, pp. 93–99.
5. Solov'ev B. C. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ, 1988. 689 p.
6. Chicherin B. N. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Tipo-litogr. Tov-va I. N. Kushnerev, 1900. 344 p.
7. Sapov V. V. *Vstupitel'naya stat'ya k knige B. P. Vysheslavitseva "Etika preobrazhennogo eros"* [Introductory article to the book by B.P. Vysheslavitsev "Ethics of the transformed Eros"]. Moscow, Respublika Publ. 1994. 368 p.
8. Osipov I. D. *Antiteza zakona i blagodati v antropologii prava B. P. Vysheslavitseva* [The antithesis of law and grace in the anthropology of law by B. P. Vysheslavitsev]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg University. Series 6: Philosophy. Cultural studies. Political science. Right. International relations*, 2008, is. 2, pp. 44–50.
9. Asessorova A. V. "Velichaishii sovremenniy Russkii yurist": B. P. Vysheslavitsev o L. I. Petrazhitskom i psikhologizme v pravoponimanii ["The greatest modern Russian lawyer":

B. P. Vysheslavtsev on L. I. Petrazhitsky and psychologism in the legal understanding]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2014, no. 1 (312), pp. 183–192.

10. Ovsyannikova N. A. Problema sootnosheniya prava i religii v tvorchestve B. P. Vysheslavtseva [The problem of the correlation of law and religion in the work of B. P. Vysheslavtsev]. Academia: site. URL: https://www.academia.edu/28457119/Проблема_соотношения_права_и_религии_в_творчестве_Б_П_Вышеславцева_docx/. (accessed 27.01.2024)

11. Lazarev V. V. Eticheskaya mysl' v Germanii i Rossii. Osmyslenie fikhteanstva russkimi filosofami kontsa XIX – nachala XX veka [Ethical thought in Germany and Russia. Understanding of Fichteanism by Russian philosophers of the late XIX – early XX century]. Moscow, IF RAN Publ., 2006. 221 p.

12. Fikhte I. G. Fakty soznaniya. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie [Facts of consciousness. The purpose of the person. Naukouchenie]. Minsk, Harvest Publ., Moscow, ACT Publ., 2000. 784 p.

13. Fikhte I. G. Osnovnye cherty sovremennoi epokhi [The main features of the modern era]; ed. by N. O. Lossky. St. Petersburg, D. E. Zhukovsky, 1906. IV, 232 p.

14. Fichte I. G. Pervoe vvedenie v naukoslovie [The first introduction to scientology]. Noveye idei v filosofii. [New ideas in philosophy: Non-periodical]; ed. by prof. N. O. Lossky and E. L. Radlov. Coll. 1. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1914.

15. Fikhte I. G. Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya [The basis of natural law according to the principles of science]. Moscow, "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2014. 392 p.

16. Fikhte I. G. Naukoslovie, izlozhennoe v obshchikh chertakh : Lektsii, chit. v Berlin. un-te v zim. semestre 1810-1811 g. Iogannom-Gotlibom Fikhte [Science, outlined in general terms: Lectures, readings in Berlin. un-te in winter. semester 1810-1811 Johann-Gottlieb Fichte]. St. Petersburg, Tip. JSC Brockhaus-Efron, 1914. 152 p.

17. Voprosy filosofii i psikhologii [Questions of philosophy and psychology]. Book 122 (2). Moscow, Izd. Mosk. psikholog. o-va pri sodeistvii Petrogr. filosof. o-va, 1914. 352 p.

18. Gegel' G. V. F. Sochineniya [Works]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934, vol. VII. 380 p.

19. Byval'tseva A. V. Pravo kak uslovie samosoznaniya: intersub"ektivnaya paradigma pravoponimaniya I. G. Fikhte [Law as a condition of self-awareness: an intersubjective paradigm of legal understanding by I. G. Fichte]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Perm University. Bulletin of the Perm University. Series: Legal Sciences*, 2011, is. 4(14), pp. 7–15.

20. Prokofev K. G. Problema obosnovaniya prava v rabote I. G. Fikhte "Osnova estestvennogo prava soglasno printsipam naukoucheniya" [The problem of substantiation of law in the work of I. G. Fichte "The basis of natural law according to the principles of science"]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule of Law: Theory and Practice*, 2018, no. 4(54), pp. 95–100.

Информация об авторе / Information about the Author

Липич Дмитрий Васильевич, аспирант юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: lipich@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0001-5046-029X

Dmitry V. Lipich, Post-Graduate Student at the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, e-mail: lipich@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0001-5046-029X

УДК 347.4

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-41-55>

Информационный компонент публичных закупок: как бороться с фальсифицированными сведениями?

О. А. Беляева¹ ✉

¹Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, г. Москва 117218, Российская Федерация

✉ e-mail: o.believa@rambler.ru

Резюме

Актуальность статьи заключается в исследовании ключевой проблемы информационного сопровождения публичных закупок на современном этапе: наполнение общественно значимой сферы отношений недостоверными сведениями, фальсифицированной информацией и подложными документами, в том числе о подтверждении опыта и квалификации участника закупок.

Цель исследования состоит в раскрытии алгоритма работы комиссии по осуществлению закупок на этапах отбора претендентов и оценки заявок участников закупки в части проверки достоверности представленных ими сведений и документов.

Задачу исследования автор видит в выявлении причин и факторов, способствующих использованию комиссией по осуществлению закупок относительно достоверной (но фактически непроверяемой) информации при проведении публичных закупок.

Методология. В статье использован комплекс общенаучных (анализ, моделирование, аналогия, гипотеза), частнонаучных (формально-логический, системный, функциональный) методов, также автором применен формально-юридический метод.

Результаты исследования позволили автору выявить правовую неопределенность в регламентации процесса проведения публичных закупок, которая ставит под сомнение оптимальность и достаточность существующего регулирования, не способного блокировать как злоупотребления со стороны субъектов рынка (претендентов и участников закупок), так и ошибки, допускаемые контрольными органами.

Выводы. Автором предложены актуальные векторы совершенствования действующего законодательства о публичных закупках, направленные на купирование рисков использования фальсифицированной информации, недостоверных сведений и подложных документов; при этом векторы оптимизации правовой регламентации закупочных процессов находятся, по мнению автора, в сегменте публичного права и выражаются в применении «квазиответственности» (реестр недобросовестных поставщиков), а также конструировании в краткосрочной перспективе нового состава административного правонарушения в целях наказания за обман.

Ключевые слова: публичные закупки; комиссия по закупкам; недостоверная информация; критерии оценки; конкурс.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Беляева О. А. Информационный компонент публичных закупок: как бороться с фальсифицированными сведениями? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 41–55. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-41-55>.

Поступила в редакцию 07.02.2024

Принята к публикации 21.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Public Procurement Information Component: How to Deal with Falsified Information?

Olga A. Belyaeva¹ ✉

¹Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation

✉ e-mail: o.beliyeva@rambler.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the study of the key problem of information support for public procurement at the current stage: filling the socially significant sphere of relations with inaccurate information, falsified information and forged documents, including confirmation of the experience and qualifications of the procurement participant.

The purpose of the study is to disclose the algorithm of the procurement commission's work at the stages of selecting applicants and evaluating applications for procurement participants in terms of verifying the reliability of the information and documents presented by them.

The author sees **the task** of the study to identify the reasons and factors that contribute to the use by the procurement commission of relatively reliable (but actually unverifiable) information during public procurement.

Methodology. The article uses a complex of general scientific (analysis, modeling, analogy, hypothesis), private scientific (formal-logical, systemic, functional) methods, and the author also uses a formal legal method.

The results of the study allowed the author to identify legal uncertainty in the regulation of the public procurement process, which casts doubt on the optimality and sufficiency of existing regulation that cannot block both abuses by market entities (applicants and procurement participants) and errors made by control bodies.

Conclusions. The author proposed current directions for improving the current legislation on public procurement, aimed at stopping the risks of using falsified information, inaccurate information and forged documents; at the same time, the vectors for optimizing the legal regulation of procurement processes are, according to the author, in the segment of public law and are expressed in the application of "quasi-responsibility" (register of unscrupulous suppliers), as well as the design in the short term of a new composition of an administrative offense in order to punish deception.

Keywords: public procurement; procurement commission; false information; evaluation criteria; competition.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Belyaeva O. A. Public Procurement Information Component: How to Deal with Falsified Information? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 41–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-41-55>

Received 07.02.2024

Accepted 21.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Поводом для проведения исследования, представленного в настоящей статье, стало обращение в Конституционный Суд Российской Федерации муниципального заказчика Московской области по вопросу противоречия ст. 19 и 54 Конституции Российской Федерации ряда норм Федерального закона от 5 апреля

2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой. Речь в жалобе шла о конституционной неопределенности в части наличия у комиссии по осуществлению закупок

обязанности проверять достоверность сведений, представленных участниками.

К сожалению, Конституционный Суд Российской Федерации не устранил выявленную неопределенность, отказав в принятии жалобы к рассмотрению по формальным основаниям¹, в то время как проблема действительно существует, она негативно влияет на правовое положение всех участников не только контрактной системы, но и всей сферы публичных закупок. Это касается и корпоративного сегмента, регламентированного Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках). Дуальное регулирование разных закупочных сегментов отличается как детализацией, так и императивностью [1, с. 48]. Однако все алгоритмы информационного взаимодействия в них являются, по сути, тождественными [2, с. 73]. Кроме того, проблема наполнения закупочной сферы фальсифицированными сведениями стала предметом общественного обсуждения и положила начало подготовке соответствующих законодательных инициатив со стороны контрольного органа – Федеральной антимонопольной службы².

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы муниципального казенного учреждения «Центр закупок» Раменского городского округа Московской области на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 11 и пунктом 8 части 12 статьи 48 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: определение Конституционного Суда РФ от 14 дек. 2023 г. № 3288-О // Конституционный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision727358.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

² ФАС презентовала анализ мониторинга и оценки конкуренции в системе госзаказа // Федеральная антимонопольная служба: сайт. URL: <https://fas.gov.ru/news/32851> (дата обращения: 01.02.2024).

Основные вопросы, подлежащие исследованию и разрешению:

- в каком порядке комиссия по осуществлению закупок должна проверять достоверность сведений, содержащихся в документах, представленных участником закупки;

- является ли факт наличия недостоверной информации в составе заявки победителя закупочной процедуры (в частности, конкурса) основанием для привлечения членов комиссии к административной ответственности;

- какими регуляторными средствами следует блокировать использование фальсифицированных сведений в системе публичных закупок.

Методология

Метод анализа использовался для вычленения и разграничения прав и обязанностей специального органа заказчика – комиссии по осуществлению закупок – на разных этапах (стадиях) закупочного цикла. Метод моделирования применялся в целях построения универсальной идеальной модели функционирования комиссии по осуществлению закупок и ее взаимодействия с иными участниками закупочных отношений. Метод аналогии позволил соотнести правовые возможности субъектов разных сфер регуляторного воздействия: свободного рынка и контрактной системы. Метод гипотезы стал основой для конструирования возможных новых норм, нацеленных на решение исследуемой проблематики на уровне федерального законодательства.

Формально-логический метод применялся для формулировки целеполагания системы публичных закупок во взаимосвязи с функционалом комиссии по осуществлению закупок. Системный метод исследования позволил представить авторские рассуждения в контексте полисегментного характера отечественной контрактной системы [3, с. 286]. Структура контрактной системы чрезвычайно

многообразна: и по видам общественных отношений, и по субъектам, вовлеченным в эти отношения, и по предметам закупки [4, с. 611]. Вместе с тем это высокоупорядоченная система, отличающаяся значительным уровнем взаимозависимости своих элементов, которые объединяет единая цель – удовлетворение публичных нужд [5, с. 146]. Функциональный метод исследования был необходим для установления границ компетенции комиссии по осуществлению закупок. Формально-юридический метод применялся для анализа законодательных норм об административной ответственности.

Результаты и их обсуждение

На основании ч. 1 ст. 39 Закона о контрактной системе¹, ч. 8 ст. 3² Закона о закупках² для проведения конкурентных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя) заказчик создает комиссию по осуществлению закупок (далее – комиссия). Комиссия должна быть образована до начала проведения закупки, также заказчик определяет ее состав, регламент работы, назначает председателя, руководящего ее деятельностью. Комиссия может функционировать на постоянной основе для проведения всех (единая комиссия) или некоторых (специализированная комиссия) конкурентных закупок (например, закупок только определенной продукции или закупок, проводимых только определенными способами). Поэтому у одного за-

казчика может быть одновременно несколько комиссий. Комиссия может создаваться и на временной основе, допустим, при необходимости проведения одной процедуры закупки.

Закупка является процедурой, длящейся во времени и состоящей из двух основных этапов: сбор заявок претендентов, допуск к участию в процедуре закупки, оценка заявок и определение победителя (либо другого участника, с которым будет заключен контракт или договор). В компетенцию комиссии в процессе проведения закупки входит принятие двух юридически значимых решений:

- допуск к участию (претенденты, ранее подавшие заявки на участие в процедуре закупки, приобретают статус участников);

- оценка заявок (один из участников закупки получает статус победителя).

Для прохождения процедуры допуска претенденты должны соответствовать требованиям, установленным в извещении о закупке на основании ч. 1, 2, 2¹ ст. 31 Закона о контрактной системе. В сегменте корпоративных закупок практически все требования заказчик устанавливает не на основании законодательных норм, а в соответствии с собственным положением о закупке (ч. 5, 6 ст. 3 Закона о закупках). Несоответствие требованиям, устанавливаемое комиссией, означает отклонение заявки, т. е. лишение претендента возможности принять участие в соревновании (состязании) за получение права на заключение контракта или договора.

Важно отметить, что ч. 8 ст. 31 Закона о контрактной системе четко определено, соответствие претендентов каким требованиям комиссия обязана проверить. Так, проверка соответствия производится в отношении правоспособности лица, привлечения организации к ответственности на основании ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), статуса офшорной компании,

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апр. 2013 г. N 44-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 01.02.2024).

² О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федер. закон от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 01.02.2024).

иностранного агента. Также проверяется отсутствие сведений о претенденте в реестре недобросовестных поставщиков (при установлении такой опции в составе требований на этапе подачи заявок).

Участник закупки, не соответствующий указанным требованиям или представивший недостоверную информацию в отношении своего соответствия указанным требованиям, отстраняется от участия в процедуре в любой момент до заключения контракта (ч. 9 ст. 31 Закона о контрактной системе). Принятие решения об отстранении участника закупки входит в компетенцию комиссии по осуществлению закупок.

Данные требования имеют общую основу: соответствующая информация может быть проверена в государственных информационных реестрах, обладающих свойством публичной достоверности. Например, статус иностранного агента проверяется по реестру Министерства юстиции Российской Федерации, реестр недобросовестных поставщиков ведется Федеральной антимонопольной службой, информация о привлечении лица к административной ответственности на основании ст. 19.28 КоАП РФ формируется в единой информационной системе автоматически на основании сведений, направляемых Генеральной прокуратурой Российской Федерации Федеральному казначейству, и т. д.

Поэтому работа комиссии по проверке соответствия претендентов требованиям тождественна установлению достоверности этих сведений, причем указанные ресурсы представляют собой сведения открытого, беспрепятственного и бесплатного доступа. Иными словами, механизм проверки и установления достоверности или, напротив, недостоверности сведений максимально прост.

В то же время есть требования, соответствие которым комиссия объективно проверить не может, поэтому Закон о контрактной системе не возлагает на нее такую обязанность, отмечая лишь право

комиссии осуществить соответствующую проверку. В частности, таким требованием является отсутствие у участника закупки – физического лица либо у руководителя, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа, или главного бухгалтера юридического лица – участника закупки судимости за преступления в сфере экономики. Такие сведения предоставляются Министерством внутренних дел Российской Федерации гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам, лицам без гражданства либо их уполномоченным представителям¹. По запросу комиссии такие сведения предоставлены не будут.

Таким образом, можно сформулировать следующий вывод: на этапе приема заявок и проверки соответствия претендентов установленным требованиям комиссия обязана проверять только то, что можно проверить на основании данных, содержащихся в реестрах, обладающих свойством публичной достоверности. Проверка достоверности информации, к которой свободного доступа нет, в обязанности комиссии не вменена. Равным образом в обязанности комиссии не входит проверка достоверности деклараций претендентов об отсутствии конфликта интересов (п. 9 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе, ч. 7¹ – 7³ ст. 3 Закона о закупках), поскольку не ведется какого-либо учета таких сведений [6]. Следует констатировать, что конфликт интересов

¹ Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования: приказ Министерства внутренних дел РФ от 27 сент. 2019 г. № 660 // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056910> (дата обращения: 02.02.2024).

остается «серой» коррупционной зоной, слабо поддающейся какому-либо мониторингу [7].

Следует констатировать, что в закупках фигурируют непроверяемые сведения, заблаговременно установить их достоверность невозможно по причинам объективного характера (нет свободного доступа, не ведется учет сведений и пр.). Поэтому законодательством предусмотрены иные способы реагирования на предоставление участниками закупки ложной, недостоверной информации. Так, заказчик обязан принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта в случае, если поставщик (подрядчик, исполнитель) представил недостоверную информацию о своем соответствии и (или) соответствии поставляемого товара требованиям, что позволило ему стать победителем (ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе).

Таким образом, негативные последствия для лица, предоставившего ложные сведения, наступают *ex post* и выражаются в потере им контракта в результате одностороннего расторжения контракта заказчиком.

Этап оценки заявок не предполагает их отклонения, оценка означает распределение баллов за соответствие критериям, установленным заказчиком. Если в заявке имеет место несоответствие критериям, это означает присуждение 0 баллов, но не ее отклонение. Участник, заявке которого присуждено максимальное количество баллов, получает право на заключение контракта или договора.

Заказчики используют следующие четыре критерия (в различном сочетании) для оценки заявок участников закупки (ч. 1 ст. 32 Закона о контрактной системе):

- цена контракта, сумма цен единиц товара, работы, услуги;
- расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ;

– качественные, функциональные и экологические характеристики объекта закупки;

– квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов, опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации.

Порядок оценки заявок установлен на подзаконном уровне¹ (далее – Порядок оценки).

Для оценки заявок по критерию оценки «квалификация участников закупки» могут применяться один или несколько показателей оценки. В частности, согласно подп. «в» п. 24 Порядка оценки это может быть наличие у участников закупки опыта поставки товара, выполнения работы, оказания услуги, связанного с предметом контракта.

При применении такого критерия используются один или несколько из детализирующих показателей оценки, таких как: общая цена исполненных участником закупки договоров; общее количество исполненных участником закупки договоров; наибольшая цена одного из исполненных участником закупки договоров.

Устанавливается предмет договора (договоров), оцениваемого по каждому детализирующему показателю, сопоставимый с предметом контракта, заключа-

¹ Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 дек. 2021 г. № 2604 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 3, ст. 577.

емого по результатам определения поставщика (подрядчика, исполнителя); перечень документов, подтверждающих наличие у участника закупки опыта поставки товара, выполнения работы, оказания услуги, связанного с предметом контракта, в том числе исполненный договор (договоры), акт (акты) приемки поставленного товара, выполненных работ, оказанных услуг, составленные при исполнении такого договора (договоров); а также может быть установлено условие о принятии к оценке исключительно исполненного договора (договоров), причем поставщиком (подрядчиком, исполнителем) должны быть удовлетворены претензии об уплате неустоек.

Как видно из изложенного, в качестве подтверждения опыта могут быть представлены любые ранее исполненные участником процедуры закупки договоры. Это не только государственные (муниципальные) контракты, информация об исполнении которых отображена в реестре (ст. 103 Закона о контрактной системе) и беспрепятственно проверяется любым лицом через соответствующий номер реестровой записи на официальном сайте www.zakupki.gov.ru. Напротив, речь идет о любых договорах, при этом важно подчеркнуть, что какого-либо публичного учета (или регистрации) таких обязательств законодательством Российской Федерации не предусмотрено. Это свободная контрактация на основе общегосударственного законодательства. Следовательно, удостовериться в подлинности представленных документов комиссия объективной возможности не имеет, ее функционал ограничивается лишь визуальным осмотром представленных документов. Аналогичная ситуация характерна и для договоров, заключаемых корпоративными заказчиками, хотя их реестр и ведется (ст. 4¹ Закона о закупках), свободного доступа к нему «простые смертные» не имеют (оперировать этой реестровой информацией могут лишь кон-

трольные, надзорные и ревизионные органы [8, с. 92]).

Конкурсные заявки включают три части: первая содержит сведения о предмете закупки и не должна включать данные, идентифицирующие участника; вторая – сведения о соответствии участника закупки установленным требованиям; третья – встречные предложения участника закупки.

Комиссия рассматривает первые части заявок и принимает решение о признании их соответствующими извещению об осуществлении закупки или об отклонении заявок от участия в закупке; оценивает первые части, допущенные к участию в закупке, по установленным критериям. На этом основании первым частям заявок присваиваются соответствующие значения и определяется наилучшее предложение (ст. 48 Закона о контрактной системе).

После этого комиссия получает вторые части заявок и рассматривает их на предмет соответствия требованиям, указанным в ч. 11 и 12 ст. 48 Закона о контрактной системе. Закон о контрактной системе не возлагает на комиссию обязанность по установлению достоверности сведений, указанных во второй части заявки, в том числе документов, подтверждающих квалификацию участника закупки. Вместе с тем выявление недостоверной информации, содержащейся в заявке на участие в закупке, является основанием для отклонения заявки (п. 8 ч. 12 ст. 48 Закона о контрактной системе).

На наш взгляд, рассмотреть и оценить – не значит проверить и установить достоверность документов.

На основании п. 8 ч. 12 ст. 48 Закона о контрактной системе одним из оснований отклонения заявки при рассмотрении вторых частей заявок на участие в закупке является выявление недостоверной информации, содержащейся в заявке на участие в закупке. При этом поступившую информацию комиссии нужно будет проверить.

Таким образом, в нормах Закона о контрактной системе, с одной стороны, прямо не закреплена обязанность комиссии устанавливать достоверность содержания документов, предоставленных участником закупки в качестве подтверждения своего опыта в целях оценки по критерию «квалификация», а с другой – вторая часть заявки должна быть отклонена при выявлении недостоверных сведений. Более того, установление ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ административной ответственности за признание заявки на участие в конкурсе надлежащей, соответствующей требованиям конкурсной документации в случае, если участнику, подавшему такую заявку, должно быть отказано в допуске к участию в закупке в соответствии с требованиями законодательства о контрактной системе, казалось бы, подразумевает обязанность комиссии установить достоверность информации, содержащейся в заявке.

Учитывая, что действующее законодательство порядок проверки достоверности сведений во второй части заявки не устанавливает, как не устанавливает и правовые способы, инструменты такой проверки, которые бы обеспечили однозначное определение достоверности или недостоверности представленных участником документов, информации (копии гражданско-правовых договоров, благодарственные письма), можно констатировать, что в законодательстве имеется правовая неопределенность в части порядка действия членов комиссии при выявлении спорных документов, поскольку вне зависимости от принятого решения «о соответствии заявки требованиям» или «об отклонении заявки», члены комиссии принимают его не на основе публично достоверной информации. Кроме того, установленный в ч. 11 ст. 48 Закона о контрактной системе двухдневный срок рассмотрения вторых частей заявок на участие в закупке никак не позволяет предметно оценить достоверность представленных сведений.

Жалобе, поданной в Конституционный Суд Российской Федерации и ставшей поводом для настоящего исследования, предшествовала интересная судебная тяжба заказчика с контрольным органом¹, который настаивал на том, что комиссия имеет *возможность* (выделено нами. – О. Б.) установить фальсифицированные сведения в заявке участника закупки, обратившись к сервису Федеральной налоговой службы «Прозрачный бизнес». В частности, комиссия может сопоставить общую сумму договоров, представленных участником закупки в качестве подтверждения своего опыта и квалификации, с данными о его выручке за отчетный период. По мнению контрольного органа, расхождение в этих цифрах и демонстрирует фальсификацию договоров.

Возможность – это субъективное право. Но в таком случае не может быть оснований для привлечения членов комиссии к административной ответственности, поскольку реализация права не предполагает возможности применения к должностному лицу (члену комиссии) мер государственного принуждения.

У комиссии нет адресата для обращения за проверкой достоверности документов, представленных в подтверждение опыта, поскольку, как было указано выше, в Российской Федерации учет

¹ Решение Московского областного УФАС России от 26 мая 2022 г. № 50/06/99-15462/2022; решение Арбитражного суда г. Москвы от 3 октября 2022 г. по делу № А40-136537/22-130-968; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 декабря 2022 г. № 09АП-77932/2022 по делу № А40-136537/2022; постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 марта 2023 г. № Ф05-36333/2022 по делу № А40-136537/22-130-968; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2023 г. № 305-ЭС23-11165 по делу № А40-136537/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

гражданско-правовых договоров не ведется.

Что касается сервиса «Прозрачный бизнес»¹, то в нем аккумулирована информация из разных информационных реестров, однако сам сервис носит справочный характер и действующими нормативными правовыми актами не закреплена обязанность каких-либо субъектов по его применению. Кроме того, размер доходов лица, указанный в сервисе, не представляется достаточным основанием для вывода о фальсификации договоров, представленных участником закупки в подтверждение своего опыта. Например, у участника закупки могут иметься и другие обязательства с контрагентами, по которым он выступает должником, соответственно, доходы от исполненных им договоров могли направляться им на оплату долгов или возврат заемных средств или на иное исполнение ранее принятых на себя обязательств перед теми же лицами. Кроме того, фактическая оплата по договорам могла не осуществляться ввиду тяжелого финансового положения контрагентов. Поэтому нет оснований для вывода о достоверности или недостоверности договоров путем обращения к указанному сервису.

Повод для возбуждения дела об административном правонарушении – это обнаружение события административного правонарушения. Наличие события относится к числу обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении (ст. 26.1 КоАП РФ), а его отсутствие – к числу обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5 КоАП РФ).

Объективная сторона административного правонарушения предусмотренного ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ, состоит в совершении одного из следующих действий:

– отклонение заявки на участие в конкурсе, отказ в допуске к участию в аукционе; признание заявки на участие в закупке товара, работы или услуги не соответствующей требованиям конкурсной документации, документации об аукционе, отстранение участника закупки от участия в конкурсе, аукционе по основаниям, не предусмотренным законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок;

– признание заявки на участие в конкурсе надлежащей, соответствующей требованиям конкурсной документации; признание заявки на участие в аукционе надлежащей, соответствующей требованиям документации об аукционе, в случае, если участнику, подавшему такую заявку, должно быть отказано в допуске к участию в закупке в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок;

– нарушение порядка вскрытия конвертов с заявками на участие в конкурсе, закрытом аукционе и (или) открытия доступа к таким заявкам, поданным в форме электронных документов; нарушение порядка рассмотрения и оценки таких заявок, окончательных предложений участников закупки, установленного конкурсной документацией.

Обнаружение в действиях членов комиссии объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ, является необходимым и достаточным основанием для возбуждения дела об административном правонарушении.

Но для привлечения лица к административной ответственности необходимо не только установление события административного правонарушения, но и виновности данного лица. Представляется, что в условиях отсутствия в действующем законодательстве порядка проверки достоверности сведений во второй части заявки, правовых способов, инструментов такой проверки, которые бы обеспе-

¹ Прозрачный бизнес: сайт. URL: <https://pb.nalog.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

чили однозначное определение достоверности или недостоверности представленных участником документов, информации (копии гражданско-правовых договоров, благодарственные письма) вина членов комиссии в неотклонении заявки, содержащей спорные договоры, отсутствует. Следовательно, не может быть и привлечения их к административной ответственности.

Итак, в ходе исследования мы обнаружили катастрофический пробел всей отечественной контрактной системы: принцип информационной открытости (транспарентности) фактически «работает» только на стороне заказчика, принуждая его раскрывать огромные массивы сведений о закупке (ст. 4, 7 Закона о контрактной системе, п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона о закупках) [9, с. 28]. Кстати, парадокс заключается в том, что обилие излишних сведений только усложняет поиск нужной информации для претендентов. В итоге принципы гласности и прозрачности сводятся на нет [10, с. 62], в то время как именно эти принципы выступают в качестве руководящих начал правовой регламентации отечественной системы закупок [11, с. 58]. В многомерной модели принципов правового воздействия на закупочные отношения прозрачность неотделима ни от обеспечения конкуренции, ни от противодействия коррупции [12, с. 11, 12]. Прозрачность (транспарентность) – фундамент данного регулирования.

Однако в отношении участников закупки все ограничивается декларациями, проверить которые фактически ни у заказчика, ни у его комиссии возможности нет. Но если нет преград для наводнения закупочных отношений фальсифицированными сведениями, то в таком случае лишена смысла и вся контрактная система, поскольку не может быть речи о честном соревновании за право заключения контракта или договора.

Само собой, необходимо предотвратить случаи предоставления участниками

закупки документов с признаками подделки (фальсификации), чтобы исключить незаконную победу в закупочных процедурах. Представляется, что неблагоприятные последствия должны быть возложены именно на этих недобросовестных лиц, а не на членов комиссии. И последствия эти должны носить не только гражданско-правовой, но и административный характер.

Во-первых, обман должен быть публично наказан. Мы уже отмечали этот законодательный пробел: ненаправление сведений об обманщиках в реестр недобросовестных поставщиков [13, с. 43]. Мы согласны с тезисом о том, что отечественная система публичных закупок основана на частноправовой идеологии регулирования [14, с. 56]. Однако очевидно, что практика демонстрирует нам своего рода лакуны злоупотреблений, справиться с которыми частноправовые средства оказываются неспособными. Поэтому видится целесообразным дополнить гражданско-правовые последствия раскрытого обмана (утрату контрактных обязательств) включением сведений об обманщиках в государственный информационный реестр – реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)¹. Данный реестр призван фиксировать негативную деловую репутацию участников закупки. Он представляет собой административную меру государственного принуждения, публично-правовую санкцию [15, с. 32]. Включение сведений в этот информационный ресурс

¹ О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1078 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388970/ (дата обращения: 01.02.2024).

можно расценить и как «квазиадминистративную» ответственность [16, с. 64]. Кроме того, это будет полностью соответствовать международно-правовым обязательствам Российской Федерации, предусмотренным в абз. 4 п. 13 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе¹), что принципиально необходимо для формирования полноценного национального режима публичных закупок на евразийском пространстве [17, с. 30].

Во-вторых, в краткосрочной перспективе следует подумать о дополнении КоАП РФ новым составом, предусматривающим административный штраф для тех участников закупки, которые были изобличены в предоставлении фальсифицированных сведений и (или) подложных документов (причем безотносительно к тому, одержал ли обманщик победу в конкурентной процедуре, наказывать следует за любой факт подлога).

В настоящее время, как известно, сферу публичных закупок активно наполняют разнообразные цифровые технологии [18, с. 123–132]. Причем уровень цифровизации отечественной контрактной системы определенно выше, чем в зарубежных правовых порядках [19, с. 36–42]. Не имеет аналогов в мире российская Единая информационная система в сфере закупок, аккумулирующая терабайты всевозможной информации [20, с. 209–280]. Но следует констатировать, что надлежащего функционала для противодействия фальсифицированной информации по-прежнему нет.

Выводы

На комиссию по осуществлению закупок прямо не возложена обязанность

проверки и установления достоверности сведений, содержащихся в заявках на участие в закупке, в том числе в договорах, представленных участником закупки для подтверждения опыта по критерию оценки «квалификация».

Законодательство не предоставляет членам комиссии полномочия и правовые средства, необходимые для оценки достоверности сведений, содержащихся во второй части заявки на участие в закупке.

В законодательстве имеется правовая неопределенность в части определения порядка действия членов комиссии при выявлении спорных документов, поскольку вне зависимости от принятого решения «о соответствии заявки требованиям» или «об отклонении заявки», члены комиссии принимают его не на основе публично достоверной информации. Отсутствует правовой механизм проверки достоверности сведений, содержащихся в договорах, представленных участником закупки для подтверждения опыта по критерию оценки «квалификация», обеспечивающий достоверность и однозначность результатов такой проверки, поскольку нет учета заключаемых в Российской Федерации гражданско-правовых договоров.

Поводов и оснований для привлечения членов комиссии к административной ответственности нет ввиду отсутствия одного из элементов состава административного правонарушения – вины.

Целесообразно привлекать лиц, предоставивших фальсифицированные сведения в составе заявок на участие в публичных закупках, к административной ответственности, для чего требуется проектирование нового состава в КоАП РФ, а также применять к ним иные меры государственного принуждения: включать сведения о них в «черный список» – реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.: ред. от 09.12.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 01.02.2024).

Список литературы

1. Кичик К. В. «Дуализм» российского законодательства о публичных закупках // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Международной научно-практической конференции / науч. ред. О. А. Ашурков. Донецк: ФЛП Кириенко С. Г., 2019. С. 47–63.
2. Беляева О. А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3(51). С. 71–80. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.06>.
3. Беляева О. А. Теоретико-правовые основы публичных закупок в современном российском правопорядке // Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: монография / под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. С. 278–299.
4. Кабытов П. П. Анализ содержания и структуры контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 3. С. 601–624.
5. Шмелева М. В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация: монография / под ред. Е. В. Вавилина. М.: Юстицинформ, 2021. 906 с.
6. Бабаев Д. Д., Беляева О. А. Проблемы выявления конфликта интересов в контексте транспарентности публичных закупок // Право и экономика. 2019. № 8(378). С. 29–33.
7. Беляева О. А. Конфликт интересов в публичных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1(13). С. 13–18.
8. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор). М.: Контракт, 2023. 232 с.
9. Шмелева М. В. О праве на информацию при осуществлении цифровых государственных и муниципальных закупок // Право и цифровая экономика. 2020. № 1(07). С. 24–28. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2020.07.1.024-028>.
10. Беляева О. А., Чваненко Д. А. Гипертрофированная транспарентность в документации о закупках // Научные известия. 2019. № 17. С. 58–62.
11. Беляева О. А. Правовая композиция контрактной системы в сфере закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1(21). С. 57–61.
12. Агапова Е. В., Беляева О. А. Границы транспарентности публичных закупок: монография. М.: РУСАЙНС, 2020. 110 с.
13. Беляева О. А. Контрактная система: основные проблемы правоприменения и пути их преодоления // Журнал российского права. 2015. № 7 (223). С. 34–44. <https://doi.org/10.12737/11741>.
14. Тасалов Ф. А. Закупки в России и Европейском Союзе: методология и практика конкурентной борьбы: монография. М.: Инфотропик, 2022. 684 с.
15. Чваненко Д. А. Включение в реестр недобросовестных поставщиков как вид публично-правовой ответственности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1(13). С. 28–32.
16. Чваненко Д. А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора: монография / под ред. О. А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2023. 276 с.

17. Байрашев В. Р., Беляева О. А. Проблемы применения национального режима в государственных и муниципальных закупках в контексте международных обязательств Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3(15). С. 29–37.

18. Андреева Л. В. LegalTech в сфере публичных закупок // LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М.: Проспект, 2023. С. 123–132.

19. Шмелева М. В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12(109). С. 36–42. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.036-042>.

20. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 1 / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, Ф. А. Тасалов; отв. ред. Л. Ю. Василевская; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. М.: Проспект, 2021. С. 209–280.

References

1. Kichik K. V. ["Dualism" of the Russian legislation on public procurement]. *Sovremennye problemy khozyaistvennogo zakonodatel'stva. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern problems of economic legislation. Materials of the I International Scientific and Practical Conference]; ed. by O. A. Ashurkov. Donetsk, FLP Kirienko S.G., 2019, pp. 47–63. (In Russ.)

2. Belyaeva O. A. Tsifrovaya evolyutsiya publichnykh zakupok: novye gorizonty [Digital evolution of public procurement: new horizons]. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2023, no. 3(51), pp. 71–80. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.06>

3. Belyaeva O. A. Teoretiko-pravovye osnovy publichnykh zakupok v sovremennom Rossiiskom pravoporyadke [Theoretical and legal foundations of public procurement in the modern Russian legal order]. *Sovremennye problemy razvitiya predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom* [Modern problems of the development of entrepreneurial and corporate law in Russia and abroad]; ed. by V. A. Vaipan, M. A. Egorova. Moscow, Yustitsinform Publ., 2021, pp. 278–299.

4. Kabytov P. P. Analiz soderzhaniya i struktury kontraktnoi sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Analysis of the content and structure of the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of the St. Petersburg University. Right*, 2020, vol. 11, no 3, pp. 601–624.

5. Shmeleva M. V. Sistema gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) zakupok: metodologiya i realizatsiya [The system of state (municipal) procurement: methodology and implementation]; ed. by E.V. Vavilin. Moscow, Yustitsinform Publ., 2021. 906 p.

6. Babaev D. D., Belyaeva O. A. Problemy vyavleniya konflikta interesov v kontekste transparentnosti publichnykh zakupok [Problems of identifying conflicts of interest in the context of transparency of public procurement]. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2019, no. 8(378), pp. 29–33.

7. Belyaeva O. A. Konflikt interesov v publichnykh zakupkakh [Conflict of interest in public procurement]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Business and Corporate Law*, 2019, no. 1(13), pp. 13–18.

8. Zyryanov S. M. Gosudarstvennyi kontrol' (nadzor) [State control (supervision)]. Moscow, Kontrakt Publ., 2023. 232 p.

9. Shmeleva M. V. O prave na informatsiyu pri osushchestvlenii tsifrovyykh gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [On the right to information in the implementation of digital state and municipal procurement]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital Economy*, 2020, no. 1(07), pp. 24–28. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2020.07.1.024-028>

10. Belyaeva O. A., Chvanenko D. A. Gipertrofirovannaya transparentnost' v dokumentatsii o zakupkakh [Hypertrophied transparency in procurement documentation]. *Nauchnye izvestiya = Scientific News*, 2019, no. 17, pp. 58–62.

11. Belyaeva O. A. Pravovaya kompozitsiya kontraktnoi sistemy v sfere zakupok [The legal composition of the contract system in the field of procurement]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2021, no. 1(21), pp. 57–61.

12. Agapova E. V., Belyaeva O. A. Granitsy transparentnosti publichnykh zakupok [The limits of transparency in public procurement]. Moscow, RUSAINS Publ., 2020. 110 p.

13. Belyaeva O. A. Kontraktnaya sistema: osnovnye problemy pravoprimeneniya i puti ikh preodoleniya [The contract system: the main problems of law enforcement and ways to overcome them]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 7 (223), pp. 34–44. <https://doi.org/10.12737/11741>

14. Tasalov F. A. Zakupki v Rossii i Evropeiskom Soyuze: metodologiya i praktika konkurentnoi bor'by [Procurement in Russia and the European Union: methodology and practice of competition]. Moscow, Infotropik Publ., 2022. 684 p.

15. Chvanenko D. A. Vklyuchenie v reestr nedobrosovestnykh postavshchikov kak vid publichno-pravovoi otvetstvennosti [Inclusion in the register of unscrupulous suppliers as a type of public liability]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2019, no. 1(13), pp. 28–32.

16. Chvanenko D. A. Gosudarstvennyi kontrakt kak osobaya model' grazhdansko-pravovogo dogovora [The State contract as a special model of a civil contract]; ed. by O. A. Belyaeva. Moscow, Yustitsinform Publ., 2023. 276 p.

17. Bairashev V. R., Belyaeva O. A. Problemy primeneniya natsional'nogo rezhima v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupkakh v kontekste mezhdunarodnykh obyazatel'stv Rossiiskoi Federatsii [Problems of applying the national regime in state and municipal procurement in the context of international obligations of the Russian Federation]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2019, no. 3(15), pp. 29–37.

18. Andreeva L. V. LegalTech v sfere publichnykh zakupok [LegalTech in the field of public procurement]. LegalTech v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti [LegalTech in the field of entrepreneurship]; ed. by I. V. Ershova, O. V. Sushkova. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 123–132.

19. Shmeleva M. V. Tsifrovye tekhnologii v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupkakh: budushchee ili real'nost' [Digital technologies in state and municipal procurement: the

future or reality]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2019, no. 12(109), pp. 36–42. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.036-042>.

20. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie) [Digitalization of civil turnover: problems and development trends (civil research)]; ed. by L. Yu. Vasilevskaya. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pvol. 1, p. 209–280.

Информация об авторе / Information about the Author

Беляева Ольга Александровна, доктор юридических наук, главный научный сотрудник центра частного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Российской академии наук, Почетный работник сферы образования Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: o.believa@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-2038-6233

Olga A. Belyaeva, Doctor of Sciences (Juridical), Chief Researcher of the Center for Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: o.believa@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-2038-6233

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-56-68>**Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах: проблемы и перспективы****К. Г. Балашов¹, Н. В. Кравченко² ✉**

¹ Адвокатская контора Краснопереконского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) ул. Малая Пролетарская, д. 22, г. Ярославль 150001, Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Развитие территорий, определенных как особые экономические зоны, в Российской Федерации продолжает оставаться в фокусе государственной политики, направленной на привлечение инвестиций как отечественного, так и международного характера в разноплановые секторы экономической деятельности: от производственного до туризма и инновационных технологий. В этих условиях актуализируется задача качественного юридического регулирования предпринимательских инициатив и обеспечения условий для успешной работы и защиты бизнес-ассистентов на территориях ОЭЗ.

Цель исследования состоит в оценке существующих регуляторных механизмов, идентификации проблем в сфере деятельности резидентов ОЭЗ, определении перспективных направлений для дальнейшего развития правовых отношений, способствующих увеличению инвестиционного потенциала на территории страны.

Задачи: анализ действующих механизмов контроля и нормативно-правового регламентирования деятельности экономических субъектов, обладающих статусом резидентов ОЭЗ; изучение недостатков в правовой базе, касающихся процедур лишения бизнес-структур статуса резидента ОЭЗ, что непосредственно влияет на стабильность их функционирования.

Методология. Для достижения поставленных целей использовались различные методологические подходы, в частности дедуктивный, системно-аналитический, формально-логический, которые позволили осуществить обзор действующих механизмов регламентирования деятельности экономических субъектов-резидентов ОЭЗ, и из общих теоретических положений вывести конкретные выводы о перспективах развития правовой среды для регулирования предпринимательской деятельности в ОЭЗ.

Результатами исследования является критическое осмысление существующих подходов к правовому регулированию и поддержке деятельности в ОЭЗ, а также корректировка нормативной базы с учетом выявленных недостатков, что позволит повысить эффективность института ОЭЗ и будет способствовать сбалансированному экономическому развитию регионов и стабилизации инвестиционной среды на макроуровне.

Вывод. В статье представлены предложения по внесению поправок, нацеленных на устранение выявленных проблем, касающихся уточнения правового статуса резидентов и механизмов контроля их деятельности, что должно способствовать повышению эффективности правового регулирования и обеспечению стабильности деятельности предпринимательских структур в ОЭЗ.

Ключевые слова: налогообложение; особые экономические зоны; преференции; правовое регулирование; резиденты; государственный контроль и надзор.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Балашов К. Г., Кравченко Н. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах: проблемы и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 56–68. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-56-68>.

Поступила в редакцию 13.03.2024

Принята к публикации 01.04.2024

Опубликована 27.04.2024

Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Special Economic Zones: Problems and Prospects

Konstantin G. Balashov¹, Natalia V. Kravchenko²✉

¹ Krasnoperekopsk District Bar of Yaroslavl (Yaroslavl Regional Bar Association)
22 Malaya Proletarskaya Str., Yaroslavl 150001, Russian Federation

² Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract

Relevance. The development of territories defined as special economic zones in the Russian Federation continues to be in the focus of the state policy aimed at attracting investments of both domestic and international nature in various sectors of economic activity: from manufacturing to tourism and innovative technologies. Under these conditions, the task of quality legal regulation of entrepreneurial initiatives and ensuring conditions for the successful operation and protection of business assistants in SEZ territories becomes more relevant.

The purpose of the study is to assess the existing regulatory mechanisms, identify problems in the sphere of SEZ residents' activities, and determine promising directions for further development of legal relations that contribute to the increase of investment potential in the territory of the country.

Objectives. Analysis of the existing mechanisms of control and legal regulation of the activities of economic entities with the status of SEZ residents, the study of shortcomings in the legal framework concerning the procedures for depriving business structures of the SEZ resident status, which directly affects the stability of their functioning.

Methodology. To achieve the set objectives, we used various methodological approaches, in particular, deductive, system-analytical, formal-logical, which allowed us to review the current mechanisms of regulating the activities of economic entities-residents of SEZs, and from the general theoretical provisions to draw specific conclusions about the prospects for the development of the legal environment for the regulation of entrepreneurial activity in SEZs.

Results of the study are a critical understanding of the existing approaches to legal regulation and support of SEZ activities, as well as the adjustment of the regulatory framework taking into account the identified shortcomings, which will improve the effectiveness of the SEZ institution and contribute to a balanced economic development of regions and stabilisation of the investment environment at the macro level.

Conclusion. The article presents proposals for amendments aimed at eliminating the identified problems concerning the clarification of the legal status of residents and mechanisms for controlling their activities, which should contribute to improving the effectiveness of legal regulation and ensuring the stability of entrepreneurial structures in SEZs.

Keywords: taxation; special economic zones; preferences; legal regulation; residents; state control; supervision.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Balashov K. G., Kravchenko N. V. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Special Economic Zones: Problems and Prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 56–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-56-68>

Received 13.03.2024

Accepted 01.04.2024

Published 27.04.2024

Введение

Сегодня на территории России функционирует порядка пятидесяти площадок особых экономических зон (далее – ОЭЗ), большую долю из которых зани-

мают промышленно-производственные (их деятельность направлена на создание крупных промышленных предприятий)¹.

¹ Особые экономические зоны // Министерство экономического развития Рос. Фе-

По словам министра экономики М. Решетникова, появление ОЭЗ позволило создать выше 35 тыс. новых рабочих мест, что говорит о верном направлении развития механизмов ОЭЗ, которые одновременно учитывают интересы как бизнеса, так и государства¹. Как сообщил директор Ассоциации развития кластеров и технопарков Российской Федерации М. Лабудин, ежегодная динамика количества новых технопарков и промышленных парков увеличивается².

В условиях текущего развития и расширения территории ОЭЗ в пределах Российской Федерации, а также в свете перспектив инициации новых районов с приоритетным развитием и специализированных экономических ареалов, остро стоят вопросы, связанные с нормативно-правовым регулированием и обеспечением правовой защиты деятельности субъектов предпринимательства в данных зонах [1, с. 519]. Главной амбицией, лежащей в основе структурирования и поддержания функциональности ОЭЗ на территории государства, является активизация экономической активности и усиление аттрактивности региона для инвестиционных потоков. Предпринимательская деятельность в этой цепочке задач играет важную роль, что делает крайне актуальным вопрос создания условий, поддерживающих всеаспектную защиту и содействие резидентам ОЭЗ, а также способствующих достижению прозрачности

и четкости в бизнес-операциях [2, с. 136]. Этот аспект подчеркивает неотложную потребность в дальнейшем расширении и уточнении законодательной базы, регулирующей взаимоотношения между государством и ОЭЗ.

Значительный потенциал ОЭЗ в условиях развития национальной экономики не исключает сложности, обусловленные как правовыми, так и управленческими аспектами взаимодействия между субъектами ОЭЗ и органами государственной власти на различных уровнях. Эти трудности, влияющие на динамику эффективного функционирования ОЭЗ, требуют всестороннего рассмотрения и принятия мер для их устранения [3, с. 48].

Одним из путей решения является гармонизация нормативно-правовой базы, действующей на федеральном и местном уровнях. Для этого предлагается провести аудит существующего законодательства с последующим устранением противоречий и заполнением правовых пробелов, которые могут стать препятствием на пути развития ОЭЗ.

Не менее значимым шагом стало бы построение четкой системы разграничения функций и полномочий между федеральным центром и региональными органами исполнительной власти. Это обеспечит уменьшение административных барьеров и повышение прозрачности процедур для субъектов хозяйствующей деятельности в ОЭЗ.

Взаимодействие с управляющими компаниями ОЭЗ также необходимо привести в соответствие с определенными стандартами управленческой практики. Реализация этого предложения предполагает определение ясных механизмов координации действий управляющих компаний с органами власти на всех уровнях, что способствует повышению эффективности управления ОЭЗ и стимулированию ее развития.

Данные мероприятия представляют собой комплексный подход к решению существующих сложностей, затрагиваю-

дерации: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 10.01.2024).

¹ Кривошапко Ю. Определены самые привлекательные особые экономические зоны // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru/2019/11/24/opredeleny-samye-privlekatelnye-osobyie-ekonomicheskie-zony.html> (дата обращения: 12.01.2024).

² Михаил Лабудин: количество ОЭЗ в ЮФО и СКФО будет увеличиваться // РБК: сайт. URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/interview/06/02/2024/65c23e929a79474af20e6c9f> (дата обращения: 12.01.2024).

щих бизнес-процессы в особых экономических зонах, и направлены на создание условий для их дальнейшего стабильного и динамичного развития. Важным фактором в реализации предложенных изменений является совместная работа представителей бизнеса, правительства и экспертного сообщества, что позволит учесть все аспекты функционирования ОЭЗ и обеспечить избрание наиболее результативных методов оптимизации правового и управленческого окружения.

Методология

В рамках данного исследования осуществлен подробный анализ правового регулирования деятельности в особых экономических зонах Российской Федерации, базирующийся на изучении нормативно-правовой базы, включая законодательные и подзаконные акты. Кроме того, исследование опирается на анализ материалов, опубликованных как в отечественной, так и в международной печати, включая статьи в специализированных журналах, данные статистических обзоров и сообщения средств массовой информации, отражающие динамику и тенденции в развитии правовой среды, окружающей ОЭЗ.

Для достижения целей исследования использовались различные методологические подходы, главным образом аналитическое изучение представленных данных, нормативных документов и научных работ. Основное внимание уделялось критическому анализу полученной информации, позволяющему выявить существующие пробелы и противоречия в действующем законодательстве.

В процессе исследования применялся дедуктивный методологический подход, который позволил из общих теоретических положений вывести конкретные выводы о перспективах развития правовой среды для регулирования предпринимательской деятельности в ОЭЗ.

Заключительная часть исследования синтезирует полученные данные и анали-

тические выводы, предлагая пути развития нормативного регулирования, которые могли бы повысить эффективность управленческих процессов в ОЭЗ и устранить выявленные недостатки в правовом поле, обеспечивая тем самым более стабильную и предсказуемую среду для предпринимателей.

Результаты и их обсуждение

Согласно отчету за 2022 г., представленному Минэкономразвития РФ, в качестве резидентов ОЭЗ было зарегистрировано более 1030 юридических лиц, в числе которых 126 резидентов с участием иностранных инвесторов в составе акционеров¹. Данный факт подтверждает, что ОЭЗ можно рассматривать как приоритетные инструменты развития некоторых региональных территорий и драйверы экономического развития [4, с. 64]. Однако не все ОЭЗ показали ожидаемую рентабельность и эффективность, в связи с чем несколько подобных территорий особого налогового режима за последнее десятилетие ликвидированы [5]. Вместе с тем некоторые зоны демонстрируют интенсивный приток резидентов и увеличение количества рабочих мест, что не может не сказаться на уровне экономического состояния региона. Так, к примеру, за 2022 г. в ОЭЗ «Калуга» количество резидентов увеличилось на 11, а численность рабочих мест выросла на 736 человек, в ОЭЗ «Алабуга» – на 6 и 1361 соответственно, в ОЭЗ «Иваново» – на 4 резидента и 1139 рабочих мест. Справедливо подмечено Г. Власовым, что субъекты,

¹ Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2022 год и за период с начала функционирования особых экономических зон // Министерство экономического развития Рос. Федерации: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon_za_2022_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon.html (дата обращения: 12.01.2024).

в которых создаются свободные экономические зоны (далее – СЭЗ), государство наделяет статусом «благоприятного региона», предполагая в них точки дальнейшего экономического роста [6, с. 97].

При этом, как отмечают С. Махашова и Е. Ермакова, в функционировании ОЭЗ можно выделить ряд особенностей, которые отражают общеэкономические проблемы РФ в целом: неравномерное влияние органов региональной и федеральной власти, отсутствие стабильности в правовом регулировании резидентов ОЭЗ и пр. [7, с. 893] Кроме того, некоторые исследователи подчеркивают, что таможенные льготы и налоговые преференции оказываются ключевой причиной «миграции» бизнеса на территорию ОЭЗ, в результате чего объем вложенных в экономику региона инвестиций существенно не изменяется [8, с. 507]. Таким образом, оптимизация правовой политики, направленной на регулирование предпринимательской деятельности в границах зон особого налогообложения, должна включать в себя инструменты поддержки и контроля бизнеса, в том числе на уровне субъектов РФ.

В 2005 г. в качестве федерального органа исполнительной власти, уполномоченного контролировать и регламентировать деятельность ОЭЗ, было создано Федеральное агентство по особым экономическим зонам (РосОЭЗ). Однако в 2009 г. оно было упразднено в связи с оптимизацией контролируемых уровней в отношении особых экономических зон [9, с. 51]. Правопреемником возложенных функций стало Министерство экономического развития РФ, роль которого заключается в исполнении правоприменительных функций в отношении ОЭЗ, регистрации резидентов ОЭЗ, создании типовых правовых актов (в числе которых формы соглашений между предпринимателем и управляющей компанией об осуществлении деятельности на территории СЭЗ, бизнес-планы, договоры аренды и методики расчета стоимости аренды

государственного или муниципального имущества и пр.), а также управления ОЭЗ в пределах Федерального закона № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 116).

В отдельных случаях Минэкономразвития вправе делегировать часть полномочий по управлению ОЭЗ либо органу исполнительной власти субъекта РФ, на территории которого расположена СЭЗ, либо управляющей компании данной СЭЗ, в соответствии с п. 3 ст. 7 ФЗ № 116. Однако функционал управляющей компании, описанный в ст. 8.1 указанного закона, ограничен ведением хозяйственной деятельности ОЭЗ, включающим в себя создание, реконструкцию, обеспечение функционирования объектов инфраструктуры, подключение резидентов ОЭЗ к системе электросети, кадастровое ведение территории, находящейся в собственности ОЭЗ, предоставление в аренду участков или объектов недвижимости и т. д.

Ключевым способом влияния на бизнес является налогообложение. В текущих реалиях крупный бизнес особенно заинтересован в создании ОЭЗ, что обусловлено отсутствием альтернативных мер поддержки предпринимательства, в то время как снижение ставки налоговых вычетов на конкретный заявленный срок существенным образом отразится на финансовых возможностях предпринимателей. Как пишет В. Самойлова, налоговые льготы могут быть интересны и малому бизнесу, однако представителям малого бизнеса с меньшей вероятностью требуются преференции относительно таможенного регулирования и регистрации иностранных специалистов [10, с. 547].

¹ Об особых экономических зонах в Российской Федерации: федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/_doc_LAW_5459/ (дата обращения: 13.01.2024).

Особенности налогообложения в отношении резидентов ОЭЗ регламентируются п. 1.2, 1.7, 1.10 ст. 284 Налогового кодекса РФ: до 2% – налог на прибыль, отмена налога на землю (до 5 лет), имущество и транспорт (до 10 лет) [11, с. 65]. Исключения составляют экономические зоны, созданные на определенный срок вне конкурса: Магаданская, Калининградская, Республика Крым и г. Севастополь, новые территории (ЛНР, ДНР, Запорожская и Луганская области)¹. В них установлены дополнительные льготные режимы налогообложения. Дополнительно для каждой СЭЗ законами субъекта или субъектов РФ (если экономическая зона расположена на территории нескольких субъектов) устанавливаются налоговые льготы, принятые органами власти субъекта (субъектов).

Таможенные преференции для резидентов СЭЗ определяются статьями гл. 8 ФЗ № 116 в соответствии со ст. 43 Договора о ЕАЭС² и Таможенным кодексом ЕАЭС³.

Федеральным законом № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации...»⁴ были дополнительно предусмот-

рены возможности цифровизации ряда процессов, связанных с таможенными отношениями резидентов ОЭЗ, в том числе с целью сокращения временных издержек и улучшения информационного взаимодействия между таможенными органами и органами исполнительной власти, осуществляющими контроль и надзор за исполнением резидентами ОЭЗ своих обязательств.

Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности может иметь двойственную природу: с одной стороны, оно определяет и регулирует направления развития рынка и бизнеса в регионах, с другой стороны, частично ограничивает свободу предпринимательской деятельности [12, с. 45].

Кроме того, при подробном анализе налогового законодательства становится ясно, что налог на прибыль организаций (далее – НПО) отличается для разных типов свободных экономических зон. Так, для предприятий, функционирующих на территории технико-внедренческого типа (ТВТ), а также для кластеров, которые образуют территории экономических зон туристического типа (ТРТ), не применяется налог на прибыль в течение установленного срока, в то время как для остальных зон (ТРТ, не входящих в кластеры, промышленно-производственных (ППТ), портовых (ПОЭЗ)) НПО составляет 2%. Различаются и обязательные уровни страховых взносов: для свободных экономических зон ТВТ, ППТ и кластеров ТРТ регламентировано понижение уровня страховых взносов⁵.

¹ Романов Р. Парламент одобрил создание свободной экономической зоны на новых территориях // Ведомости: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/21/981663-parlament-odobril-sozdanie-svobodnoi> (дата обращения 13.01.2024).

² Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] // Косультант плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/_doc_LAW_163855/ (дата обращения 14.01.2024).

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: [ред. от 18.03.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении на территории Калининградской области эксперимента по созданию условий для упорядоченной электронной

торговли товарами: федер. закон от 18 марта 2024 г. № 84-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/_doc_LAW_442377/ (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14 июля 2022 г. № 321-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons/_doc_LAW_421906/ (дата обращения: 14.01.2024).

Любопытным видится замечание Г. Власова о том, что СЭЗ были введены в том числе для внедрения специфической формы управления территориями посредством делегирования контрольных и управленческих функций локальным управляющим компаниям, но с сохранением ключевых компетенций в области принятия решений о создании, изменении и упразднении свободных экономических зон за федеральными органами исполнительной власти. Вместе с тем многие политические и экономические деятели первоначально видят в СЭЗ инструмент для привлечения местных и зарубежных инвестиций в экономику и промышленность, а также для налаживания международного производственного сотрудничества [6, с. 98–99].

С 2021 г. действует Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹, отражающий результаты реформы контрольной и надзорной деятельности. Так, согласно ст. 42, 45 указанного закона, помимо контрольных проверок, могут проводиться обязательные профилактические мероприятия, в числе которых: профилактические визиты, предостережения, меры стимулирования добросовестности, информирование, консультирование и пр. Кроме того, как отмечают О. Кожевников и Ю. Никонова, в публикации указанного акта по-прежнему отсутствует запрет на проведение проверок сразу несколькими контрольными органами в отношении одного субъекта [13, с. 137]. Таким образом, можно косвенно предположить подтверждение мнения Г. Власова о высоком уровне контроля, а также допустить, что отсутствие закреплённого принципа не-

допустимости проверок исполнения субъектом одних и тех же требований в исполнении нескольких контрольных органов может быть основанием для его обхода или нарушения и повлечь за собой в том числе риски действий, обусловленных мотивами коррупционного характера.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что государство заинтересовано в активном развитии института ОЭЗ, систематически оптимизируя и улучшая условия для регистрации и функционирования резидентов-участников ОЭЗ, а также их взаимодействия с органами власти [14, с. 94].

Вместе с тем по-прежнему остается ряд проблем, которые являются актуальными в области реализации эффективного функционирования ОЭЗ и повышения ответственности предпринимателей: общеизвестно, что в настоящее время многие предприятия на территориях СЭЗ открываются не столько для достижения амбициозных промышленных или технических результатов, сколько для цели сокращения налоговых и страховых платежей. Меры, принятые в отношении регулирования процессов предпринимательской деятельности, должны быть одновременно направлены на поддержку бизнеса и вместе с тем повышать уровень ответственности и заинтересованности предпринимателей в создании качественной продукции, закрывающей потребности как местных, так и зарубежных потребителей, увеличении числа рабочих мест, улучшении региональной экономики, и нацеленности на продолжительное международное сотрудничество [15, с. 688]. Все разработанные и внедряемые мероприятия, направленные на стимулирование инвестиционной активности, стремятся повысить интерес инвесторов к укреплению привлекательности российской экономической системы. Такой подход существенно коррелирует с основными задачами стратегии социально-экономического прогресса Российской

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 14.01.2024).

Федерации, выступая критически важным элементом ее реализации [16, с. 88].

Одним из недостатков правового регулирования предпринимательской деятельности в СЭЗ является отсутствие четкой системы штрафов и процедуры их взыскания в результате лишения предпринимателя статуса резидента ОЭЗ [17, с. 70]. Так, в ст. 9 ФЗ № 116 указывается условие проведения процедуры судебного разбирательства для лишения статуса резидента и отражены требования к резиденту, несоблюдение которых влечет за собой процедуру лишения статуса. К ним относятся в числе прочих (ст. 11, ст. 20 ФЗ № 116):

- отсутствие деятельности, связанной со строительством, ремонтом или непосредственно производством в течение 2 лет подряд;
- ведение резидентом предпринимательской деятельности за пределами ОЭЗ;
- отсутствие капитальных вложений и инвестиций в предприятие или проект либо отличающийся от заявленного объема вложенных инвестиций;
- ведение резидентом предпринимательской деятельности, которая не соответствует указанной в соглашении об осуществлении деятельности;
- отсутствие проектной документации;
- банкротство;
- уклонение от налоговых, страховых, таможенных обязательств, нарушение валютного регулирования в ОЭЗ.

В п. 5 ст. 21 ФЗ № 116 указано, что «лицо, утратившее статус резидента ОЭЗ, обязано уплатить штраф в размере и сроки, которые предусмотрены соглашением об осуществлении деятельности». Вместе с тем в типовой форме соглашения отсутствует пункт со сроками взыскания штрафов за нарушение требований к резиденту СЭЗ, накладываемых в результате процедуры лишения статуса резидента. В связи с этим предлагается конкретизация типовой формы соглашения: п. 5

«Ответственность сторон» дополнить фразой «в сроки, соответствующие срокам заключения настоящего соглашения».

В дополнение к ст. 21 иницируется внесение нового абзаца 5.1, задачей которого является урегулирование возникающих вопросов в рамках применения и интерпретации положений, касающихся размера штрафных санкций за неуплату налогов резидентами ОЭЗ или лицами, потерявшими данный статус, в силу использования налоговых льгот, предписанных действующим налоговым законодательством Российской Федерации.

С точки зрения юридической квалификации назначение упомянутых штрафов предполагает необходимость четкого разграничения между двумя аспектами: взысканием санкций, имеющих штрафной характер, и восстановлением налоговой базы через компенсацию неуплаченных сумм в связи с применением налоговых льгот. Отсутствие ясности в данном аспекте требует дополнительной детализации в рамках Налогового кодекса РФ, в том числе с уточнением механизма начисления пеней и порядка их взыскания.

В случае определения неуплаты налоговых льгот как основания для штрафных санкций необходимо также предусмотреть процедуру, по которой налоговые органы будут определять и вычислять сумму дополнительных налоговых обязательств. Это предусматривает включение соответствующих положений, обозначающих контуры их полномочий и ответственности в этой сфере, в законодательные акты.

Отдельное внимание заслуживает вопрос процедуры судебного рассмотрения дел, связанных с лишением статуса резидента ОЭЗ, взысканием штрафных санкций и возможного оспаривания постановлений судов. Оптимальным решением станет разработка норм, регламентирующих порядок досудебных и судебных процедур. Введение подобного разъ-

яснения в виде абз. 5.1 к ст. 21 обеспечит повышение предсказуемости юридических последствий для резидентов ОЭЗ и конкретизацию существующих правовых норм.

Льготные условия, предлагаемые для резидентов тех или иных ОЭЗ на территории Российской Федерации, различаются от субъекта к субъекту. В результате возникает некоторый диссонанс, стимулирующий предпринимателей выбирать регионы с лучшими налоговыми преференциями, предоставляемыми региональным законодательством. В условиях «миграции» бизнеса, которые оговаривались выше: когда компании объявляют о банкротстве в одном регионе, а затем открывают новое предприятие в другом, заявленные условия вновь могут стимулировать дифференциацию в экономическом росте регионов [18, с. 446].

На сегодняшний день законодательно закреплена только верхняя граница ставки, подлежащей зачислению в бюджеты субъектов РФ, составляющая 13,5%; в остальном сумма, которую резиденты ОЭЗ должны будут уплатить в бюджет региона, зависит исключительно от воли органов власти субъекта [19, с. 48].

Оптимальным решением было бы закрепление нижнего порога ставки, единого для всех регионов, которое позволило бы создать равные возможности для развития ОЭЗ в любом субъекте РФ и сохранить уверенность резидентов в неизменности гарантий налоговых условий [20, с. 98].

Выводы

Исследование текущего правового регулирования в условиях деятельности предприятий на территории ОЭЗ обнаружило ряд критических моментов, требующих детального анализа и последующей адаптации законодательства с целью формирования более благоприятных условий для притягивания и реализации инвестиционных проектов. Целью пред-

лагаемых улучшений является создание стимулирующей среды для бизнес-сообщества, устранение выявленных дисфункций в действующем законодательном поле и укрепление инвестиционной привлекательности ОЭЗ.

Представляется, что центральной зоной внимания должно стать конструирование единых, ясных и прозрачных критериев предоставления налоговых преференций в ОЭЗ на всей территории Российской Федерации. Это будет способствовать снижению административных барьеров и упрощению процесса ведения бизнеса в данных зонах.

Кроме того, акцентируется необходимость совершенствования системы мониторинга и контроля за хозяйственной активностью в ОЭЗ. Такой подход позволит повысить уровень прозрачности и содействовать оптимизации условий для ведения деловых операций, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению деловой атмосферы в данных зонах.

На основе предварительного изучения и анализа текущих тенденций развития правового поля могут быть разработаны следующие конкретные меры:

1. Конкретизация понятия штрафа. В новом абз. 5.1 к ст. 21 необходимо четко разграничить понятия штрафа как наказания за правонарушение и компенсационных выплат, направленных на возмещение неуплаченных налогов в результате неправомерного получения налоговых льгот. Должно быть указано, что штраф представляет собой фиксированную сумму, установленную в качестве наказания за нарушение налогового законодательства, в то время как компенсационные выплаты рассчитываются как сумма неуплаченных налогов, увеличенная на начисленные пени согласно ставкам, предусмотренным Налоговым кодексом РФ.

2. Установление минимального размера ставки налога на прибыль, направляемого в бюджеты субъектов РФ для организаций, являющихся резидентами ОЭЗ. Этот параметр предлагается закре-

пить на уровне, который не будет препятствовать экономическому развитию ОЭЗ, однако будет достаточным для обеспечения бюджета субъекта РФ минимально необходимыми поступлениями. Возможное значение минимального размера ставки может быть установлено, например, на уровне 8–10%.

3. Законодательное закрепление механизма индексации указанной минимальной ставки, которое бы учитывало экономические и инфляционные тенденции в стране. Этот механизм позволит сохранять реальную стоимость налоговых поступлений в бюджеты субъектов РФ на стабильном уровне и обеспечит долгосрочную предсказуемость налоговых обязательств для резидентов ОЭЗ.

4. Определение процедуры и условий пересмотра установленной минимальной ставки на федеральном уровне с участием представителей органов государственной власти, бизнес-сообществ и экспертного сообщества. Это предусматривает формирование межведомственной комиссии или рабочей группы с целью анализа экономической ситуации и предложения обоснованных корректировок ставок.

5. Разработка критериев и условий, которые позволили бы субъекту РФ вводить исключения из общего правила по установлению минимальной ставки налога на прибыль для резидентов ОЭЗ в случаях, когда это обусловлено необходимостью стимулирования деятельности в определенных отраслях экономики или реализации конкретных инвестиционных проектов.

Введение вышеизложенных корректировок в налоговое законодательство РФ потребует всестороннего анализа возможных экономических последствий, включая оценку влияния на привлекательность инвестиционной среды в ОЭЗ и на финансовое положение бюджетов субъектов РФ. Подобные изменения должны быть направлены на достижение сбалансированности интересов государства и бизнеса, обеспечение стабильности и предсказуемости налогового режима, что, в свою очередь, способствует устойчивому развитию регионов и повышению инвестиционной активности на всей территории Российской Федерации.

Реконструкция правовой базы должна идти в направлении активизации мотивационных механизмов для предпринимателей, что стимулировало бы их к реализации производственных и иных коммерческих инициатив в пределах ОЭЗ. Эти рекомендации могут служить наставлением при разработке стратегий улучшения правового поля, определяющего параметры поддержки и операционных условий бизнес-задач на территории ОЭЗ.

Отдельное внимание следует уделить моменту активизации иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации, особенно в условиях текущего санкционного давления. В этой ситуации особенно актуальной становится необходимость апгрейда административно-правовых механизмов для достижения высокой степени эффективности в привлечении и использовании иностранных инвестиционных ресурсов.

Список литературы

1. Конищева Т. И. Совершенствование управления экономической деятельности особых экономических зон // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1(102). С. 518–521.
2. Виленский А. В. Особые экономические зоны и территории опережающего социально-экономического развития: экстенсивный рост // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 8-А. С. 135–144.
3. Лакаев О. А. Отдельные проблемы правовой политики в сфере организации особых экономических зон в условиях регионализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 46–53.

4. Вылкова Е. С., Тарасевич А. Л. Особые экономические зоны как драйверы экономического развития России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1 (119). С. 57–64.
5. Кузнецова О. В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 129–152.
6. Власов Г. Г. Территории с особым режимом предпринимательской деятельности // Экономика. Право. Общество. 2020. № 5(2). С. 95–100.
7. Махашова С. Г., Ермакова Е. А. Особенности особых экономических зон в России: финансовые показатели // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14-2. С. 892–894.
8. Микитчук В. П. Современные подходы к проблеме регулирования предпринимательской деятельности в условиях особой экономической зоны (на материалах ОЭЗ Магаданской области) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 3А. С. 506–516.
9. Ширина Н. В. Особые экономические зоны – элемент высокотехнологичной российской экономики // Вектор ГеоНаук. 2021. Т. 4, № 3. С. 51–60.
10. Самойлова В. В. Проблемы ведения предпринимательской деятельности на территории особых экономических зон // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции: в 2-х т. / под ред. Е. В. Евсиковой, И. В. Хмиль. Симферополь: Ариал, 2022. Т. I. С. 543–549.
11. Васильева Е. Ю. Правовой статус свободных экономических зон Российской Федерации // Инновационная наука. 2023. № 5-1. С. 64–66.
12. Радкевич К. Д. Регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах в Российской Федерации: правовой аспект // Закон и власть. 2019. № 2. С. 44–46.
13. Кожевников О. А., Никонова Ю. Ш. Законодательство о контрольно-надзорной деятельности: реалии и ожидаемые перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, №2 (81). С. 132–138.
14. Колесник Д. В., Бакланов А. А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в свободных экономических зонах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3. С. 94–97.
15. Павлов П. В., Защитина Е. К. Свободные экономические зоны как современный институт развития в международном бизнесе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36, № 4. С. 675–692.
16. Кондратьева Е. А., Шальнева М. С. Проблемы нормативного регулирования особых экономических зон в России // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2. С. 87–94.
17. Панфилова Е. Е. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особой экономической зоне (АО "Технополис "Москва") // Сила систем. 2019. № 1(10). С. 51–75.
18. Корнеева Т. А., Ануркина А. С. Экономический анализ выгод, получаемых резидентами особых экономических зон в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2022. № 2(139). С. 444–451.
19. Шевелева Н. А. Налогово-правовые механизмы государственной поддержки предпринимательства в современных условиях // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11(120). С. 36–50.
20. Довбий И. П., Дохильгова Д. М., Довбий Н. С. Налоговые льготы для регионального предпринимательства: необходимость, достаточность, эффективность // Вестник ВолГУ. Экономика. 2017. № 4 (41). С. 94–106.

Reference

1. Konishheva T. I. Sovershenstvovanie upravleniya ekonomicheskoy deyatel'nosti osobykh ekonomicheskikh zon [Improvement of management of economic activity of special economic zones]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and business*, 2019, no 1(102), pp. 518–521.
2. Vilenskij A. V. Osoby ekonomicheskie zony i territorii operezhayushhego social'no-ekonomicheskogo razvitiya: ekstensivnyj rost [Special economic zones and territories of advanced socio-economic development: extensive growth]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2021, vol. 11, no 8-A, pp. 135–144.
3. Lakaev O. A. Otdel'nye problemy pravovoj politiki v sfere organizacii osobykh ekonomicheskikh zon v usloviyakh regionalizacii [Certain problems of legal policy in the sphere of organisation of special economic zones in the conditions of regionalisation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2022, no. 4, pp. 46–53.
4. Vylkova E. S., Tarasevich A. L. Osoby ekonomicheskie zony kak drazhery ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Special economic zones as drivers of Russia's economic development]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestiya St. Petersburg State Economic University*, 2019, no. 5-1 (119), pp. 57–64.
5. Kuznecova O. V. Osoby ekonomicheskie zony: effektivny ili net? [Special economic zones: effective or not?]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2016, no. 4, pp. 129–152.
6. Vlasov G. G. Territorii s osobym rezhimom predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Territories with a special regime of entrepreneurial activity]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Law. Society*, 2020, no. 5(2), pp. 95–100.
7. Makhashova S. G., Ermakova E. A. Osobennosti osobykh ekonomicheskikh zon v Rossii: finansovy pokazateli [Features of special economic zones in Russia: financial indicators]. *Rossiia: tendencii i perspektivy razvitiya = Russia: development trends and prospects*, 2019, no. 14-2, pp. 892–894.
8. Mikitchuk V. P. Sovremennye podkhody k probleme regulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti v usloviyakh osobo ekonomicheskoy zony (na materialakh O EZ Magadanskoj oblasti) [Modern approaches to the problem of regulation of entrepreneurial activity in the conditions of a special economic zone (on the materials of SEZ of Magadan region)]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2019, vol. 9, no. 3A, pp. 506–516.
9. Shirina N. V. Osoby ekonomicheskie zony - element vysokotekhnologichnoj rossijskoj ekonomiki [Special economic zones - an element of high-tech Russian economy]. *Vektor GeoNauk = Vector of GeoScience*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 51–60.
10. Samojlova V. V. [Problems of conducting entrepreneurial activity on the territory of special economic zones]. *Okhrana i zashhita prav i zakonnykh interesov v sovremennom prave. Sbornik statej po rezul'tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference]; ed. by E. V. Evsikova, I. V. Khmil'. Simferopol', Arial Publ., 2022, pp. 543–549.
11. Vasil'eva E. Yu. Pravovoj status svobodnykh ekonomicheskikh zon Rossijskoj Federacii [Legal status of free economic zones of the Russian Federation]. *Innovacionnaya nauka = Innovative science*, 2023, no. 5-1, pp. 64–66.
12. Radkevich K. D. Regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v osobykh ekonomicheskikh zonakh v Rossijskoj Federacii: pravovoj aspekt [Regulation of entrepreneurial activity in special economic zones in the Russian Federation: legal aspect]. *Zakon i vlast' = Law and power*, 2019, no. 2, pp. 44–46.

13. Kozhevnikov O. A., Nikonova Yu. Sh. Zakonodatel'stvo o kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: realii i ozhidaemye perspektivy [Legislation on control and supervisory activities: realities and expected prospects]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, vol. 27, no. 2 (81), pp. 132–138.
14. Kolesnik D. V., Baklanov A. A. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v svobodnykh ekonomicheskikh zonakh [Legal regulation of entrepreneurial activity in free economic zones]. *Mezhdunarodny zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 10-3, pp. 94–97.
15. Pavlov P. V., Zashhitina E. K. Svobodnye ekonomicheskie zony kak sovremennyy institut razvitiya v mezhdunarodnom biznese [Free economic zones as a modern development institution in international business]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = Herald of St. Petersburg University. Economics*, 2020, vol. 36, no. 4, pp. 675–692.
16. Kondrateva E. A., Shalneva M. S. Problemy normativnogo regulirovaniya osobykh ekonomicheskix zon v Rossii [Problems of normative regulation of special economic zones in Russia]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin Academy of Law and Management*, 2018, no. 2, pp. 87–94.
17. Panfilova E. E. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v osoboj ekonomicheskoy zone (AO "Texnopolis "Moskva") [Legal regulation of entrepreneurial activity in a special economic zone (Technopolis Moscow JSC)]. *Sila system = Power Systems*, 2019, no 1(10), pp. 51–75.
18. Korneeva T. A. Ekonomicheskij analiz vygod, poluchaemykh rezidentami osobykh ekonomicheskikh zon v Rossijskoj Federacii [Economic analysis of benefits received by residents of special economic zones in the Russian Federation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and business*, 2022, no. 2(139), pp. 444–451.
19. Sheveleva N. A. Nalogovo-pravovye mekhanizmy gosudarstvennoj podderzhki predprinimatel'stva v sovremennykh usloviyakh [Tax and legal mechanisms of state support of entrepreneurship in modern conditions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 11(120), pp. 36–50.
20. Dovbij I. P., Dohkil'gova D. M., Dovbij N. S. Nalogovye l'goty dlya regional'nogo predprinimatel'stva: neobходimost', dostatochnost', effektivnost' [Tax incentives for regional entrepreneurship: necessity, sufficiency, efficiency]. *Vestnik VolGU. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics*, 2017, no. 4(41), pp. 94–106.

Информация об авторах / Information about the Authors

Балашов Константин Геннадьевич, помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), г. Ярославль, Российская Федерация,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6148-0365

Konstantin G. Balashov, Assistant Lawyer at the Krasnoperekopsk District Bar of Yaroslavl (Yaroslavl Regional Bar Association), Yaroslavl, Russian Federation,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6148-0365

Кравченко Наталья Владимировна, преподаватель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6378-5074

Natalia V. Kravchenko, Lecturer of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kravchenko-nv46@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6378-5074

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.951.04

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-69-80>

Конституционный Суд в контексте единообразия судебной практики по гражданским делам

К. С. Рыжков¹ ✉

¹Уральский филиал Российского государственного университета правосудия
ул. Энергетиков, д. 63, г. Челябинск 454135, Российская Федерация

✉ e-mail: knrz2006@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В научной литературе в недостаточной степени остается исследованным вопрос о роли Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении единообразия судебной практики, а также о механизмах такого обеспечения.

Целью работы является исследование действующего законодательства и правоприменительной практики на предмет выявления специфики влияния практики Конституционного Суда на единообразное толкование и применение правовых норм по гражданским делам.

Задачи. Для достижения указанной цели была поставлена задача выявить проблемы применения решений Конституционного Суда в рамках формирования единообразной судебной практики. Также в рамках настоящей статьи была поставлена задача сформулировать предложения по совершенствованию гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Методология. В рамках исследования были применены диалектический, формально-юридический и герменевтический методы исследования.

Результаты. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что практика Конституционного Суда Российской Федерации в контексте рассматриваемого вопроса касается как формулирования общих целевых установок относительно правовой природы единообразия судебной практики и путей ее достижения в правоприменительной деятельности, так и толкования правовых норм в их конституционно-правовом смысле для устранения рисков их необоснованно разного применения в схожих ситуациях.

Выводы. Сделан вывод о взаимном влиянии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и практики иных судов. Кроме того, сделан вывод о необходимости внесения изменений в процессуальное законодательство с целью закрепления необходимости указания в текстах судебных актов на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция; Конституционный Суд; Верховный Суд; правовая позиция; единообразие судебной практики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Рыжков К. С. Конституционный Суд в контексте единообразия судебной практики по гражданским делам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 69–80. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-69-80>.

Поступила в редакцию 18.02.2024

Принята к публикации 26.03.2023

Опубликована 27.04.2024

The Constitutional Court in the Context of the Uniformity of Judicial Practice in Civil Cases

Konstantin S. Ryzhkov¹ ✉

¹Ural Branch Russian State University of Justice
63 Energetikov Str., Chelyabinsk 454135, Russian Federation

✉ e-mail: knrz2006@yandex.ru.

Abstract

Relevance. The issue of the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring uniformity of judicial practice, as well as the mechanisms of such provision, remains insufficiently investigated in the scientific literature.

The **purpose** of the work is to study the current legislation and law enforcement practice in order to identify the specifics of the influence of the practice of the Constitutional Court on the uniform interpretation and application of legal norms in civil cases.

Objectives. To achieve this goal, the task was set to identify the problems of applying the decisions of the Constitutional Court within the framework of the formation of uniform judicial practice. Also, within the framework of this article, the task was set to formulate proposals for improving civil procedure and arbitration procedural legislation.

Methodology. Within the framework of the study, dialectical, formal legal and hermeneutic research methods were applied.

Results. As a result of the conducted research, it was concluded that the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the issue under consideration concerns both the formulation of general objectives regarding the legal nature of the uniformity of judicial practice and ways to achieve it in law enforcement, and the interpretation of legal norms in their constitutional and legal sense to eliminate the risks of their unreasonably different application in similar situations.

Conclusions. The conclusion is also made about the mutual influence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the practice of other courts. In addition, it is concluded that it is necessary to amend the current procedural legislation in order to consolidate the need to indicate in the texts of judicial acts the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitution; Constitutional Court; Supreme Court; legal position; uniformity of judicial practice.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ryzhkov K. S. The Constitutional Court in the Context of the Uniformity of Judicial Practice in Civil Cases. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 69–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-69-80>

Received 18.02.2024

Accepted 26.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Особое место и роль Конституционного Суда Российской Федерации в отечественной правовой системе, которым в научной литературе традиционно уделяется достаточно много внимания [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], определяют специфику стоящих перед ним задач.

Не самой очевидной, но оттого не менее значимой из них является форми-

рование единообразной судебной практики (в частности, в силу положений ст. 391.9 ГПК РФ и ст. 308.8 АПК РФ, которые предполагают возможность отмены судебных актов по основанию нарушения единообразия судебной практики).

В. В. Никишин отмечает, что акты Конституционного Суда РФ имеют особое значение для обеспечения единообразия судебной практики [9, с. 24].

П. В. Коршунова также указывает, что особые полномочия данного суда по проверке правовых норм на соответствие Конституции РФ способствуют формированию единой судебной практики [10, с. 30].

И речь в данном случае идет не столько о единообразии практики в рамках конституционного правосудия (хотя бы потому, что Конституционный Суд РФ представляет собой единственный орган, имеющий полномочия в указанной сфере), сколько о необходимости формирования единообразной практики при рассмотрении судами конкретных дел. Ведь по справедливому замечанию С. В. Напалкова, толкование норм права находит свое закрепление в разъяснениях Конституционного Суда РФ, обеспечивающих достижение единообразного применения материального и процессуального законодательства судами [11, с. 104].

На вышеуказанные правовые позиции следует ориентироваться хотя бы в силу прямых указаний закона (например, в силу положений ст. 392 ГПК РФ и ст. 311 АПК РФ признание постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующим Конституции РФ или применение в истолковании, расходящемся с данным в его постановлении истолкованием, примененного судом в судебном акте нормативного акта или его положения, является основанием для пересмотра дела). А значит, от того, насколько последовательно Конституционный Суд РФ будет толковать нормы Конституции РФ, напрямую зависит эффективность судебной деятельности, которая в числе прочего может быть оценена с позиции правовой определенности и непротиворечивости правоприменительной деятельности судов.

Рассмотрим указанный вопрос в контексте обеспечения единообразия практики по гражданским делам, поскольку применение в их рамках правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного Суда, не является редкостью.

Методология

В рамках исследования применены диалектический, формально-юридический и герменевтический методы исследования.

Применение диалектического метода выразилось в анализе рассматриваемой правовой проблемы с позиции принципов всесторонности и детерминизма, свойственных указанному методу познания.

Формально-юридический метод нашел свое отражение в рамках анализа норм процессуального законодательства, а также норм, касающихся судостроительства, в контексте деятельности Конституционного Суда РФ.

Герменевтический метод применялся при анализе правовых позиций высших судебных инстанций в соотношении с положениями подлежащих толкованию правовых норм.

Комплексное применение вышеуказанных методов позволило достичь цели и основных задач настоящего исследования.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего, необходимо понять, что представляет собой единообразие судебной практики как таковое. В противном случае анализ правовых механизмов достижения указанного единообразия был бы затруднительным, а достижение цели и задачи настоящего исследования – невозможным, и для ответа на данный вопрос следует обратиться к действующему законодательству, а также к сформулированным в доктрине концепциям и точкам зрения.

Если проанализировать нормы действующего законодательства на предмет отражения в них понятия «единообразие судебной практики» и связанных с ним правовых механизмов, то можно сделать следующие выводы. Нормы Конституции РФ не содержат в себе указанного термина. В то же время нормы Основного Закона (например, ст. 126) содержат косвенные указания на роль Верховного Су-

да РФ как органа судебной власти, определяющего общие правила толкования и применения иными судами конкретных правовых норм.

Нормы иных действующих нормативных правовых актов также не содержат в себе определение понятия «единообразие судебной практики». Только в процессуальных кодексах нарушение такового названо в качестве основания отмены судебных актов, о чем уже было сказано ранее.

В юридической науке проблемам единообразия судебной практики, напротив, уделяется достаточно много внимания [12; 13; 14; 15; 16; 17].

В научной литературе единообразие судебной практики понимается как применение одних и тех же норм права судами в аналогичных правовых ситуациях [18, с. 119].

В действующем законодательстве и правоприменительной практике оно раскрывается несколько шире – через единообразное толкование и применение правовых норм. При этом под единообразием в толковании и применении судами норм права в научной литературе понимают содержание в судебном решении толкования норм права в соответствии с постановлениями Пленума и Президиума Верховного Суда [19, с. 45].

С указанным мнением сложно согласиться по нескольким причинам: во-первых, разночтения в правоприменительной деятельности могут возникать, когда правовые позиции Верховного Суда РФ еще не сложились; во-вторых, единообразие судебной практики – это не только единообразие судебных решений, но и любых иных судебных актов (судебных приказов, определений), в которых получает свое закрепление правоприменительная деятельность судов; в-третьих, и это наиболее важно, нельзя забывать об особой роли Конституционного Суда РФ по данному вопросу, что является предметом исследования в рамках данной статьи, и при этом может быть проиллю-

стрировано приведенными ниже примерами.

Как следствие, такое единообразие следует рассматривать в контексте единства подходов судов к толкованию и применению правовых норм при рассмотрении конкретных дел, т. е. содержание понятия «единообразие судебной практики» возможно раскрыть через определение содержания еще одного понятия «единообразное толкование и применение судами норм права». Оно предполагает деятельность суда соответственно по толкованию и применению норм права. Указанная деятельность является по своей сущности правоприменительной и обусловлена основной функцией судебных органов – отправлением правосудия путем рассмотрения и разрешения дел. При этом она состоит из двух элементов: толкования судом правовой нормы и ее применения. Такая структура логично вытекает из содержания правоприменительной деятельности: без толкования правовых норм их невозможно правильно применить, а без применения указанных норм не будет самого судебного акта.

Применительно к деятельности Конституционного Суда РФ важно проанализировать как его полномочия в части обеспечения единообразия судебной практики, так и его правовые позиции по указанному вопросу. При этом следует обратиться к ситуациям, когда предметом рассмотрения были не только частно-правовые, но и публично-правовые нормы, поскольку нижеприведенные подходы в равной степени актуальны при рассмотрении судами административных дел.

Следует особо отметить Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П, в котором содержатся важные выводы о роли разъяснений Верховного Суда РФ в части толкования и применения правовых норм. Аналогичные позиции формулировались и в других постановлениях: от 23 декабря

1997 г. № 21-П, от 28 марта 2000 г. № 5-П, от 23 января 2007 г. № 1-П и от 8 ноября 2012 г. № 25-П, о чем упоминается в Постановлении № 29-П.

Так, в Постановлении № 29-П отмечено, что конституционные принципы правового государства, верховенства закона и юридического равенства позволяют сформулировать требование определенности правового регулирования. Такая определенность достигается путем выявления взаимосвязи правовых предписаний с помощью разъяснений Верховного Суда РФ. Целью указанных разъяснений является устранение неопределенности нормы, обеспечение ее однозначного истолкования и единообразного применения.

Конституционным Судом РФ указывается на необходимость соблюдения принципа поддержания доверия граждан к закону, предполагающего сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм.

Требование единства практики применения норм законодательства всеми судами Конституционный Суд РФ объясняет потребностью в сохранении баланса между принципами независимости судей, верховенства Конституции РФ и федеральных законов, равенства всех перед законом и судом.

Полномочия Верховного Суда РФ давать судам разъяснения по вопросам применения законодательства направлены как раз на поддержание единообразия в толковании и применении норм (обеспечение единства судебной практики), являясь одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Соответственно, противоречие указанным разъяснениям в рамках акта конкретного суда свидетельствует о судебной ошибке¹.

¹ По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158

Таким образом, Конституционный Суд РФ выводит из содержания конституционных норм сам принцип единообразия судебной практики, связывая его с требованием определенности правового регулирования и с ролью Верховного Суда РФ в толковании и применении правовых норм. При этом он не просто делегирует задачу обеспечения и поддержания единообразия судебной практики на Верховный Суд РФ, но и сам формулирует концептуальные подходы, значимые для всех иных судов в рамках их правоприменительной деятельности.

Как именно Конституционный Суд РФ обеспечивает единообразие судебной практики, раскрыто в Постановлении от 13 декабря 2001 г. № 16-П. В нем указано, что только акты Конституционного Суда РФ обеспечивают единообразное применение конституционных положений в их развитии законодательной властью посредством лишения юридической силы противоречащих Конституции РФ норм².

Решения Конституционного Суда РФ в рамках производства по гражданским делам значимы не только с позиции формулирования подходов к толкованию и применению правовых норм, но и побуждают законодателя вносить изменения в соответствующие нормы, устраняя их излишне размытый, неконкретный ха-

Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука: постановление Конституционного Суда РФ от 23 дек. 2013 г. № 29-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pra-vo.gov.ru/Document/View/0001201312260007> (дата обращения: 29.01.2024).

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т. В. Близинской»: постановление Конституционного Суда РФ от 13 дек. 2001 г. // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34498/ (дата обращения: 29.01.2024).

ракт, влекущий нарушения единообразия в правоприменительной практике.

Показательным в этом отношении является, среди прочих, Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2021 г. № 1-П, после вынесения которого ст. 208 ГПК РФ была дополнена конкретным и непротиворечивым механизмом индексации взысканных судом денежных сумм¹. Если же изменения еще не внесены, то, по крайней мере, позиция Конституционного Суда РФ определенным образом ориентирует другие суды на применение правовых норм.

Так, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2023 г. № 53-П, ст. 129 ГПК РФ признана не соответствующей Конституции РФ, а впредь до установления законодательного регулирования иски о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, заявленные после отмены судебного приказа в связи с возражениями должника за пределами предусмотренного срока, могут быть удовлетворены за весь период, указанный в судебном приказе².

¹ По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Л. В. Бакиной, С. А. Жидкова, Е. М. Семенова и Е. И. Семеновой: постановление Конституционного Суда РФ от 12 янв. 2021 г. № 1-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202101140005> (дата обращения: 29.01.2024)

² По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. П. Хомутиной: постановление Конституционного Суда РФ от 20 нояб. 2023 г. № 53-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220001> (дата обращения: 29.01.2024).

Также в ранее упомянутом Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П содержится еще одна важная мысль относительно рассматриваемой нами темы. С одной стороны, в нем Конституционный Суд РФ формулирует очевидную мысль о том, что в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению законоположений. С другой стороны, в данном постановлении указано, что Конституционный Суд РФ принимает решение по делу, оценивая в том числе смысл рассматриваемого акта, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой³ (аналогичная правовая позиция выражена также в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П)⁴.

Иными словами, не только Конституционный Суд РФ, формулируя правовые позиции по конкретным делам, создает фундамент для единообразного толкования и применения правовых норм, но и практика самого Конституционного Суда РФ должна учитывать практику иных судов (причем не только в ча-

³ По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И. В. Савченко: постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26660/ (дата обращения: 29.01.2024).

⁴ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева: постановление Конституционного Суда РФ от 23 янв. 2007 г. № 1-П // Консультант Плюс: сайт. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65713/ (дата обращения: 29.01.2024).

сти разъяснений Пленума и правовых позиций Президиума Верховного Суда РФ, но и в целом сложившуюся практику применения и толкования правовой нормы судами различных уровней).

Следовательно, в деятельности Конституционного Суда РФ, с одной стороны, и всех иных судов отечественной судебной системы, с другой стороны, формируется своего рода обратная связь, при которой происходит двусторонне направленное влияние на формирование единообразной судебной практики. Иными словами, все суды выполняют общую задачу, только делают это разными правовыми средствами, с учетом их функций в рамках судебной системы.

Таким образом, в полной мере воплощается принцип единства судебной системы, который заключается не только в иерархичности и распределении компетенции между различными органами судебной власти, но и в реализации общих для всех судов задач, обусловленных существующими конституционно-правовыми принципами и нормами.

Не менее важный вывод можно обнаружить в постановлении Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П. В нем указано, что осуществляемая в процессе конституционного судопроизводства казуальная интерпретация положений Конституции РФ, на которых оно основано, по своей силе превышает любую ее интерпретацию любым другим органом, притом что пределы действия решения Конституционного Суда РФ (в том числе установленные в самом решении пределы его ретроспективного действия) обусловлены целями обеспечения стабильности конкретных правоотношений, которая имеет самостоятельную конституционную ценность, а также предметом рассмотрения и выраженной в решении правовой позицией Конституционного Суда РФ¹.

¹ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Кон-

Таким образом, Конституционный Суд указывает на приоритет своего толкования норм Конституции РФ перед любым иным толкованием, что, в общем-то, очевидно.

Однако тогда возникает вопрос: а как быть с толкованием иных норм? Ведь Конституционный Суд РФ при реализации своих полномочий вынужден толковать не только нормы Конституции РФ, но и нормы иных правовых актов (прежде всего, чтобы установить их соответствие конституционно-правовым нормам).

Полагаем, что толкование указанных норм Конституционным Судом РФ имеет приоритет, т. к. дается в контексте положений Конституции РФ. При этом Конституционный Суд РФ при таком толковании будет учитывать ранее сформировавшуюся судебную практику, в том числе позиции Пленума и Президиума Верховного Суда РФ.

Важно также ответить на вопрос: обязательно ли указание в судебном акте на правовые позиции Конституционного Суда, если в решении применяются правовые нормы, конституционно-правовой смысл которых ранее был раскрыт в рамках этих правовых позиций?

В научной литературе справедливо отмечается, что основанием разрешаемого в деле спора могут служить наряду с правовыми принципами и нормами также правовые позиции Конституционного Суда РФ, при этом ссылка на конституционные установления в постановляющей части судебного акта является обязательным условием данного вида консти-

ституционном Суде Российской Федерации» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт»: постановление Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2012 г. № 25-П // Консультант Плюс: сайт. URL: [http:// consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137736/](http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137736/) (дата обращения: 29.01.2024).

туционного правоприменения судами [20, с. 64].

И действительно, какой смысл в правовой позиции Конституционного Суда РФ, если на нее нет возможности сослаться в рамках конкретного дела? Ведь именно ради защиты прав и законных интересов посредством совершенствования правоприменительной деятельности она и была сформулирована.

Однако требования к судебному решению, сформулированные в ГПК РФ и АПК РФ, не называют прямо акты Конституционного Суда РФ в качестве подлежащих указанию в его мотивировочной части. В ст. 198 ГПК РФ и ст. 170 АПК РФ упоминаются только акты Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, содержащие правовые позиции, имеющие значение для разрешения судом конкретного спора.

И в этом смысле указанные нормы качественно отличаются в негативную сторону от функционально схожих положений п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ, где решения Конституционного Суда РФ названы прямо.

Полагаем, что подобное противоречие не только не обосновано логически, но и создает дополнительные сложности в части реализации функций Конституционного Суда РФ, тем более что иные суды при рассмотрении гражданских дел все равно учитывают его правовые позиции.

Как следствие, полагаем необходимым изменение действующего процессуального законодательства в части распространения вышеназванных подходов, закрепленных в КАС РФ в части требований к судебному решению, на гражданский и арбитражный процесс.

Выводы

Конституционный Суд РФ обеспечивает единообразие судебной практики с учетом следующих аспектов:

1. Конституционный Суд РФ в рамках своих правовых позиций формулирует

общие подходы к правовой природе единообразия судебной практики и к способам ее достижения. Указанные подходы реализуются впоследствии в рамках правоприменительной деятельности судов, прежде всего проверочных инстанций.

2. Конституционный Суд РФ дает обязательное к применению толкование как нормам Конституции РФ, так и иным правовым нормам (в контексте толкования положений Конституции РФ).

3. Конституционный Суд побуждает законодателя к совершенствованию правового регулирования, в том числе в случаях, когда его несовершенство влечет нарушения единообразия судебной практики, т. е. решения Конституционного Суда РФ служат важным индикатором не только правоприменительных проблем, но и дефектов правового регулирования, препятствующего эффективному и единообразному толкованию и применению правовых норм.

Также в силу вышесказанного представляется необходимым включить в гражданское процессуальное законодательство новое положение, сформулировав абз. 3 п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ в следующей редакции:

«В мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации».

Также целесообразно совершенствование правового регулирования в сфере арбитражного процесса, а именно формулирование в новой редакции абз. 8 ч. 4 ст. 170 АПК РФ:

«В мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на решения

Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а так-

же на обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации».

В целом решения Конституционного Суда имеют существенное значение для формирования не только единообразной судебной практики, но и самих подходов к пониманию и достижению указанного единообразия.

Список литературы

1. Бондарь Н. С. Конституционный Суд между Сциллой и Харибдой: место конституционного правосудия в системе разделения властей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 2(13). С. 5–17.
2. Григорьев К. Е. Решения Конституционного Суда РФ как источник российского права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 56–61.
3. Ершов В. В., Ершова Е. А. О правовом статусе Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2004. № 3. С. 8–13.
4. Жеребцова Е. Е. К дискуссии о месте и роли решений Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского конституционного права // Право и политика. 2010. № 11. С. 1885–1891.
5. Зиновьев А. В. Статус Конституционного Суда России и его деятельность нуждаются в совершенствовании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 5(274). С. 4–13.
6. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в системе судебной власти // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 2. С. 1–8.
7. Лазарев В. В. К вопросу о месте и роли решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Международного института экономики и права. 2010. № 1. С. 114–119.
8. Петров А. А. К дискуссии о месте решений Конституционного Суда Российской Федерации в национальной системе правовых актов (иерархический аспект) // Академический юридический журнал. 2015. № 3(61). С. 9–18.
9. Никишин В. В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении единообразия экологически значимой судебной практики // Российское право: образование, практика, наука. 2010. № 5-6(70-71). С. 23–29.
10. Коршунова П. В. Единство судебной практики и правовые средства ее обеспечения // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2(50). С. 25–35. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-3>.
11. Напалков С. В. Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на обеспечение единообразия судебной практики // Актуальные вопросы конституционного и административного права: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. Ростов н/Д: Ростов. юрид. ин-т МВО РФ, 2017. С. 104–110.
12. Бондарь Н. С. Единообразие судебной практики в современном правовом порядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 11–21.

13. Борисов Г. А. О некоторых факторах единообразия судебной практики // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 2. С. 120–131. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-2-120-131>.
14. Евлоева Д. Х. Реализация принципа единообразия судебной практики // Вестник науки и образования. 2020. № 16-2(94). С. 18–20.
15. Журавлева О. В. К вопросу о единообразии судебной практики при рассмотрении гражданских дел // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 41–45.
16. Приходько И. А. Обеспечение единообразия судебной практики // Арбитражная практика. 2008. № 5. С. 54–64.
17. Силакова О. Н. Обеспечение единообразия судебной практики // История, теория, практика российского права. 2013. № 9. С. 243–250.
18. Заикин С. С. Высший Арбитражный суд: данные удалены // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4(101). С. 118–144.
19. Сальникова А. В. Роль преюдиции в вопросах доказывания в гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1(65). С. 40–47. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10214>.
20. Червонюк В. И. Прямое действие Конституции и применение Конституции судами // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 59–66. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-5>.

References

1. Bondar' N. S. Konstitutsionnyi Sud mezhdru Stsilloi i Kharibdoi: mesto konstitutsionnogo pravosudiya v sisteme razdeleniya vlastei [The Constitutional Court between Scylla and Charybdis: the place of constitutional justice in the system of separation of powers]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2008, no. 2(13), pp. 5–17.
2. Grigor'ev K. E. Resheniya Konstitutsionnogo Suda RF kak istochnik rossiiskogo prava [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of Russian law]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2019, no. 9, pp. 56–61.
3. Ershov V. V., Ershova E. A. O pravovom statuse Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [On the legal status of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossiiskij sud'ya = Russian judge*, 2004, no. 3, pp. 8–13.
4. Zherebcova E. E. K diskussii o meste i roli reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v sisteme istochnikov rossiiskogo konstitutsionnogo prava [On the discussion of the place and role of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of sources of Russian constitutional law]. *Pravo i politika = Law and politics*, 2010, no. 11, pp. 1885–1891.
5. Zinov'ev A. V. Status Konstitutsionnogo Suda Rossii i ego deyatelnost' nuzhdayutsya v sovershenstvovanii [The status of the Constitutional Court of Russia and its activities need to be improved]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Law studies*, 2007, no. 5(274), pp. 4–13.
6. Zor'kin V.D. Konstitutsionnyi Sud Rossii v sisteme sudebnoi vlasti [The Constitutional Court of Russia in the judicial system]. *Zhurnal Konstitucionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2017, no. 2, pp. 1–8.
7. Lazarev V. V. K voprosu o meste i roli reshenii Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii [On the issue of the place and role of decisions of the Constitutional Court of the Rus-

sian Federation]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava = Bulletin of the International Institute of Economics and Law*, 2010, no. 1, pp. 114–119.

8. Petrov A. A. K diskussii o meste reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v natsional'noi sisteme pravovykh aktov (ierarkhicheskii aspekt) [In the discussion on the place of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the national system of legal acts (hierarchical aspect)]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2015, no. 3(61), pp. 9–18.

9. Nikishin V. V. Rol' konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v obespechenii edinoobraziya ekologicheskii znachimoi sudebnoi praktiki [The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring the uniformity of environmentally significant judicial practice]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*, 2010, no. 5-6(70-71), pp. 23–29.

10. Korshunova P. V. Edinstvo sudebnoi praktiki i pravovye sredstva ee obespecheniya [The unity of judicial practice and legal means to ensure it]. *Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2019, no. 2 (50), pp. 25-35. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-3>

11. Napalkov S. V. [Influence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on ensuring uniformity of judicial practice]. *Aktual'nye voprosy konstitucionnogo i administrativnogo prava. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* [Current issues of constitutional and administrative law. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference]. Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017, pp. 10–110.

12. Bondar' N. S. Uniformity of judicial practice in the modern legal order: constitutional and legal mechanisms for ensuring [Uniformity of judicial practice in the modern legal order: constitutional and legal mechanisms for ensuring]. *Rossijskaya yusticiya = The Russian justice*, 2022, no. 9, pp. 11–21.

13. Borisov G. A. O nekotorykh faktorakh edinoobraziya sudebnoi praktiki [On some factors of uniformity of judicial practice]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2023, no. 2, pp. 120–131. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-2-120-131>

14. Evloeva D. H. Realizatsiya printsipa edinoobraziya sudebnoi praktiki [Implementation of the principle of uniformity of judicial practice]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*, 2020, no. 16-2(94), pp. 18–20.

15. Zhuravleva O. V. K voprosu o edinoobrazii sudebnoi praktiki pri rassmotrenii grazhdanskikh del [On the issue of uniformity of judicial practice in the consideration of civil cases]. *Rossijskaya yusticiya = The Russian justice*, 2013, no. 4, pp. 41–45.

16. Prihod'ko I. A. Obespechenie edinoobraziya sudebnoi praktiki [Ensuring uniformity of judicial practice]. *Arbitrazhnaya praktika = Arbitration practice*, 2008, no. 5, pp. 54–64.

17. Silakova O. N. Obespechenie edinoobraziya sudebnoi praktiki [Ensuring uniformity of judicial practice]. *Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava = The history, theory, and practice of Russian law*, 2013, no. 9, pp. 243–250.

18. Zaikin S. S. Vysshii Arbitrazhnyi sud: dannye udaleny [Supreme Arbitration Court: the data has been deleted]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2014, no. 4(101), pp. 118–144.

19. Sal'nikova A. V. Rol' preysuditsii v voprosakh dokazyvaniya v grazhdanskom protsessual'nom prave Rossiiskoi Federatsii [The role of prejudice in matters of evidence in the civil procedural law of the Russian Federation]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij re-*

gion. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences, 2023, no. 1(65), pp. 40–47. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-5>

20. Chervonyuk V. I. Pryamoe deistvie Konstitutsii i primenenie Konstitutsii sudami [The direct effect of the Constitution and the application of the Constitution by the courts]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 4, pp. 59–66. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10214>

Информация об авторе / Information about the Author

Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Челябинск, Российская Федерация,
e-mail: knrz2006@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-3882-6612

Konstantin S. Ryzhkov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Ural Branch Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russian Federation,
e-mail: knrz2006@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-3882-6612

УДК 347.626.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-81-90>

Брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов (бывших супругов) сквозь призму межотраслевого частноправового регулирования имущественных отношений в России

Т. В. Шершень¹ ✉

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь 614068, Российская Федерация

✉ e-mail: tamaraur@yandex.ru

Резюме

Актуальность. К числу наиболее острых проблем современного российского законодательства, теории и правоприменительной практики следует отнести несогласованность частноправовых норм, призванных урегулировать имущественные отношения с участием субъектов гражданского и семейного права – супругов и бывших супругов, кредиторов супруга-должника и иных лиц, права и интересы которых могут быть нарушены вследствие недобросовестного поведения участника гражданского оборота, злоупотребления предоставленной договорной свободой. Общая совместная собственность супругов составляет материальную основу семьи. Рост случаев оспаривания брачных договоров и соглашений о разделе имущества супругов в процедуре банкротства и особенно потребительского банкротства подтверждает необходимость решения вопроса о координации межотраслевого взаимодействия норм семейного права и гражданского права в сфере имущественных отношений субъектов гражданского и семейного права.

Целью исследования является разработка теоретических положений о характере взаимодействия норм гражданского и семейного права, регулирующих имущественные отношения субъектов гражданского и семейного права.

Задачи: выявить «болевые точки» межотраслевого регулирования имущественных отношений с участием субъектов семейного права (супругов и бывших супругов); предложить возможные варианты решения проблемы регулирования имущественных отношений с участием супруга-должника (бывшего супруга-должника) и кредитора (кредиторов).

Методология. В процессе исследования были применены: системный метод, анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер, направлены на повышение качества правового межотраслевого регулирования имущественных отношений с участием супругов (бывших супругов).

Выводы, к которым автор пришел в процессе исследования, носят дискуссионный характер и не претендуют на единственно правильное решение ситуации. Статья является продолжением исследования вопросов межотраслевого договорного регулирования субъектов семейного права.

Ключевые слова: семья; супруги; бывшие супруги; семейные правоотношения; брачный договор; частное право; кредитор; должник.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шершень Т. В. Брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов (бывших супругов) сквозь призму межотраслевого частноправового регулирования имущественных отношений в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 81–90. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-81-90>.

Поступила в редакцию 15.03.2024

Принята к публикации 01.04.2024

Опубликована 27.04.2024

Prenuptial Agreement and Agreement on the Division of Common Property of Spouses (former Spouses) Through the Prism of Intersectoral Private law Regulation of Property Relations in Russia

Tamara V. Shershen¹ ✉

¹Perm State University

15 Bukireva Str., Perm 614068, Russian Federation

✉ e-mail: tamaraur@yandex.ru

Abstract

Relevance. The most acute problems of modern Russian legislation, theory and law enforcement practice include the inconsistency of private law norms designed to regulate property relations with the participation of subjects of civil and family law – spouses and former spouses, creditors of the debtor spouse and other persons, whose rights and interests may be violated as a result of unscrupulous behavior of a participant in civil turnover, abuse granted contractual freedom. The common joint property of the spouses forms the material basis of the family. The increase in cases of challenging marriage contracts and agreements on the division of marital property in bankruptcy proceedings and especially consumer bankruptcy confirms the need to resolve the issue of coordinating the intersectoral interaction of family law and civil law in the field of property relations of subjects of civil and family law.

The purpose of the study is to develop theoretical provisions on the nature of the interaction of the norms of civil and family law governing the property relations of subjects of civil and family law.

Objectives: to identify the "pain points" of intersectoral regulation of property relations with the participation of subjects of family law (spouses and former spouses); to propose possible solutions to the problem of regulating property relations with the participation of a debtor spouse (former debtor spouse) and a creditor (creditors).

Methodology. In the course of the research, a systematic method, analysis and synthesis, and a formal legal method were applied.

The results of the study are theoretical and applied in nature, aimed at improving the quality of legal intersectoral regulation of property relations involving spouses (former spouses).

The conclusions reached by the author in the course of the research are of a debatable nature and do not pretend to be the only correct solution to the situation. The article is a continuation of the study of the issues of intersectoral contractual regulation of subjects of family law

Keywords: family; spouses; former spouses; family relations; prenuptial agreement; private law; creditor; debtor.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shershen T. V. Prenuptial Agreement and Agreement on the Division of Common Property of Spouses (former Spouses) Through the Prism of Intersectoral Private law Regulation of Property Relations in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 81–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-81-90>

Received 15.03.2024

Accepted 01.04.2024

Published 27.04.2024

Введение

Анализ научных работ авторитетных специалистов в области гражданского и семейного права по вопросу о правовой природе брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов не

отличается единообразием. Правовая природа договоров, регулирующих имущественные отношения в семье, представит как предмет научных дискуссий [1, с. 72], ученые рассматривают брачный договор как гражданско-правовой [2, с. 8–9, 13; 3, с. 131; 4; 5, с. 53], семейно-

правовой [6, с. 88] и своего рода компромиссный вариант, определяющий брачный договор как «гражданско-правовой инструмент семейно-правового регулирования», дающий аргумент в пользу двойственной природы [7, с. 8; 8, с. 275]. Конструкция соглашения о разделе имущества супругов (бывших супругов) была известна советскому семейному праву и нашла отражение в кодифицированных актах семейного законодательства, в отличие от брачного договора, о котором не было упоминания ни в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., ни в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. [9; 10] И вместе с тем вопрос о правовой природе соглашения о разделе общего имущества супругов до настоящего времени однозначно в науке не решен [11, с. 25]. Соглашение о разделе общего имущества супругов менее изучено в сравнении с брачным договором и требует дальнейшего научного внимания, прежде всего с целью налаживания корректного взаимодействия положений семейного и гражданского права, когда применение гражданско-правовых норм действительно необходимо (а не обусловлено чуждой семейному праву задачей обеспечения стабильности гражданского оборота) и не противоречит существованию семейных отношений [12; 13]. Тесная «генетическая» связь гражданского и семейного права в имущественной сфере позволяет говорить о межотраслевом характере правового регулирования имущественных отношений супругов (бывших супругов) [14; 15; 16; 17] и требует особенно «взвешенного и аккуратного» правового регулирования семейных отношений [18, с. 55].

Методология

Общенаучные и специальные юридические методы исследования применялись для достижения поставленных цели и задач: системный метод позволил рассмотреть брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов в

системной взаимосвязи, провести анализ основных проблем межотраслевого регулирования имущественных отношений супругов (бывших супругов) посредством договорных конструкций; методы анализа и синтеза важны при сопоставлении правовых норм семейного и гражданского законодательства, выявлении сходства и различия брачного договора и соглашения о разделе супружеского имущества.

Результаты и их обсуждение

Семейное право выделилось в отечественном правовом порядке советского периода из права гражданского и постепенно выросло в самостоятельную отрасль, сохраняя при этом тесные межотраслевые связи с материнской отраслью. Не случайно М. Ю. Чельшев выделял особую группу межотраслевых связей среди различных правовых взаимосвязей гражданского права [19, с. 5] и обращал внимание на необходимость их изучения для выработки рекомендаций законодателю по устранению существующих коллизий и недопущению новых нормативных правовых коллизий межотраслевого характера [19, с. 6–8]. Наличие общности отношений, регулируемых правом, является необходимым условием возникновения межотраслевых связей¹.

Несмотря на непрекращающийся интерес известных ученых и молодых исследователей к теме договорного регулирования имущественных отношений супругов до настоящего времени вопрос о правовой природе брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов не решен однозначно, носит дискуссионный характер. Как справедливо отмечает О. А. Рутковская, проблема межотраслевых связей семейного и гражданского права неоднократно становилась предметом исследования отече-

¹ Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2008. С. 58, 58–59.

ственных ученых, относивших брачный договор к числу «обычных гражданско-правовых сделок», не обнаруживших значимых отличий между ними [17, с. 116]. Межотраслевые связи гражданского и семейного права, как материнской, так и дочерней отраслей, вполне закономерны, не случайно законодатель допустил возможность применения к семейным отношениям гражданского законодательства по аналогии (ст. 4 СК РФ) при условии, что это не противоречит существу семейных отношений. К сожалению, как показывает практика законодательства, сами законодатели не всегда понимают и учитывают этот важный критерий – существо семейных отношений [12].

В российском законодательстве возможность изменения режима общей совместной собственности супругов появилась 1 января 1995 г. после вступления в силу первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Благодаря диспозитивному правилу ст. 256 ГК РФ супруги оказались наделены правом самостоятельного определения в договорном порядке оптимального режима их имущества, однако ни наименование договора, ни его тип или вид не были обозначены ГК РФ. С введением в действие Семейного кодекса РФ с 1 марта 1996 г. право выбора между законным и договорным режимом имущества, нажитого в браке, конкретизировано посредством брачного договора [20, с. 30]. И несмотря на то, что редакция ст. 256 ГК РФ была с большим опозданием в 22 года (но, как говорится: «лучше поздно, чем никогда») дополнена указанием на «брачный договор» (Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ), дискуссии о договоре, посредством которого возможно изменить режим общей собственности супругов, продолжают. В кодифицированном акте гражданского законодательства России есть лишь название договора, но нет положений, непосредственно регламентирующих

брачный договор. Конструкция брачного договора нашла закрепление в положениях кодифицированного акта семейного законодательства: требования к субъектному составу брачного договора, его форме и содержанию, заключению, изменению и расторжению, недействительности сконцентрированы в гл. 8 (ст. 40–44 СК РФ), гарантии прав кредиторов при заключении, изменении и расторжении брачного договора – в гл. 9 (ст. 46 СК РФ). Межотраслевые связи гражданского и семейного права проявляются также в том, что общие правила о порядке заключения, изменения и расторжения гражданско-правового договора, признании его недействительным имеют непосредственное отношение к брачному договору, что позволяет сделать вывод о межотраслевой природе брачного договора¹. Брачный договор как основание договорного режима, по мысли законодателя, призван был выполнить миссию единственно возможного средства индивидуального регулирования имущественных отношений супругов, предоставляющего возможность отступления от режима общей совместной собственности [4, с. 9].

При сравнении брачного договора и соглашения о разделе имущества супругов очевидны как сходные черты, так и отличительные особенности по субъектному составу, цели, содержанию, а по началу различия обнаруживали себя и в части требований к форме. С точки зрения субъектного состава брачный договор и соглашение о разделе общего имущества вправе заключить супруги (лица, состоящие в официально зарегистрированном браке). Брачный договор могут также заключить лица, вступающие в брак, а соглашение о разделе общего имущества – бывшие супруги. Отличия брачного договора от соглашения о разделе общего имущества выражались первоначально в разных требованиях к фор-

¹ Краснова Т. В. Правовой режим имущества супругов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 245 с.

ме: для брачного договора соблюдение нотариальной формы под страхом ничтожности, для соглашения о разделе никаких специальных требований к форме не было. С 10 января 2016 г. соглашения о разделе общего супружеского имущества также должны совершаться в нотариальной форме, что обусловлено, как представляется, введением в действие с 1 октября 2015 г. норм о потребительском банкротстве (банкротстве физического лица) и желанием законодателя минимизировать риски кредиторов супруга-должника [21; 22; 23].

Соглашение о разделе общего имущества супругов и брачный договор различаются по цели, задачам, моменту заключения, содержанию, не совпадают, а лишь пересекаются по субъектному составу. Брачным договором супруги могут изменить установленный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. Данный вывод имеет существенное значение для понимания и правовой оценки неоднозначно складывающейся правоприменительной практики. Законный режим имущества супругов невозможно изменить ни соглашением о разделе супружеского имущества (несмотря на то, что оба обладают рядом сближающих их признаков), ни посредством какого-либо гражданско-правового договора. Нередко на практике встречаются договоры купли-продажи, в которых на стороне покупателя – супруги, приобретающие не в совместную, а в долевую собственность жилое помещение (квартиру, комнату, дом), и это при отсутствии заключенного между ними брачного договора!

В силу ст. 38 и 41 СК РФ и брачный договор, и соглашение о разделе имущества супругов могут быть заключены в период брака. Брачный договор может быть заключен и удостоверен нотариусом в любое время, пока супруги состоят в

браке. Если брак прекращен, заключить брачный договор не представляется возможным. Основаниями прекращения брака в Российской Федерации являются: смерть супруга, объявление супруга умершим, а также внесение изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов и расторжение брака (ст. 16 СК РФ). Брак, расторгаемый в органах записи актов гражданского состояния, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – со дня вступления решения суда в законную силу (п. 1 ст. СК РФ).

Цель брачного договора – определение правового режима имущества супругов или лиц, вступающих в брак, включая возможность изменения законного режима и иных имущественных взаимоотношений. Целью соглашения о разделе имущества супругов является прекращение режима общей совместной собственности на имущество, нажитое супругами во время брака. В силу ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов (бывших супругов). Супруги в соглашении о разделе ограничены кругом имущественных вопросов, которые могут быть урегулированы: они вправе определить правовой режим имущества, нажитого во время брака, т. е. имущества физически (фактически) существующего на момент его раздела, но не имущества, которое потенциально может быть приобретено в будущем. И как справедливо отмечают В. Н. Полозов, Е. В. Ионова, посредством соглашения о разделе невозможно изменить режим имущества каждого из супругов (добрачного имущества, имущества, полученного в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам) [24, с. 29].

Существенным условием любого гражданско-правового договора является предмет. Предмет брачного договора – действия супругов по изменению законного режима имущества супругов, хотя бы одного имущественного права или одной имущественной обязанности супруга на будущее время. Соглашение о разделе имущества супругов всегда ретроспективно, оно направлено в прошлое. Брачный договор рассчитан на применение в будущем, как в браке, так и в случае его расторжения, но не прекращения смертью, объявлением умершим либо внесения изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов (ст. 16 СК РФ). Очевидны отличия брачного договора и соглашения о разделе общего имущества. И соглашение о разделе общего имущества, и брачный договор заключаются по поводу имущества супругов, вместе с тем, трансформация законного режима имущества супругов в общую долевую собственность требует заключения брачного договора.

Содержание брачного договора существенно шире соглашения о разделе общего имущества: супругам предоставлена возможность не только изменить законный режим имущества, но и определить права и обязанности по взаимному содержанию, способы участия в доходах друг друга, порядок несения каждым из супругов семейных расходов; имущество, которое перейдет каждому из супругов после расторжения брака. Супруги могут включить в брачный договор любые положения, касающиеся их имущественных отношений, которые не противоречат основным началам семейного законодательства и не ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. По сути, в п. 3 ст. 42 СК РФ закреплены положения, включение которых в брачный договор приведет к возможности признания его недействительным полностью или в части. В отношении брачного договора можно выделить три группы осно-

ваний его недействительности: в первой группе основания для признания недействительными сделок (гл. 9 ГК РФ); во второй группе – специальные основания, предусмотренные СК РФ (п. 3 ст. 42 и ст. 44 СК РФ); и наконец, в третьей группе основания, предусмотренные Федеральным законом РФ «О несостоятельности (банкротстве)». В отношении соглашения о разделе общего имущества супругов специальных оснований признания его недействительным в СК РФ не предусмотрено. Однако, как нам представляется, могут быть применимы как общие, так и специальные (банкротные) основания.

В научной литературе нет однозначной позиции по вопросу о возможности (невозможности) применения положений ст. 46 СК РФ о гарантиях прав кредитора при заключении, изменении, расторжении брачного договора к соглашению о разделе общего имущества супругов. В Семейном кодексе Российской Федерации такие гарантии закреплены только для кредитора супруга-должника при заключении, изменении и расторжении брачного договора. В судебной практике по делам в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) физических лиц таких дел появилось немало. Нормы ст. 46 СК РФ суды применяют по аналогии к соглашению о разделе супружеского имущества.

Вывод

Межотраслевые связи гражданского и семейного права особенно тесны в сфере правового регулирования имущественных отношений супругов (бывших супругов), т. к., по сути, это единственные субъекты семейного права, наделенные равенством прав в семье (п. 3 ст. 1 СК РФ). В силу ст. 4 СК РФ к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не

противоречит существу семейных отношений. С учетом доктринальных разработок и складывающейся судебной практики считаем необходимым уточнить: 1) название ст. 46 Семейного кодекса РФ путем дополнения указанием на соглашение о разделе общего имущества «Гарантии прав кредитора при заключении, изменении и расторжении брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов»; 2) содержание ст. 46 Семейного кодекса РФ, изложив

его в следующей редакции: «Супруг обязан уведомлять в письменной форме своего кредитора (кредиторов) о заключении, изменении или расторжении брачного договора и (или) соглашения о разделе общего имущества супругов. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора, соглашения о разделе общего имущества супругов».

Список литературы

1. Звенигородская Н. Ф. Проблема правовой природы договоров в семейном праве в свете межотраслевых связей гражданского и семейного права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 72–75.
2. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Брачный договор. Комментарий семейного и гражданского законодательства. М.: Статут, 2009. 147 с.
3. Летова Н. В. Соглашения и договоры в сфере семейных отношений: соотношение и особенности правового регулирования // Государство и право. 2023. № 6. С. 127–135.
4. Реутов С. И., Закалина И. С. Брачный контракт. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2007. 130 с.
5. Чефранова Е. А. Имущественные отношения супругов. М.: Юрист, 1997. 168 с.
6. Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань: Таглитмат, 2005. 216 с.
7. Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М.: Ось-89, 2003. 144 с.
8. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. 444 с.
9. Лакова М. Б. История возникновения и развития института совместной собственности супругов в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2022. № 2-2 (125). С. 85–88.
10. Чефранова Е. А. Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // История государства и права. 2006. № 11. С. 20–21.
11. Личные и имущественные правоотношения супругов / отв. ред. О. Н. Низамиева. М.: Проспект, 2023. 128 с.
12. Максимович Л. Б. Имущественные права разведенных супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 60–61.
13. Рузанова В. Д. Проблемы несогласованности регулирования нормами семейного и гражданского права имущественных отношений в семье // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 74–75.
14. Ильина О. Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–51.
15. Косенко Е. В. Межотраслевые связи в семейных правоотношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 70–73.

16. Кулаков В. В. Межотраслевые связи семейного права // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Международная научно-практическая конференция / отв. ред. О. Ю. Ильина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 128–131.
17. Рутковская О. А. Особенности межотраслевых связей семейных правоотношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 112–121.
18. Левушкин А. Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55–57.
19. Челышев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.
20. Симонян С. Л. Имущественные отношения между супругами. М.: Контур, 1998. 160 с.
21. Данилов Д. А. О совместном банкротстве супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 47–48.
22. Папушина Е. И. Соотношение имущественных прав должника (его супруга, несовершеннолетних детей) и кредиторов должника при реализации общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 67–69.
23. Паротикова О. А. Правовой режим обязательств супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 70–71.
24. Полозов В. Н., Ионова Е. В. О соотношении понятий брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов // Юрист. 2002. № 11. С. 28–29.

References

1. Zvenigorodskaya N. F. Problema pravovoi prirody dogovorov v semeinom prave v svete mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo i semeinogo prava [The problem of the legal nature of contracts in family law in the light of intersectoral relations of civil and family law]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Sciences Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2010, no. 2, pp. 72–75.
2. Gongalo B. M., Krashennnikov P. V. Brachnyi dogovor. Kommentarii semeinogo i grazhdanskogo zakonodatel'stva [The prenuptial agreement. Commentary on family and civil law]. Moscow, Statut Publ., 2009. 147 p.
3. Letova N. V. Soglasheniya i dogovory v sfere semeinykh otnoshenii: sootnoshenie i osobennosti pravovogo regulirovaniya [Agreements and contracts in the field of family relations: correlation and peculiarities of legal regulation]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2023, no. 6, pp. 127–135.
4. Reutov S. I., Zakalina I. S. Brachnyi kontrakt [The prenuptial agreement]. Perm, Perm. St. Univ. Publ., 2007. 130 p.
5. Chefranova E. A. Imushchestvennye otnosheniya suprugov [Marital property relations]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 168 p.
6. Nizamieva O. N. Dogovornoe regulirovanie imushchestvennykh otnoshenii v sem'e [Contractual regulation of property relations in the family]. Kazan, Taglimat Publ., 2005. 216 p.
7. Maksimovich L. B. Brachnyi dogovor v rossiiskom prave [Prenuptial agreement in Russian law]. Moscow, Os'-89 Publ., 2003. 144 p.
8. Slepakova A. V. Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov [Legal relations of the spouses' property]. Moscow, Statut Publ., 2005. 444 p.

9. Lakova M. B. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya instituta sovmestnoi sobstvennosti suprugov v Rossiiskoi Federatsii [The history of the emergence and development of the institute of joint property of spouses in the Russian Federation]. *Vestnik magistratury = Bulletin of the magistracy*, 2022, no. 2-2 (125), pp. 85–88.
10. Chefranova E. A. Istoricheskii aspekt pravovogo regulirovaniya imushchestvennykh otnoshenii suprugov v rossiiskom prave [The historical aspect of the legal regulation of marital property relations in Russian law]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2006, no. 11, pp. 20–21.
11. Lichnye i imushchestvennye pravootnosheniya suprugov [Personal and property legal relations of spouses]; ed. by O. N. Nizamieva. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 128 p.
12. Maksimovich L. B. Imushchestvennye prava razvedennykh suprugov [Property rights of divorced spouses]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 60–61.
13. Ruzanova V. D. Problemy nesoglasovannosti regulirovaniya normami semeinogo i grazhdanskogo prava imushchestvennykh otnoshenii v sem'e [Problems of inconsistency of regulation by the norms of family and civil law of property relations in the family]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 74–75.
14. Il'ina O. Yu. Semeinye otnosheniya i semeinye pravootnosheniya kak predmet inogo otraslevogo regulirovaniya [Family relations and family legal relations as a subject of other industry regulation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2021, no. 1 (65), pp. 7–51.
15. Kosenko E. V. Mezhotraslevye svyazi v semeinykh pravootnosheniyakh [Intersectoral relations in family legal relations]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2016, no. 3 (110), pp. 70–73.
16. Kulakov V. V. [Intersectoral relations of family law]. *Semeinoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i sotsial'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Family law and legislation: political and social guidelines for improvement: International Scientific and Practical Conference]; ed. by O. Yu. Il'ina. Tver, Tver. St. Univ. Publ., 2015, pp. 128–131. (In Russ.)
17. Rutkovskaya O. A. Osobennosti mezhotraslevykh svyazei semeinykh pravootnoshenii [Features of intersectoral relations of family legal relations]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 6, pp. 112–121.
18. Levushkin A. N. Napravleniya sovershenstvovaniya Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Directions for improving the Family Code of the Russian Federation]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 55–57.
19. Chelyshev M. Yu. Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava [Fundamentals of the doctrine of intersectoral relations of civil law]. Kazan, Kazan St. Univ. Publ., 2008. 206 p.
20. Simonyan S. L. Imushchestvennye otnosheniya mezhdru suprugami [Property relations between spouses]. Moscow, Kontur Publ., 1998. 160 p.
21. Danilov D. A. O sovmestnom bankrotstve suprugov [The ratio of the property rights of the debtor (his spouse, minor children) and creditors of the debtor in the sale of the common property of the spouses]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 47–48.
22. Papushina E. I. Sootnoshenie imushchestvennykh prav dolzhnika (ego suprug, neso-vershennoletnikh detei) i kreditorov dolzhnika pri realizatsii obshchego imushchestva suprugov

[The ratio of the property rights of the debtor (his spouse, minor children) and creditors of the debtor in the sale of the common property of the spouses]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 67–69.

23. Parotikova O. A. Pravovoi rezhim obyazatel'stv suprugov [The legal regime of obligations of spouses]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 70–71.

24. Polozov V. N., Ionova E. V. O sootnoshenii ponyatii brachnogo dogovora i soglashiya o razdele obshchego imushchestva suprugov [On the relationship between the concepts of a marriage contract and an agreement on the division of common property of spouses]. *Yurist = Lawyer*, 2002, no. 11, pp. 28–29.

Информация об авторе / Information about the Author

Шершень Тамара Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: tamaraur@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7158-3184

Tamara V. Shershen, Candidate of Sciences (Juridicdl), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Professor of the Department of Civil Law, Perm State University, Perm, Russian Federation, e-mail: tamaraur@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7158-3184

УДК 343.45

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-91-106>

Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности?

И. С. Алихаджиева¹ ✉

¹Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

Актуальность статьи определяется рассмотрением вопроса соотношения персональных данных и сведений о частной жизни лица, составляющих его тайну, в целях единообразного правоприменения. Особое внимание обращается на позицию Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, сформировавших практику толкования судами общей юрисдикции понятий частной жизни и личной тайны.

Целью исследования является дополнение теории уголовного права новым знанием о критериях отграничения рассматриваемых терминов с учетом их разности и квалификации преступлений, посягающих на неприкосновенность тайны частной жизни, личной тайны и персональных данных для эффективного противодействия им.

Задачи: на основе сложившихся позиций теоретиков и следственно-судебной практики разграничить рассматриваемые понятия и предложить рекомендации в части уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых в отношении неприкосновенности частной жизни и персональных данных.

Методология исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами познания объективной действительности. Свое применение в работе нашли методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также системно-аналитический, формально-юридический, формально-логический и документальный методы.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и включают разработку для правоприменителя рекомендаций, касающихся оценки наличия в деянии признаков состава преступления, посягнувшего на неприкосновенность частной жизни, личной тайны или персональных данных. На конкретных примерах показано формальное толкование погашенной или снятой судимости как персональных данных при ее юридическом отсутствии. Для обеспечения баланса частных и публичных интересов обоснован иной подход к пониманию судимости как личной тайны в случае ее погашения или снятия.

Вывод. В правоприменительной практике не существует четких критериев разграничения, в каком случае средствами уголовного права охраняется частная жизнь, личная тайна, а в каких – персональные данные. Поддерживается предложение о введении самостоятельной ответственности за незаконные действия с персональными данными, которые необязательно могут быть сведениями, составляющими частную жизнь или личную тайну.

Ключевые слова: частная жизнь; личная тайна; семейная тайна; персональные данные; судимость; судебная практика; погашение судимости.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 91–106. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-91-106>.

Поступила в редакцию 11.03.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Опубликована 27.04.2024

Private Life, Personal Secret or Personal Data: How to Interpret Information about the Person to the Law Enforcement Officer?

Inna S. Alikhadzhiyeva¹ ✉

¹Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

Relevance of the article is determined by considering the problem of interpreting the relationship between personal data and information about the private life of a person constituting his secret for the purpose of uniform law enforcement. Particular attention is paid to the position of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, which have formed the practice of interpretation by courts of general jurisdiction of the concepts of private life and personal secrecy.

The purpose of the study is to supplement the theory of criminal law with new knowledge about the criteria for delimiting the terms under consideration, taking into account their difference and the qualification of crimes that encroach on the inviolability of privacy, personal secrets and personal data to effectively counter them.

Objectives: on the basis of the established positions of theorists and investigative and judicial practice, distinguish between the concepts under consideration and propose recommendations regarding a criminal law assessment of acts committed in relation to privacy and personal data.

Methodology. The research methodology is represented by general scientific and private scientific methods of knowing objective reality. Methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as system-analytical, formal-legal, formal-logical and documentary methods found their application in the work.

The results of the study are of a theoretical and applied nature and include the development of recommendations for the law enforcement officer regarding the assessment of the presence of evidence of corpus delicti that encroached on privacy, personal secrets or personal data. The specific examples show the formal interpretation of the extinguished or withdrawn criminal record as personal data in its legal absence. To ensure the balance of private and public interests, a different approach to understanding criminal records as a personal secret in the event of its repayment or removal is justified.

Conclusion. In law enforcement practice, there are no clear criteria for delineation, in which case private life, personal secrecy, and in which personal data are protected by means of criminal law. The proposal to introduce independent responsibility for illegal actions with personal data, which may not necessarily be information constituting privacy or personal secrets, is supported.

Keywords: private life; personal secrecy; family secrecy; personal data; criminal record; jurisprudence; repayment of a criminal record.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Alikhadzhiyeva I. S. Private Life, Personal Secret or Personal Data: How to Interpret Information about the Person to the Law Enforcement Officer? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 91–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-91-106>

Received 11.03.2024

Accepted 02.04.2024

Published 27.04.2024

Введение

В эпоху цифровых технологий, без которых невозможно представить жизнь современного общества, обеспечение сохранности персональных данных, многие

из которых составляют сведения о частной жизни, личную или семейную тайну, является актуальной проблемой. О. С. Капинус верно раскрывает ее суть: «Скорость и объемы обрабатываемой инфор-

мации, а также относительная доступность ее противоправного получения, в том числе из государственных и частных баз данных, образуют необходимость усиления защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, в том числе связанных с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайны при аккумулировании, передаче, копировании и использовании персональных данных» [1, с. 10].

Для понимания масштаба проблемы деанонимизации персональных данных приведем статистические показатели. В 2023 г. объем утечек конфиденциальной информации составил 1,12 млрд записей, что на 60% больше, чем в прошлом году. На долю российских компаний за 2023 г. приходилось 95 крупных утечек баз с личными данными (в сравнении с 2022 г. прирост 28%). В 80% случаев личные сведения попадали в открытый доступ в связи с хакерскими атаками киберпреступников, а каждый десятый инцидент потери чужих данных произошел по вине сотрудников. Оценить реальную ситуацию с украденными персональными данными нельзя ввиду невозможности установить их точный объем: в 35% утечек неизвестно, какое количество записей оказались скомпрометированными.

Мониторинг судебной практики показывает, что правоприменитель сталкивается с проблемой толкования закрытой информации о человеке как предмета преступления в качестве персональных данных или личной тайны. Ввиду отсутствия прямого упоминания персональных данных в нормах УК РФ (кроме ст. 173² УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица») возникает вопрос: когда незаконные действия с ними следует квалифицировать как преступление, предусмотренное ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни»? Правоприме-

нитель не определился в уголовно-правовой оценке незаконных действий по собиранию и распространению личной информации, предлагая разные ее варианты. Как показывают приговоры, за одно и то же деяние при одних и тех же обстоятельствах суды признают фигурантов виновными либо по ст. 137 УК РФ, либо в совокупности с ней вменяют и другие составы преступлений: ст. 138, 272, 285, 286, 290 УК РФ [2, с. 285].

Для разрешения проблемы неединообразия правоприменительного подхода в отношении личных данных, выступающих и как тайна частной жизни или личная тайна, и как персональные данные, теоретиками опубликованы научные исследования на эту тему. Среди них можно выделить работы Н. Б.-К. Гулиевой [3], Р. И. Дремлюги [4], В. М. Елина, А. К. Жаровой [5], А. Карапетяна [6], Р. Р. Кильдеева [7], Н. И. Пикурова [8], О. В. Судаковой [9], М. А. Филатовой [10] и др.

Методология

Для раскрытия сути заявленной темы автором в качестве научного инструментария использовались общенаучные и частнонаучные методы объективного познания действительности. Свое применение в работе нашли методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, позволившие описать актуальность исследования, определить и разграничить понятия частной жизни, личной тайны и персональных данных. Благодаря системно-аналитическому и документальному методу был выполнен анализ правоприменительной практики с выборкой уголовных дел, включающих информацию о совершении незаконных действий с персональными данными, посягательств против неприкосновенности частной жизни, личной тайны. С их помощью изучены решения и постановления Конституционного и Верховного судов РФ, научные позиции ученых по рассматриваемой тематике. Основой для авторских суждений

и выводов явились формально-юридический и формально-логический методы, оказавшие содействие в построении исследовательского материала, его структурировании и формулировании результатов работы.

Результаты и их обсуждение

Для начала следует определиться с двумя понятиями, характеризующими суть категорий «частная жизнь», «личная тайна» и «персональные данные». Термины «частная жизнь», «личная тайна» в законе не раскрываются, в связи с чем их дефиниция и содержание формулировались Конституционным Судом Российской Федерации. Правовая позиция неоднократно им подтверждалась в определениях от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О, от 24 декабря 2013 г. № 2128-О и других и гласит: «Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. ...Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации»¹. По Федеральному закону № 152 персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому

физическому лицу (субъекту персональных данных). Разграничить два понятия, по сути означающие информацию, сложно, тем более что целью Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее ФЗ № 152, закон о персональных данных) объявляется обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 2). Об этом пишут и комментаторы закона о персональных данных.

Так, А. И. Савельев отмечает, что регулируемые законодательством о персональных данных отношения, с одной стороны, не в полной мере охватывают ситуации, которые подпадают под действие права на неприкосновенность частной жизни, а с другой – явно выходят за его рамки [11, с. 43]. В. В. Долинская считает, что ФЗ № 152 не ограничивается сферой частной жизни гражданина, регулируя отношения, как связанные с информацией о личной или семейной тайне, так и по поводу публичной и общедоступной информации [12, с. 5].

Продолжая эту мысль, В. Д. Рузанова верно подмечает, что «регулирование отношений, связанных с персональными данными, сочетает в себе как публично-правовые, так и частноправовые элементы, однако, исходя из цели закона о персональных данных, можно говорить о «частноправовой» направленности их правового режима. Вместе с тем следует учитывать права и законные интересы общества в целом, государства и бизнеса как полноправных участников отношений в этой сфере» [13, с. 19]. Она же проводит четкую границу между персональными данными, составляющими в том числе личную или семейную тайну, и самой тайной частной жизни. По ее мнению, защита прав на неприкосновенность частной жизни человека осуществляется только в связи с обработкой его персональных данных с использованием

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029/ (дата обращения: 14.02.2024).

средств автоматизации или систематизированных картотек персональных данных. А потому ФЗ № 152 не распространяется на данные, составляющие личную или семейную тайну, если они не связаны с обработкой, о которой говорится в законе [13, с. 20].

Очевидно, что нарушение права на неприкосновенность частной жизни выражается не только в форме совершения незаконных действий с персональными данными, имеющими свой режим охраны (конфиденциальность), но и в отношении сведений личного, интимного характера, не подлежащих обработке (режим тайны). Исходя из этого положения, отграничивающего персональные данные от сведений о частной жизни, личной или семейной тайны, следует поддержать предложения ученых о введении в УК РФ самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за незаконные действия с персональными данными именно в главу о преступлениях против личности [14, с. 142; 15, с. 334].

Анализ конституционных норм (ст. 23, 25, 29 Конституции РФ) и регулятивного законодательства с мониторингом следственно-судебной практики позволяет сформулировать рекомендации, направленные на минимизацию правоприменительных ошибок. При решении вопроса о наличии в деянии признаков состава преступления, посягнувшего на неприкосновенность частной жизни, личной тайны либо персональных данных, правоприменителю *необходимо учитывать*:

1. Имели ли место незаконные соби-
рание или распространение сведений, со-
ставляющих тайну частной жизни, лич-
ную тайну (т. е. каким образом получена
конфиденциальная информация, на каком
основании и почему она распространяет-
ся). В случае установления, что лицо не
имело право собирать или разглашать за-
крытые личные данные, в его действиях
усматриваются все признаки состава пре-
ступления, предусмотренного ст. 137 УК

РФ. К примеру, Первый кассационный суд общей юрисдикции оставил без из-
менения обвинительный приговор экс-
начальнику отдела дознания отдела по-
лиции УМВД России по г. Воронежу П.
Левобережным районным судом г. Воро-
нежа она была признана виновной в со-
вершении служебного подлога (ч. 1
ст. 292 УК РФ) и в нарушении неприкос-
новенности частной жизни (ст. 137 УК
РФ). Из приговора следует, что П. осуще-
ствила незаконные сбор и распростране-
ние сведений, составляющих личную
тайну малолетнего одноклассника своего
сына. Для того чтобы добиться перевода
конфликтующего с детьми мальчика с
плохим поведением в другую школу, она
от имени должностного лица под предло-
гом несуществующей процессуальной
проверки запросила из психоневрологи-
ческого диспансера данные о диагнозе
ребенка, составляющие личную и меди-
цинскую тайну. Получив ответ из меди-
цинского учреждения, П. передала класс-
ному руководителю медицинскую справ-
ку. Во избежание уголовной ответствен-
ности П. попросила свою знакомую
написать заявление в отношении матери
ребенка о якобы применении ею насилия
к малолетнему, которое явилось основа-
нием для истребования сведений о диа-
гнозе школьника¹.

2. Охватывалось ли умыслом винов-
ного, что сведения о частной жизни
гражданина хранятся им в тайне. Други-
ми словами, решая вопрос о наличии в
действиях лица состава преступления,
предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 137 УК
РФ, следует учитывать, принимал ли по-
терпевший меры к утаиванию личных
сведений о себе. Так, постановлением
Девятого кассационного суда общей

¹ Кассационное постановление Воро-
нежского областного суда от 02.02.2024 по
уголовному делу № 77-236/2024 // Первый
кассационный суд общей юрисдикции: сайт.
URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=552 (дата обращения:
14.02.2024).

юрисдикции признано недоказанным знание К., что потерпевшие хранили сведения о месте захоронения умершего, дате рождения и смерти в тайне, и то, что он имел умысел распространить эту информацию¹.

3. Имелось ли согласие лица на распространение сведений, содержащих тайну частной жизни или личную тайну. Например, С., работая фельдшером областной станции скорой медицинской помощи по приему вызовов и передаче их выездным бригадам, получила информацию о смерти пациентки. Ее фамилию, возраст, адрес проживания и номер мобильного телефона сына, вызвавшего бригаду скорой медицинской помощи, С. передала сотруднику центра ритуальных услуг. В обвинительном приговоре Ленинский районный суд г. Пензы установил, что распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну, являлось незаконным, поскольку осуществлялось без согласия потерпевшего – сына умершей². При этом следует иметь в виду, что не все данные из категории персональных относятся исключительно к конфиденциальной информации. К примеру, согласно ст. 8 ФЗ № 152 персональные данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и др.) с письменного согласия их владельца могут включаться в общедоступные источники.

¹ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 по делу № 77-769/2022. Приговор: по ч. 1 ст. 137, ч. 2 ст. 159 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни; мошенничество). Постановление: приговор отменен, дело передано на новое апелляционное рассмотрение.

² Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 30.06.2022 по делу № 1-192/2022 // Актофакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-58RS0018-1-192-2022-2022-06-16-2-0/?ysclid=ltyfxuue73522021088> (дата обращения: 14.02.2024).

4. Осуществлялось ли распространение сведений о частной жизни в государственных, общественных или иных публичных интересах. Верховным Судом РФ в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» было дано разъяснение, при каких условиях отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Уголовная ответственность за сбор или распространение сведений о частной жизни гражданина исключается, если они собирались или распространялись в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также «ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле»³.

5. Являлись ли личные сведения общедоступными, в том числе ввиду их распространения самим гражданином (в социальных сетях, в СМИ, в ближайшем окружении). Подтверждают такой вывод и аргументы теоретиков. Так, Н. И. Пикуров верно пишет: «Расширение возможностей общения в социальных сетях приводит к появлению таких видов личной тайны, которые человек делит со строго определенным кругом лиц, считая их друзьями. В таком случае необходимо точно установить правовой режим сведений о частной жизни, которыми гражданин поделился с другими лицами. Несмотря на то, что для таких лиц доверенные сведения перестали быть тайной,

³ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

право на неприкосновенность этих сведений о частной жизни со стороны третьих лиц тем не менее остается. Этот вывод распространяется и на случаи, когда лицо обладает сведениями о частной жизни другого гражданина в силу случайных обстоятельств. Представляется, что в таких случаях распространение подобной информации о частной жизни лица содержит все признаки нарушения конституционного права на неприкосновенность личной и семейной тайны» [16, с. 56].

Изучение судебной практики показывает, что больше всего вопросов возникает относительно распространения сведений о судимости граждан (в каком случае они являются персональными данными, а в каком – личной тайной). К примеру, решением Оленинского районного суда Тверской области Д. был назначен административный штраф по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ за распространение персональных данных одного из жителей района. В судебном заседании было установлено, что Д. под одним из постов в официальной группе правительства Тверской области в социальной сети «ВКонтакте» в ответ на комментарий К. обнародовал данные о его судимости за незаконный оборот наркотиков. Осуждение К. по ст. 228 УК РФ за продажу 136,6 г маковой соломки подтверждается приговором, размещенным на сайте Оленинского районного суда за 2013 г. Ответчик Д. полагал, что информация о судимости К. не являлась личной тайной ранее судимого К., поскольку сведения об уголовном преследовании размещены в социальных сетях и в поисковых системах. Указанный комментарий суд признал нарушением закона о персональных данных в части совершения их обработки в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации в области персональных данных¹.

Очевидно, что суд принял неверное решение, и вот почему. Ответчик в приведенном примере является частным лицом, а не оператором персональных данных. Он не имеет закрытого доступа к ведомственным базам с личными сведениями о судимых гражданах, как, например, сотрудники правоохранительных органов, и такой доступ не был предоставлен третьим лицом. В этом случае имелись бы основания для привлечения Д., который разгласил информацию, ставшую ему известной в связи со служебной деятельностью, к уголовной ответственности. К тому же Д. распространил соответствующую действительности и общедоступную информацию о судимости К., полученную из открытого источника, которым выступил официальный сайт суда. Думается, здесь сведения о судимости, при определенных обстоятельствах, являются личной тайной, а не персональными данными гражданина К., в интересах которого прокуратура подала иск по факту нарушения неприкосновенности его частной жизни. Ведь объектом нарушения по ст. 13.11 КоАП РФ являются общественные отношения, возникающие в области связи и информации, а не частная жизнь и ее тайна. Иными словами, в действиях Д. нет незаконного распространения персональных данных, а усматриваются признаки разглашения личной тайны. Является ли такое разглашение уголовно наказуемым применительно к данным о чужой судимости или допустимой формой реализации права свободно искать и распространять информацию, свободного выражения мнения, следует решать в зависимости от множества обстоятельств.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации в своих решениях подтверждали, что «судимость, прежде всего, уголовно-правовой институт, имеющий значение для целей реализации

¹ Решение Оленинского районного суда Тверской области от 03.03.2019 г. по делу № 2-11/2019 // Актофакт: сайт. URL: [https://](https://actofact.ru/case-69RS0022-11-3-2019-2019-03-13-0-1/?ysclid=lus0lbpzx498999100)

actofact.ru/case-69RS0022-11-3-2019-2019-03-13-0-1/?ysclid=lus0lbpzx498999100 (дата обращения: 14.02.2024).

уголовной ответственности. За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера (постановление от 10 апреля 2013 г. № 20-П; определения от 29 сентября 2015 г. № 2100-О, от 28 января 2016 г. № 198-О, от 10 марта 2016 г. № 450-О и № 451-О и др.). В этом разъяснении речь идет о *правовых* ограничениях, которые предусмотрены в качестве последствий судимости, а не о свободном нахождении информации о судимости в открытых источниках. Именно потому законодатель, пытаясь урегулировать вопросы, связанные с распространением информации именно о судимости, внес изменения в так называемый закон «о забвении» (право на удаление) (ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

С 2016 г., если судимость погашена или снята, а сроки привлечения к ответственности за уголовно наказуемые деяния истекли, по требованию заявителя оператор поисковой системы обязан прекратить выдачу ссылок на страницы в сети Интернет с такой информацией¹. К слову, в теории нашлись критики этой законодательной новеллы [17, с. 291], а суды изыскивают разные основания отказа в требовании удалить неактуальные

данные о судимости вопреки императиву «*обязан прекратить*» (ссылаются, к примеру, на ст. 29 Конституции РФ о праве свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом)².

Судимость по ст. 10 «Специальные категории персональных данных» ФЗ № 152 хотя и не относится к данным, которые обработке не подлежат, однако сведения о ней обрабатываются государственными или муниципальными органами исключительно в пределах и в порядке, предусмотренных законами Российской Федерации. Подобная оговорка в отношении судимости говорит о дополнительной защите этого вида персональных данных. В 2019 г. Роскомнадзор разъяснял, что информация о наличии судимости в значении «имеется» или «не имеется», если нет указания статьи УК РФ, не считается специальной категорией персональных данных, а потому ведомство предлагало вместо понятия «персональные данные о судимости» использовать «сведения о судимости». Суды не восприняли такую рекомендацию Роскомнадзора и не оценивали объем обрабатываемых сведений о судимости. Ссылаясь на ст. 10 ФЗ № 152, они давали правовую оценку информации о судимости, причисляя ее к специальным категориям персональных данных³. Исключением здесь является раскрытие факта привлечения к уголовной ответственности или осуждения судебными или правоохранительными органами сугубо в рамках своей компетенции и в соответ-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ : послед. ред. // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 14.02.2024).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.09.2017 по делу № 33-38902/2017 // Консультант Плюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 14.02.2024).

³ Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 25.11.2016 по делу № 12-1517/2016 // Актофакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-25RS0001-12-1517-2016> (дата обращения: 14.02.2024).

ствии с законом (при вынесении приговора, расследовании уголовных дел).

К сведениям о судимости в значении личной тайны правоприменителем сформулирован однозначный подход: они ее не составляют. Сложившаяся практика свидетельствует: совершение любого по тяжести преступления носит общественно опасный характер, а потому действия виновного подлежат контролю со стороны государства. Уголовно-правовые отношения являются публично-правовыми и не входят в круг отношений частного характера, а значит, сведения об имевшей место в прошлом судимости к сведениям частного характера не относятся и защите уголовным правом не подлежат. Вместе с тем, как считают суды, в размещении текста приговора со сведениями о судимости могут усматриваться признаки административного правонарушения (ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства РФ в области персональных данных»)¹.

По логике судей, сведения о судимости как персональные данные человека при обработке оператором должны сохраняться в режиме конфиденциальности, не допускающем их разглашения без согласия субъекта. В то же время личной тайной они не являются, что позволяет любому (не оператору) распространять информацию о судимости без согласия бывшего осужденного. Авторы учебников по уголовному праву, напротив, отмечают, что личной тайной могут быть как позорящие сведения (о судимости, наличии заболеваний, которые не принято афишировать, например, венерических), так и иные сведения, которые лицо не хочет делать достоянием других (о состоянии здоровья, семейных и иных взаимоотношениях, имущественном положении, перспективах карьерного роста, отношении к религии и др.) [7; 18, с. 211].

¹ О неприкосновенности частной жизни // Прокуратура Березовского района: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/activity/legal-education/explain?item=90908867 (дата обращения: 14.02.2024).

Представляется, что разграничивать, в каком случае сведения о судимости были личной тайной, а в каком – персональными данными в режиме конфиденциальности, позволяет сфера жизнедеятельности, в которой произошло распространение (предание огласке) этого биографического факта. Если разглашение явилось следствием утечки личной информации от операторов (отделы кадров, правоохранители, суды, банки, социальный фонд), то речь идет о нарушении правил обеспечения безопасности переданных третьим лицам персональных данных. После снятия или погашения судимости сведения о судимости из сферы публичных отношений трансформируются в частные как факт биографии человека. И тогда защитой публичных интересов нельзя оправдать превращение частной жизни лица с ее тайнами в публичный институт. Именно таким пониманием границ частной жизни объясняется подача гражданами жалоб в Конституционный и Верховный суды РФ о признании неконституционными или частично не действующими положений Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования (приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 7 ноября 2011 г. № 1121²) [19, с. 78]. Для защиты публичных интересов более чем достаточно тех

² Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования: приказ МВД России от 27 сент. 2019 г. № 660 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056910> (дата обращения: 14.02.2024).

запретов, перечень которых законодатель постоянно дополняет (по подсчетам Н. В. Артеменко и Н. Г. Шимбаревой, больше 100 федеральных законов содержат ограничения, связанные с судимостью, когда она в том числе погашена или снята [20, с. 147]).

Для достижения баланса частных и публичных интересов и установления пределов государственного вмешательства в частную сферу следует менять подход правоприменителя к погашенной или снятой судимости, когда лицо становится юридически несудимым. В Постановлении от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» Конституционный Суд РФ признал, что «личное право человека, касающееся определения режима доступа к сведениям о его частной жизни, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты иных конституционно значимых ценностей». При этом он подчеркнул необходимость достижения баланса «конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, предупреждая возможные злоупотребления отдельных из них и обеспечивая необходимый и достаточный уровень защиты прав добросовестных участников этих отношений»¹.

По нашему убеждению, если судимость погашена или снята, сведения о ней переходят из разряда публично-правовых отношений в частные, становясь личной тайной. Последнее обстоятельство должно приниматься во внимание при решении вопроса об уголовной ответственности по ст. 137 УК РФ. Под-

тверждает авторскую аргументацию и решение Верховного Суда РФ, разрешившего привлекать к отправлению правосудия присяжных заседателей с погашенной судимостью. Так, в 2005 г. заместитель Генерального прокурора РФ в порядке надзора просил отменить как незаконный оправдательный приговор Московского городского суда в отношении В. К. Иванькова («Япончик»), которому инкриминировались два убийства граждан Турции и причинение тяжкого вреда здоровью третьему. Вердикт был постановлен коллегией присяжных заседателей, восемь из которых умолчали о своей судимости и проблемах с законом у близких родственников. По мнению представителя Генеральной прокуратуры РФ, сокрытие сведений о судимости повлекло формирование тенденциозной и необъективной коллегии. Рассмотрев надзорное представление, Президиум Верховного Суда РФ не признал состав суда незаконным, поскольку ни один из присяжных заседателей и их родственников не имел неснятую или непогашенную судимость. В соответствии с ч. 3 ст. 328 УПК РФ кандидаты в присяжные заседатели должны отвечать правдиво на вопросы о себе и родственниках. Высшая судебная инстанция проверила представленные доводы, указав, что некоторые из присяжных заседателей и их родственники привлекались к уголовной ответственности, имели административные правонарушения, однако их судимости сняты или погашены. Именно потому ответы кандидатов в присяжные заседатели на вопрос о том, были ли они или их родственники судимы, должны признаваться правдивыми. «Лицо, имеющее погашенную судимость, на основании ст. 86 УК РФ может отвечать, что оно не судимо», – следует из текста Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 10 апреля 2006 г. № 59-П06ПР².

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке: постановление Конституционного Суда РФ от 18 янв. 2024 г. № 2-П // Российская газета. 2024. 2 февр.

² Суд оставил без изменения кассационное определение, поскольку в связи с опровержением доводов надзорного представле-

В этом смысле распространение без согласия человека информации о его судимости, погашенной или снятой, если этот факт не стал общедоступной информацией, а данные о ее наличии лицо хранило в секрете, следует оценивать как нарушение личной тайны. Иначе возникает противоречие между правовой защитой персональных данных, когда операторы обязаны сохранять сведения о судимости и иные личные данные в режиме конфиденциальности, и охраной личной тайны о судимости не операторами, а лицами, которым она доверена или стала известна случайно. Следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, полагаем, что разглашение без согласия лица не оценивается как уголовно наказуемое, если информация об имевшейся в прошлом судимости опубликована и (или) известна широкому кругу лиц.

Говоря об общедоступности сведений о судимости, необходимо обратить внимание на следующее. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» предоставляет опцию поиска по делам и текстам судебных актов с персональными данными осужденного. Она является такой же ведомственной базой личных данных судебных органов, как и другие информационно-поисковые системы правоохранительных органов. Между тем, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ № 3), обработка, внесение в банки данных информации обо всех лицах, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию, ее хранение правоохранительными органами и раскрытие допускаются толь-

ко в случаях, предусмотренных федеральным законом. Полиция обязана обеспечить защиту содержащейся в банках данных информации о гражданах от неправомерного доступа, копирования, распространения, уничтожения и иных неправомерных действий (чч. 4–6 ст. 17 ФЗ № 3). Эта информация хранится не бессрочно и подлежит уничтожению по достижении целей обработки либо по минованию необходимости в их достижении (чч. 2, 7 и 8 ст. 17 ФЗ № 3). В отличие от баз данных МВД РФ ГАС «Правосудие» хранит информацию об осужденных в открытом доступе, включая сайты судов, размещающих тексты приговоров [21, с. 61]. К тому же наличие в ней приговоров в отношении только лиц, осужденных после 2006 г., с полными номинативными данными (ФИО) ставит их в неравное положение с теми, кто был осужден до момента ее введения. Иными словами, в информационно-поисковой системе, находящейся в открытом доступе, нет сведений о судимости осужденных за те годы, в которые она еще не действовала.

В этой связи представляется верным решение об исключении из общедоступной базы данных об обвинительных приговорах в отношении юридически не судимых лиц (если судимость погашена или снята), а также полной деперсонализации данных об осужденном (ФИО). Это правило должно распространяться и на тексты приговоров, вступивших в законную силу, с исключением из объема сведений персональных (номинативных) данных осужденных, размещаемых на страницах официальных сайтов судов. Согласно пп. «в» п. 3.2 ст. 15 Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденного Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г., фамилии, инициалы или имена

ния о незаконном составе суда по настоящему делу отсутствуют какие-либо фундаментальные основания к отмене судебного решения, ухудшающие положение оправданного. См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 апр. 2006 г. № 59-П06ПР // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2006. № 9.

и отчества осужденного, оправданного не исключаются¹. Об этом же говорится в п. 3 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»². Полностью вымываются персональные данные других участников судебного процесса. Открытый доступ к информации о погашенной или снятой судимости не достигает каких-то профилактических, предупредительных целей, однако позволяет использовать ее для совершения преступлений в отношении лиц, имевших проблемы с законом в прошлом.

Так, по резонансному делу по обвинению администраторов телеграм-канала «Адские бабки» О. Архаровой и А. Баязитовой в вымогательстве установлено, что осужденные требовали передачи 1 млн 200 тыс. руб. у вице-президента «Промсвязьбанка» А. Ушакова. Мужчина был осужден в 2006 г. за незаконную банковскую деятельность и подделку документов, когда возглавлял отделение «Стройбанка» в г. Краснодаре. Через три года судимость была погашена, однако информацию о ней женщины нашли в сети Интернет. За плату они обещали удалить негативные посты о судимости потерпевшего в своем канале и отказаться

от дальнейшего размещения позорящих его сведений³.

Как уже предлагалось автором, в целях предупреждения, выявления и расследования преступлений данные о прежней судимости подлежат хранению в базах спецучета, однако по истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности или ввиду погашения (снятия) судимости они должны составлять категорию личной тайны [19, с. 77]. Возможно установить отдельный перечень преступлений, информация о судимости за совершение которых в общественных интересах не будет подлежать удалению из публичного пространства (тяжкие преступления против личности, половые, против детей, террористический акт, экстремизм, незаконный оборот наркотиков). Примером может служить ст. 331 ТК РФ «Право на занятие педагогической деятельностью», в которой перечислены деяния, судимость за совершение которых навсегда исключает возможность заниматься преподаванием.

Выводы

В силу разности схожих понятий «сведения о частной жизни», «личная тайна», «персональные данные» правоприменителю надлежит учитывать их несовпадение по содержанию при квалификации по составам преступлений, которые используются в уголовном законе для охраны частной жизни, личной тайны и персональных данных.

С момента погашения или снятия судимости сведения о ней перестают характеризоваться как публично-правовые отношения в силу их прекращения. После наступления юридической несудимости данные об осуждении становятся личной тайной человека, а для операторов персональных данных (сотрудников право-

¹ Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2017 г. // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280272/ (дата обращения: 14.02.2024).

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ : послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 14.02.2024).

³ Журналистку Баязитову приговорили к пяти годам колонии // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2023/65645a0b9a79476fcfaf083d?ysclid=ltlpu0ez4d61472992> (дата обращения: 14.02.2024).

охранительных органов, отделов кадров, банковских работников) конфиденциальной информацией, подлежащей охране в рамках профессиональной тайны. Именно потому граждане обращаются в суды за решением вопроса о признании Административного регламента МВД нарушающим их личную тайну, а не право на обработку персональных данных. Для исключения возможности превращения тайны частной жизни в публичный институт следует удалить из системы ГАС

«Правосудие» приговоры, содержащие номинативные данные осужденных, судимость которых погашена или снята. Они должны храниться в ведомственных базах (информационно-поисковых системах) правоохранительных органов для проведения оперативно-розыскных мероприятий, что соответствует положению «закона о забвении» об удалении из поисковых систем информации о факте уголовного преследования и судимости.

Список литературы

1. Капинус О. С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.
2. Хохлова Е. В. О практике квалификации преступлений с персональными данными // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 285–290.
3. Гулиева Н. Б.-К. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации от незаконного распространения сведений о частной жизни лица // СибСкрипт. 2014. № 3 (59). С. 262–265.
4. Дремлюга Р. И. Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ // Уголовное право. 2018. № 4. С. 52–57.
5. Жарова А. К., Елин В. М. Источники понятий «персональные данные» и частная жизнь лица в российском праве // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1 (46). С. 69–78.
6. Карапетян А. О частной, личной и семейной тайне в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 3. С. 34–37.
7. Кильдеев Р. Р. Право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту данных: проблемы соотношения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 83–88.
8. Пикуров Н. И. Персональные данные, «большие данные» и частная жизнь: сложные вопросы уголовно-правовой оценки незаконного оборота // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 201–205.
9. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30). С. 381–384.
10. Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35–43.
11. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2021. 468 с.
12. Долинская В. В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4. С. 3–14.

13. Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 9. С. 17–22.
14. Хохлова Е. В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными // *Вестник Тверского государственного университета*. 2022. № 3(71). С. 141–148.
15. Шутова А. А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015. № 4 (32). С. 332–335.
16. Пикуров Н. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // *Уголовное право*. 2019. № 2. С. 51–58.
17. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 290–300.
18. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. 211 с.
19. Алихаджиева И. С. Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–79.
20. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Как работает судимость? // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2021. № 4. С. 145–153.
21. Колмыков И. П. Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту в контексте доступа к персональным данным: поиск баланса интересов // *Право и политика*. 2020. № 5. С. 58–67.

References

1. Kapinus O. S. Bezopasnost' personal'nyh dannyh kak odin iz vazhnejshih ob"ektov konstitucionno-pravovoj ohrany [Personal data security as one of the most important objects of constitutional and legal protection]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 6 (68), pp. 10–15.
2. Khokhlova E. V. [On the practice of qualifying crimes with personal data]. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal law: yesterday, today, tomorrow. Materials of the annual International scientific and practical conference]. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. MVD Ros-sii Publ., 2023, pp. 285–290. (In Russ.)
3. Gulieva N. B.-K. Uголовно-правовая зашchита chesti, dostoinstva i reputacii ot nezakonnoogo rasprostraneniya svedenij o chastnoj zhizni lica [Criminal law protection of honor, dignity and reputation from illegal dissemination of information about the private life of a person]. *SibScript = SibSkript*, 2014, no. 3 (59), pp. 262–265.
4. Dremlyuga R. I. Komp'yuternaya informaciya kak predmet prestupleniya, predusmotrennogo st. 272 UK RF [Computer information as a subject of a crime under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2018, no. 4, pp. 52–57.
5. Zharova A. K., Elin V. M. Istochniki ponyatij "personal'nye dannye" i chastnaya zhizn' lica v rossijskom prave [Sources of the concepts of "personal data" and the private life of a person in Russian law]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2017, no. 1 (46), pp. 69–78.

6. Karapetyan A. O chastnoj, lichnoj i semejnoj tajne v ugolovnom sudoproizvodstve [On private, personal and family secrets in criminal proceedings]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* = *Problems of economics and legal practice*, 2013, no. 3, pp. 34–37.

7. Kil'deev R. R. Pravo na neprikosновенност' chastnoj zhizni i pravo na zashchitu dannyh: problemy sootnosheniya [Right to privacy and the right to data protection: problems of ratio]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2, pp. 83–88.

8. Pikurov N. I. [Personal data, "big data" and private life: complex issues of criminal law assessment of illicit trafficking]. *Effektivnost' ugolovno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugolovno-ispolnitel'nogo protivodejstviya prestupnosti. Materialy XII Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava* [Efficiency of criminal law, criminological and penitentiary counteraction to crime. Materials of the XII Russian Congress of Criminal Law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, pp. 201–205. (In Russ.)

9. Sudakova O. V. Lichnye neimushchestvennye prava, napravlennye na obespechenie neprikosновенности i tajny lichnoj zhizni grazhdan [Personal non-property rights aimed at ensuring the inviolability and secrecy of the personal life of citizens]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal* = *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, no. 1 (30), pp. 381–384.

10. Filatova M. A. Personal'nye dannye kak predmet prestupnogo posyagatel'stva [Personal data as a subject of criminal encroachment magazine]. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal law*, 2021, no. 11, pp. 35–43.

11. Savel'ev A. I. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu "O personal'nyh dannyh" [Scientific and practical article commentary on the Federal Law "On Personal Data"]. Moscow, Statute Publ., 2021. 468 p.

12. Dolinskaya V. V. Informacionnye otnosheniya v grazhdanskom oborote [Information relations in civil circulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2010, no. 4, pp. 3–14.

13. Ruzanova V. D. Problemy sootnosheniya zashchity prava na neprikosновенност' chastnoj zhizni i prava na zashchitu personal'nyh dannyh [Problems of the relationship between the protection of the right to privacy and the right to protect personal data]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2019, no. 9, pp. 17–22.

14. Khokhlova E. V. Social'naya obuslovlennost' ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s personal'nymi dannymi [Social conditioning of criminal liability for crimes related to personal data]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Tver State University*, 2022, no. 3 (71), pp. 141–148.

15. Shutova A. A. Social'naya obuslovlennost' sushchestvovaniya norm ob ugolovnoj otvetstvennosti za posyagatel'stva na personal'nye dannye [Social conditionality of the existence of norms on criminal liability for attacks on personal data]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* = *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4 (32), pp. 332–335.

16. Pikurov N. Problemy kvalifikacii prestupnyh posyagatel'stv na chastnuyu zhizn': teoriya i sudebnaya praktika [Problems of qualification of criminal encroachments on privacy: theory and judicial practice]. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal law*, 2019, no. 2, pp. 51–58.

17. Podrabinok E. M. Osobennosti osushchestvleniya prava na zabvenie v epohu cifrovizacii obshchestva [Features of the exercise of the right to oblivion in the era of digitalization of society]. *Permskij yuridicheskij al'manah* = *Perm Legal Almanac*, 2019, no. 2, pp. 290–300.

18. *Ugolovnoe pravo Rossijskoi Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal law of the Russian Federation. General and Special parts]; ed. by A. I. Chuchaeva. Moscow, KONTRAKT Publ., INFRA-M Publ., 2013. 211 p.

19. Alikhadzhiyeva I. S. Sudimost' kak personal'nye dannye i osnovanie obshchepravovyh ogranichenij [Criminal record as personal data and the basis of general legal restrictions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2024, no. 14 (1), pp. 65–79.

20. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Kak rabotaet sudimost'? [How does a criminal record work?]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2021, no. 4, pp. 145–153.

21. Kolmykov I. P. Sootnoshenie prava na neprikosновенность chastnoj zhizni i prava na sudebnuyu zashchitu v kontekste dostupa k personal'nym dannym: poisk balansа interesov [Correlation of the right to privacy and the right to judicial protection in the context of access to personal data: finding a balance of interests]. *Pravo i politika = Law and policy*, 2020, no. 5, pp. 58–67.

Информация об авторе / Information about the Author

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X

Inna S. Alikhadzhiyeva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.797

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-107-118>

Виктимологическая характеристика кибермошенничества

А. В. Москальков¹✉¹ Московский университет имени А. С. Грибоедова

ул. Новая Басманная, д. 35/1, г. Москва 105066, Российская Федерация

✉ e-mail: 11amo@list.ru

Резюме

Актуальность. Уголовная статистика последних лет подтверждает значительный рост в России мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При рассмотрении способов совершения кибермошенничества на основании изучения приговоров судов по уголовным делам, контент-анализа средств массовой информации дается его виктимологическая характеристика. Особое внимание обращается на личность потерпевшего от мошеннических действий, совершенных в сети Интернет, и факторы, увеличивающие риск становления жертвой таких преступлений.

Целью исследования является дополнение теории криминологии новым знанием о цифровой виктимности потерпевших от мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, для эффективного противодействия ему.

Задачи: на основе обвинительных приговоров судов, сообщений средств массовой информации дополнить виктимологическую характеристику кибермошенничества на основе анализа имеющихся и новых способов его совершения.

Методология. При написании работы применялись следующие общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, индукция и дедукция, статистический, документальный, формально-юридический, формально-логический, системный и прогностический.

Результаты исследования состоят в выявлении и описании виктимного поведения лиц, ставших жертвами кибермошенничества. Описаны факторы, повышающие степень виктимности потенциальных потерпевших. Полученные результаты могут быть использованы правоохранительными органами для разработки наиболее эффективных методов виктимологической профилактики рассматриваемого вида виртуальных преступлений.

Вывод. В силу специфичности способа совершения мошенничества (дистанционное) оно является исключением из разработанных виктимологией положений о потерпевшем от преступления. По этой причине пострадавшими от кибермошенников могут стать разные типы потенциальных жертв.

Ключевые слова: кибермошенничество; информационно-телекоммуникационные технологии; виктимность; цифровая виктимизация; кибервиктимизация; интернет.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Москальков А. В. Виктимологическая характеристика кибермошенничества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 107-118. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-107-118>.

Поступила в редакцию 04.03.2024

Принята к публикации 28.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Victimological Characteristics of Cyberbullying

Artem V. Moskalkov¹ ✉

¹Moscow University A. S. Griboedov

Novaya Basmannaya Str. 35/1, Moscow 105066, Russian Federation

✉ e-mail: kamenskiy.maxim@mail.ru

Abstract

Relevance. Criminal statistics of recent years confirm a significant increase in fraud in Russia committed using information and telecommunication technologies. When considering the methods of committing cyberbullying on the basis of studying the sentences of criminal courts, content analysis of mass media, its victimological characteristics are given. Special attention is paid to the identity of the victim of fraudulent actions committed on the Internet and the factors that increase the risk of becoming a victim of such crimes.

The purpose of the study is to supplement the theory of criminology with new knowledge about the digital victimization of victims of fraud committed using information and telecommunication technologies in order to effectively counter it.

Objectives: on the basis of court convictions, media reports, to supplement the victimological characteristics of cyberbullying based on the analysis of existing and new ways of committing it.

Methodology. When writing the work, the following general scientific and private scientific methods of cognition were used: analysis, synthesis, induction and deduction, statistical, documentary, formal legal, formal logical, systemic and predictive.

The results of the study consist in identifying and describing the victimized behavior of persons who have become victims of cyberbullying. The factors that increase the degree of victimization of potential victims are described. The obtained results can be used by law enforcement agencies to develop the most effective methods of victimological prevention of this type of virtual crimes.

Conclusion. Due to the specificity of the method of committing fraud (remote) It is an exception to the provisions developed by victimology on the victim of a crime. For this reason, different types of potential victims can become victims of cybercriminals.

Keywords: cyberbullying; information and telecommunication technologies; victimization; digital victimization; cybervictimization; Internet.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Moskalkov A. V. Victimological Characteristics of Cyberbullying. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 107–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-107-118>

Received 04.03.2024

Accepted 28.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Социальное существование человека в современном обществе немыслимо без цифровизации. По верному замечанию Ю. Ю. Комлева, «за весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и информационным технологиям, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты цифрового общества» [1, с. 33]. В

структуре современной киберпреступности особое место занимают преступления против собственности, совершенные с использованием информационных технологий. По данным МВД РФ, количество мошенничеств с применением информационных технологий в 2022 г. по ст. 159 УК РФ «Мошенничество» составило 249 984; по ст. 159³ УК РФ «Мошенничество с использованием электронных

средств платежа» – 7288; по ст. 159⁶ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» – 334¹. Очевидно, что стремительное развитие информационного общества порождает максимальные риски массовой виктимизации населения. Положение о том, что цифровые технологии, используемые в криминальных целях, не опосредованно, а напрямую обуславливают процесс виктимизации, доказывается в научной литературе. Криминологи справедливо пишут о том, что цифровизация породила новый вид виктимизации – цифровую [2, с. 148], и предлагают для введения в научный оборот новую терминологию (кибервиктимизация [3, с. 46] или кибервиктимность [4, с. 6]).

Тревожным трендом преступности с применением высоких технологий является многочисленность жертв, потерпевших от корыстных посягательств, что обуславливает необходимость активного поиска эффективных средств противодействия массовой виктимизации населения. А. Н. Игнатов, В. С. Соловьев справедливо указывают на то, что развитие информационных, коммуникационных и когнитивных технологий «меняет традиционные представления и подходы к исследованию виктимности и виктимизации, открывая перед криминологической наукой качественно новое исследовательское поле» [5, с. 63]. Исследованию вопросов виктимизации от мошенничества, ставшей следствием глобального развития цифровых технологий, посвящены труды Д. Ю. Дабасовой [6, с. 194], И. И. Евтушенко [7, с. 79], А. С. Камко [8, с. 141], Ю. Ю. Комлева, А. В. Майорова, Е. В. Никитина [9, с. 206], Д. В. Никулина [10, с. 390], С. А. Петрова [11, с. 50], Н. В. Сплавской [12, с. 17],

О. А. Старостенко [13, с. 268], Д. В. Сынгаевского [14, с. 140] и др.

Методология

В соответствии с темой исследования для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные и частнонаучные методы объективного познания действительности. С помощью методов анализа и синтеза, индукции и дедукции была определена сущность феномена виктимности потерпевших от кибермошенничества. Применение статистического и документального методов позволило обосновать актуальность исследования, изучить правоприменительную практику, интернет-источники, содержащие данные о мошеннических способах завладения чужой собственностью, а также научные позиции криминологов, обозначенные в публикациях по изучаемой тематике. Благодаря системному методу автор осуществил структурирование исследовательского материала. Формально-логический и формально-юридический методы явились основой построения исследовательского материала и аргументации авторских суждений, оказали содействие в осмыслении результатов и их описании. Прогностический метод был применен при определении перспектив дальнейшего развития этого вида виртуальных преступлений.

Проведенное исследование было основано на анализе приговоров, вынесенных по уголовным делам о мошенничестве, совершенном осужденными с использованием ИТ-технологий. Внимание автора было сосредоточено на личности жертвы корыстного киберпреступления. В общей сложности были изучены 85 приговоров, вступивших в законную силу за период с 2020 по 2023 г., текст которых был размещен на портале «Росправосудие». Во внимание принимались и публикации средств массовой информации, содержащие данные о личности потерпевшего. По итогу был составлен

¹ Состояние преступности за январь-декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=lofyqpnkjp374098658> (дата обращения: 22.01.2024).

усредненный «портрет» жертвы мошенничества, совершенного с помощью интернет-технологий.

Результаты и их обсуждение

Описать виктимное поведение жертв кибермошенничества позволил анализ имеющихся «рабочих» и уже новых способов мошенничества, характеризующих его виктимологические аспекты. Тексты судебных приговоров и публикаций СМИ показывают, что наиболее распространёнными схемами мошенничества, совершаемого с использованием информационных технологий, являются:

1. *Мошенничество в отношении лиц, принадлежащих к одному профессиональному сообществу.* Мониторинг судебной практики показал, что жертвами серии мошеннических акций по новой криминальной схеме за последние полгода являлись преподаватели высших учебных заведений. В российской прессе опубликованы данные по фактам массовых рассылок сообщений в социальных сетях и мессенджерах (Vieber, «Телеграм», WhatsApp¹) мошенниками. Они осуществляли переписку в чатах от имени руководства вузов, сотрудников Министерства образования РФ и Российской академии наук². Так, с аккаунтов руководителей вузов, министра образования и науки В. Н. Фалькова и президента РАН Геннадия Красникова, похожих на оригинальные, с их фотографиями и логинами, жертве поступали сообщения или звонки с предупреждением о том, что с ней свяжутся «представители ФСБ РФ». Затем на связь выходил сообщник «ректора», представляясь сотрудником спецслужбы, который предлагал перевести деньги со своего банковского счета. Он

якобы подвергся хакерской атаке со стороны украинцев, и чтобы не потерять деньги, нужен перевод на безопасный счет, на имя третьих лиц. При этом «секретный работник спецслужбы» требовал сохранить все в тайне, не сообщать об этом никому, даже близким, поскольку речь идет о государственной тайне. Мошенничество по такой схеме стало настолько распространенным, что Министерство образования и науки России на официальном сайте разместило соответствующее предупреждение³.

Особое внимание Минобрнауки России обратило на то, что преступники используют технологии искусственного интеллекта для подмены голоса, а также чужие фотографии в мессенджерах. Кто из вузовского сообщества пострадал от мошеннического обмана? По сообщениям российских СМИ, потерпевшими стали профессор РАН, доктор юридических наук, которому позвонил «заместитель министра образования и науки РФ» (ущерб 6 млн руб.)⁴; доцент Уральского федерального университета, которому написал ректор с предупреждением о звонке «куратора из Минобрнауки». Он объявился и оформил на жертву кредит (ущерб 4 млн руб.)⁵; профессор консерватории в Саратове, получивший предупреждение от коллеги о звонке «сотрудника спецслужбы». Из-за угрозы перевода денег на финансирование противоправной деятельности с его банковских

³ Минобрнауки России предупредило о новой схеме телефонных мошенников // Гарант.ру: сайт. URL: <https://www.garant.ru/news/165> (дата обращения: 19.01.2024).

⁴ Юрист-ученый РАН отдал мошенникам более 6,6 млн рублей // Газета.ру: сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/01/13/22104481.shtml?ysclid=ls0bhu0mma875915201> (дата обращения: 19.01.2024).

⁵ Доктор наук объяснила, почему ученые и врачи верят финансовым мошенникам // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru/2023/09/20/reg-urfo/docenty-tozhe-platiat.html?ysclid=lssyyf2ai1684928218> (дата обращения: 19.01.2024).

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории Российской Федерации.

² По нашим подсчетам, 65–85% звонков жертвам мошенничества поступает в мессенджерах «Вотсап», «Вайбер» и «Телеграм».

счетов профессор перевел их на чужой счет (ущерб 2 млн 500 тыс. руб.). Как оказалось, аккаунт коллеги в мессенджере был взломан¹.

В числе обманутых мошенниками тем же способом оказались и депутаты Государственной Думы РФ, артисты. К примеру, депутату Государственной Думы Павлу Качкаеву написал в мессенджере «Телеграм» «зампред Госдумы Петр Толстой» (ущерб 500 тыс. руб.)², а актрисе МХТ имени А. П. Чехова Марии Зориной поступил звонок от «заместителя руководителя Департамента культуры г. Москвы» (ущерб 20 млн руб.)³.

Аналогичная схема используется и в отношении врачей и медицинского персонала поликлиник и больниц. Им поступают звонки с подменных номеров в мессенджерах от имени заместителя министра здравоохранения РФ, главного врача, руководителя или заместителя руководителя департамента здравоохранения и др. Легенда здесь может меняться: например, преступники запугивают возбуждением уголовного дела по факту коррупции в больницах. «Целевой аудиторией» аферистов стали и учителя. Их данные опубликованы на официальных сайтах школ, где вместе с именами и фамилиями можно узнать сведения о возрасте, образовании и стаже работы. Парадоксально, но тотальная информатиза-

ция школ, поликлиник, больниц и вузов с обязательным информационным поводом (мероприятием, событием с упоминанием личных данных) на публичных порталах увеличила риски кибермошенничества. Она привела к тому, что поиск сведений злоумышленниками о потенциальных жертвах был существенно упрощен. Манипуляция ими при первичной «обработке» жертвы гарантирует криминальный «успех» по выманиванию денег или информации у нее.

Как отмечают специалисты, виктимность людей интеллектуального труда состоит в том, что ввиду высокого уровня ответственности они относятся к информации, поступившей от руководства, серьезно. К тому же расчет мошенников основан на том, что в больших государственных вузах много структурных подразделений, тысячи сотрудников и преподавателей, которые не всегда знают друг друга. Не каждого из них руководитель вуза знает в лицо, а тем более по имени и отчеству. У жертв мошенников нет личного телефона ректора, главного врача или их заместителей. Рабочие и организационные вопросы решаются посредством корпоративной e-mail, а потому вряд ли преподаватель или врач имеют немедленную возможность для того, чтобы уточнить о звонке из профильного министерства или департамента.

Ввиду того, что преподаватели являются публичными людьми (принимают участие в конференциях, в том числе на онлайн-платформах, пишут статьи с указанием своих данных (телефоны, адреса электронной почты), их персональные данные находятся в открытом доступе (в том числе включая биометрические (голос)) [15, с. 94]. Личные данные и контакты сотрудников вузов (ФИО, телефоны, e-mail) размещены на сайтах вузов. Зная их, можно идентифицировать человека в мессенджерах, найти привязанный к ним аккаунт.

2. Мошенничество в сфере онлайн-торговли. Еще одна схема мошенниче-

¹ Преподавать урок: в ФСБ предупредили об атаках мошенников на учителей и врачей // Известия: сайт. URL: <https://iz.ru/1593795/dmitrii-bulgakov/prepodat-urok-v-fsb-predupredili-ob-atakakh-moshennikov-na-uchitelei-i-vrachei> (дата обращения: 19.01.2024).

² Бывшего мэра Уфы, депутата Госдумы Павла Качкаева мошенники развели на полмиллиона рублей // gtrk.tv: сайт. URL: <https://gtrk.tv/novosti/338053-byvshego-mera-ufy-deputata-gosdumy-pavla-kachkaeva-moshenniki-razveli-polmilliona> (дата обращения: 19.01.2024).

³ Мошенники развели актрису МХТ на 20 млн рублей, заставив продать квартиру и машину // Life: сайт. URL: <https://life.ru/p/1626284> (дата обращения: 19.01.2024).

ства в сети – это фейковые магазины, когда преступниками создается сайт с предложениями о продаже товаров по низкой цене или дефицитных товаров. По статистике, опубликованной МВД РФ, в 2022 г. россияне перевели злоумышленникам за покупку товаров в фальшивых онлайн-магазинах 13,5 млрд рублей, что на 39% больше, чем в предыдущем. Мошеннические сайты копируют оригинальные сайты официальных магазинов, сохраняя их дизайн и похожее название, покупают услуги продвижения в онлайн-сервисах, рекламу у блогеров, которые вызывают доверие клиентов. К примеру, 05.02.2024 г. корреспондент канала РЕН ТВ рассказал о десятках жертв мошенников из разных городов России. На поддельном сайте предлагалась дешевая бытовая техника по низким ценам. Покупатели оформляли доставку и переводили деньги «продавцам». Потерпевших не смутило то, что деньги требовалось перечислить по реквизитам общества с ограниченной ответственностью, зарегистрированного на предпринимателя О. А. Ильюшенко через ИНН, а заказ осуществлялся только по электронной почте. За пару недель работы «магазина» злоумышленниками причинен ущерб на несколько миллионов рублей. По данному факту возбуждены уголовные дела сразу в нескольких регионах страны. А между тем в сети появилась новая площадка по продаже дешевой бытовой техники, зарегистрированная на ту же предпринимательницу. О том, что магазин фейковый, подтверждает и то, что продаваемый товар был давно снят с производства или с продажи¹.

Подобные схемы применяются преступниками и на платформах бесплатных

объявлений о продаже товаров. Так, в октябре 2023 г. по телеканалу «Санкт-Петербург» прошло информационное сообщение о задержании сотрудниками УВД по Санкт-Петербургу по борьбе с киберпреступлениями интернет-мошенников. Ими оказались девятнадцатилетние жители Петербурга и Воронежа. Их жертвами стали продавцы известных площадок объявлений, размещенных в сети Интернет. Выражая готовность купить товар, преступники предлагали его собственникам воспользоваться опцией «Безопасная сделка». Они направляли ссылку, кликая по которой жертва попадала на фишинговый сайт, где указывала банковские реквизиты и пароли. Мошенники похищали деньги, которые переводили на криптовалютные кошельки. В квартирах при проведении обысков были изъяты телефоны, ноутбуки, банковские и симкарты, а также около полумиллиона рублей. По данным фактам возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 158, 159 и 159³ УК РФ. Следствием установлено, что потерпевшими были пять жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области².

3. *Мошенничество в сфере услуг.* Распространенной в сети Интернет является афера с предлагаемыми услугами, среди которых всевозможные курсы и обучения у онлайн-коучей. Многомиллионные предложения об их покупке можно встретить в социальных сетях, в том числе запрещенных в России, на сайтах, площадках объявлений, рекламе у блогеров. Сюда относятся случаи мошеннических действий, выражаемых в «инфоцыганстве». К примеру, блогер-миллионник и автор бизнес-тренингов А. Шабутдинов обвиняется в восьми эпизодах мошенни-

¹ Фейковые интернет-магазины обманули россиян, «гнавшихся» за дешевой техникой // Ren.tv: сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1187699-feikovyie-internet-magaziny-obmanuli-rossii-an-gnavshikhsia-za-deshevoi-tekhnikoi?ysclid=lstwg0mc5w144351536> (дата обращения: 19.01.2024).

² В Петербурге поймали кибермошенников, создавших фиктивные онлайн-магазины // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru/2021/04/06/reg-szfo/v-peterburge-zaderzhany-sozdateli-fiktivnyh-internet-magazinov.html?ysclid=lsuj1sk2p1973418296> (дата обращения: 19.01.2024).

чества в особо крупном размере¹. Проблема приняла такой глобальный масштаб, что депутаты Государственной Думы РФ внесли законопроект, согласно которому бизнес-коучи обязаны возвращать деньги за некачественные образовательные или информационно-консультационные услуги. Поправки предлагается внести в закон о защите прав потребителей².

Высокий спрос у пользователей сети наблюдается и на цыганские предсказания, оккультные и психологические услуги, которые предоставляются в режиме онлайн, когда жертва переводит деньги «медийному» лицу – психологу или экстрасенсу, а по факту скрывающемуся за дипфейком или фейковой страницей мошеннику. На просторах интернета процветает и мошеннический «бизнес» по псевдолечению или целительству, когда аферист снимает в режиме онлайн «порчу» либо «излечивает от неизлечимого заболевания». Деньги за такие услуги могут переводиться на электронные кошельки, банковские карты или криптокошельки [16, с. 172]. Виктимными факторами, которые способствовали становлению жертвой мошеннического обмана, в таких случаях следует признавать нахождение потерпевшего в тяжелой жизненной ситуации. Как правило, обращение к гадалкам, магам, психологам, целителям связано с тяжелой болезнью самого потерпевшего либо его близких, а потому он становится более уязвимым и доверчивым. Этим состояни-

ем жертвы и пользуются преступники, чтобы заполучить ее деньги или иное имущество.

Распространенной схемой мошеннического обмана является так называемый «развод» клиента с фейкового аккаунта или сайта, когда услуги проститутки предлагают мошенники. Они осуществляют переписку с заказчиком услуги, а после перевода денежных средств за секс-услугу телефон «девушки» блокируется [17, с. 753].

Еще одной криминальной схемой является размещение в сети Интернет объявлений об оказании услуг по выкупу автомобиля с последующей его передачей покупателю якобы с предоставлением рассрочки платежа под проценты. Так, Канавинский районный суд г. Нижнего Новгорода вынес обвинительный приговор Н., который предлагал услуги по выкупу автомобилей. Он заключал с потерпевшими договор «поставки» и после получения от них первоначального взноса денежным переводом скрывался. Действуя по этой схеме, мошенник получал дополнительно деньги и за оформление документов на автомобиль (постановка на регистрационный учет), установку дополнительного оборудования, транспортировку автомобиля к месту проживания покупателя – будущего владельца³.

4. *Мошенничество, связанное с финансовой сферой.* Как известно, некоторые виды мошенничества криминологи называют интеллектуальным преступлением. «Высшим криминальным пилотажем» в мошенничестве считается создание в сети Интернет нелегальных букмекерских контор. Здесь продаются прогнозы событий (в том числе политических, в сфере экономики, влияющие, к примеру, на курс валюты), договорные матчи, обу-

¹ Восемь эпизодов в уголовном деле: что грозит блогеру Аязу Шабутдинову // Ren.tv: сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1159163-chto-izvestno-o-zaderzhannom-bloge-re-aiaze-shabutdinove?ysclid=lsu0sn0ath537143718> (дата обращения: 19.01.2024).

² Госдума собирает отзывы на проект, обязывающий бизнес-коучей возвращать деньги за бесполезные тренинги // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru/2023/11/08/prodavcy-zhelanij.html?ysclid=lsty50n7yo410499349> (дата обращения: 19.01.2024).

³ Приговор Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 08.11.2018 по уголовному делу № 1-461/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/S3jPFpUigAxU/?regular> (дата обращения: 19.01.2024).

чающие вебинары, лотереи и ставки в казино. Преступниками гарантируется выигрыш в 200–300%, а для убедительности предъявляются доказательства «выигрыша» (чеки банкоматов, скриншоты и видеозаписи якобы перевода денег на карту). Мошенники сначала осуществляют «трафик» клиентов со всевозможных сайтов, из мессенджеров и социальных сетей, а затем дарят «беспроигрышные» стратегии [18, с. 43].

Сюда же относится вовлечение потерпевших в финансовые пирамиды, когда мошеннические действия в отношении собственности осуществляются дистанционно. Интернет изобилует предложениями вложиться в акции, отобранные лучшими финансовыми аналитиками, однако инвестировать следует только через «специальных брокеров», у которых есть секретные стратегии. К другим брокерам обращаться нельзя, потому что они берут большие комиссионные проценты. Та же схема обмана используется при предложении инвестировать в криптовалюту, сетевые магазины, майнинг и др. А. С. Кокорев и Я. В. Шавыкин при описании личностных особенностей жертв финансовых пирамид, повышающих их виктимность, называют такие, как дефицит системного мышления, неумение понимать причинно-следственные связи, в том числе финансово-экономического характера, что свойственно «поколению ЕГЭ». К ним же относится и циничность поколения лиц в возрасте 30–40 лет, цель которых получить вождельный «пассивный» доход, в том числе и за счет обмана других участников пирамиды. Втянутыми в финансовые пирамиды являются и те пользователи сети Интернет, которые не понимают сути сетевого маркетинга, доверяют финансовой информации из виртуального пространства [19, с. 48]. Россиян обманывают и под предлогом благотворительности, онлайн-знакомствами, предложением удаленной работы (чаще всего на маркетплейсах) и др.

Очевидно, что мошенники анализируют новостные источники и используют полученную информацию для совершения преступлений. И если в начале специальной военной операции они «оказывали помощь» в оформлении гражданства чужих государств, банковских и симкарт, то позднее тактика сменилась на запугивание уголовной ответственностью за «финансирование ВСУ» и «уклонение от мобилизации». Следует прогнозировать появление очередной новой схемы мошенничества и новой группы потерпевших, в том числе по профессиональной принадлежности, однако точно определить, какое резонансное событие или факт общественной жизни станет катализатором новых криминальных сценариев, невозможно. Ведь они, сценарии, есть плод деятельности организованных групп, состоящих из коллективов психологов, разрабатывающих скрипты с конкретной задачей для злоумышленников, хакеров, способных распознать абонента мессенджеров, и др.

В подборке приговоров среди потерпевших от мошенничества встречались потерпевшие по одному и тому же виду мошенничества с различным социальным положением и уровнем образования (наличие ученой степени доктора наук и среднего образования). Как справедливо пишут исследователи, мошенничество является исключением из «виктимологических правил», а потому его жертвами могут стать разные типы потенциальных жертв [20, с. 39].

Выводы

Подводя итоги исследования, учитывая уголовную статистику и судебную практику, можно дать только усредненную, в общих чертах, характеристику жертвы мошенничества, совершенного в сети Интернет, потому что демографические показатели (пол, возраст), социальный и психологический статус, семейное положение, уровень образования, про-

фессиональная принадлежность будут разными в зависимости от вида мошенничества. В соответствии с ним можно выделить типы жертв, схожих по виктимологическим показателям.

По нашим наблюдениям, высокой степенью виктимности, *во-первых*, обладают люди с низкой компьютерной грамотностью, неосведомленные или недооценивающие опасность криминальных атак в Сети, неуверенные пользователи интернета и гаджетов, либо, напротив, уверенные в том, что мошенники не смогут убедить их перевести деньги (юристы, профессиональная деформация). *Во-вторых*, в ряде исследованных случаев на решение обратиться к мошенникам (гадалкам и экстрасенсам) повлиял низкий образовательный уровень, психологическая внушаемость человека, а также его

нахождение в трудной жизненной ситуации (тяжелая болезнь, проблемы материального характера). *В-третьих*, потенциальными жертвами мошенничества традиционно являются дети (подростки), пользующиеся мобильными гаджетами и детскими банковскими картами, и лица пожилого возраста, более доверчивые, нежели представители других возрастных групп. *В-четвертых*, парадоксально, но именно высокая правовая грамотность, равно как правовая непросвещенность, оказывают влияние на становление человека жертвой мошенничества. *В-пятых*, повышают риск подвергнуться корыстному хищению собственности и психологические свойства личности, позволяющие осуществлять манипуляцию поведением и сознанием человека.

Список литературы

1. Комлев Ю. Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 31–40.
2. Майоров А. В. Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? // Виктимология. 2022. № 2. С. 148–156.
3. Жмуров Д. В. Кибержертва: решение проблемы терминологической неопределенности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97). С. 45–56.
4. Антонян Е. А., Клещина Е. Н. Кибервиктимность // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3 (34). С. 5–10.
5. Игнатов А. Н., Соловьев В. С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1 (51). С. 59–66.
6. Дабаева Д. Ю. Виктимологическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием телекоммуникационного и компьютерного оборудования // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 193–195.
7. Евтушенко И. И. Виктимологическая защита жертв дистанционных хищений // Виктимология. 2023. № 1. С. 78–88.
8. Камко А. С. Портрет жертвы мошенничества в сфере телекоммуникационных технологий // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3(80). С. 139–144.

9. Никитин Е. В. Обеспечение виктимологической безопасности и профилактики преступлений с использованием информационных технологий // Виктимология. 2022. № 2. С. 204–212.
10. Никулин Д. В. Жертвы мошенничества // Аллея науки. 2017. № 1 (17). С. 387–393.
11. Петров С. А. Доверие как условие совершения мошенничеств // Уголовное право. 2015. № 4. С. 49–52.
12. Сплавская Н. В. Взаимодействие жертвы и преступника в процессе совершения мошенничества // Государство и право в XXI веке. 2017. № 3. С. 16–20.
13. Старостенко О. А. Виктимологическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 267–270.
14. Сынгаевский Д. В. Мошенничество в глобальной сети Интернет как объект виктимологического исследования // Современный юрист. 2013. № 4. С. 136–144.
15. Алихаджиева И. С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(3). С. 90–101.
16. Салаев З. Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг // Образование и право. 2019. № 5. С. 171–175.
17. Алихаджиева И. С., Меркурьев В. В. К криминологическому определению и классификации преступлений, связанных с проституцией // Всероссийский журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 4. С. 750–760.
18. Сафонов В. Н., Харченко О. В. Криминологическое исследование мошенничества в сфере компьютерной информации на примере деятельности интернет-букмекерских контор // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4. С. 39–50.
19. Кокорев А. С., Шавыкин Я. В. Направления повышения финансовой грамотности населения в части противодействия современным финансовым пирамидам // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 47–53.
20. Майоров А. В., Яременко Н. Е. Виктимологический аспект мошенничества // Виктимология. 2019. № 3 (21). С. 36–41.

References

1. Komlev Yu. Yu. Cifrovizaciya, setevizaciya obschestva postmoderna i razvitie cifrovoi kriminologii i deviantologii [Digitalization, networking of postmodern society and the development of digital criminology and deviantology]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 31–40.
2. Majorov A. V. Vliyaet li cifrovizacii na viktimizaciyu v sovremennom obshchestve? [Does digitalization affect victimization in modern society?]. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, no. 2, pp. 148–156.
3. Zhmurov D.V. Kiberzhertva: reshenie problemy terminologicheskoy neopredelennosti [Cyberwarfare: solving the problem of terminological uncertainty]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (97), pp. 45–56.

4. Antonyan E. A., Kleshchina E. N. Kiberviktimnost' [Cybervictimity]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2019, no. 3 (34), pp. 5–10.
5. Ignatov A. N., Solov'ev V. S. Informacionno-kognitivnye tehnologii v mehanizme cifrovoi viktimizatsii [Information and Cognitive Technologies in the Mechanism of Digital Victimization]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2023, no. 14(1), pp. 59–66.
6. Dabaeva D. Y. Viktimologicheskaya kharakteristika moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem telekommunikatsionnogo i kompyuternogo oborudovaniya [Victimological characteristics of fraud committed using telecommunications and computer equipment]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2022, no. 47 (442), pp. 193–195.
7. Evtushenko I. I. Viktimologicheskaya zashchita zhertv distantsionnykh khishchenij [Victimological protection victims of remote theft]. *Viktimologiya = Victimology*, 2023, no. 10 (1), pp. 78–88.
8. Kamko A. S. Portret jertvy moshennichestva v sfere telekommunikatsionnykh tehnologii [Portrait of a victim of fraud in the field of telecommunication technologies]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and management in the East of Russia*, 2017, no. 3(80), pp. 139–144.
9. Nikitin E. V. Obespechenie viktimologicheskoi bezopasnosti i profilaktiki prestuplenii s ispol'zovaniem informatsionnykh tehnologii [Ensuring victimological safety and crime prevention using information technologies]. *Viktimologiya = Victimology*, 2022, no. 2, pp. 204–212.
10. Nikulin D. V. Zhertvy moshennichestva [Victims of fraud]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2018, no. 1 (17), pp. 387–393.
11. Petrov S. A. Doverie kak uslovie soversheniya moshennichestv [Trust as a condition for committing fraud]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2015, no. 4, pp. 49–52.
12. Splavskaya N. V. Vzaimodeystvie zhertvy i prestupnika v protsesse soversheniya moshennichestva [The interaction of the victim and the criminal in the process of committing fraud]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke = State and law in the XXI century*, 2017, no. 3, pp. 16–20.
13. Starostenko O. A. Viktimologicheskaya kharakteristika moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tehnologii [Victimological characteristics of fraud committed using information and telecommunication technologies]. *Gumanitarnie, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2020, no. 5, pp. 267–270.
14. Syngaevskii D. V. Moshennichestvo v global'noj seti Internet kak ob"ekt viktimologicheskogo issledovaniya [Fraud in the global Internet as an object of victimological research]. *Sovremennyyi yurist = Modern lawyer*, 2013, no. 4, pp. 136–144.
15. Alikhadzhieva I. S. Kriminologicheskie riski personal'nykh dannykh: osnovnye tendentsii i prognozy [Criminological risks of personal data: main trends and forecasts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 3, no. 13, pp. 90–101.
16. Salaev Z. R. K voprosu o sposobe moshennichestva, svyazannogo s okazaniem okkul'tnyh i psikhologicheskikh uslug [To the question of the method of fraud related to the provision of occult and psychological services]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*, 2019, no. 5, pp. 171–175.

17. Alikhadzheva I. S., Merkurev V. V. K kriminologicheskomu opredeleniyu i klassifikatsii prestuplenii, svyazannykh s prostitutsiei [To the criminological definition and classification of prostitution-related crimes]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 750–760.

18. Safonov V. N., Kharchenko O. V. Kriminologicheskoe issledovanie moshennichestva v sfere komp'yuternoj informatsii na primere deyatel'nosti internet-bukmekerskikh kontor [Criminological study of fraud in the field of computer information on the example of the activities of Internet bookmakers]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanij = Journal of Legal and Economic Research*, 2021, no. 4, pp. 39–50.

19. Kokorev A. S., Shavykin Ya. V. Napravleniya povysheniya finansovoi gramotnosti naseleniya v chasti protivodeistviya sovremennym finansovym piramidam [Directions for improving financial literacy of the population in terms of countering modern financial pyramids]. *Kul'tura i bezopasnost' = Culture and security*, 2022, no. 1, pp. 47–53.

20. Maiorov A. V., Yaremenko N. E. Viktimologicheskii aspekt moshennichestva [Victimological aspect of fraud]. *Viktimologiya = Victimology*, 2019, no. 3 (21), pp. 36–41.

Информация об авторе / Information about the Author

Москальков Артем Владиславович, аспирант, Московский университет имени А. С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: 11amo@list.ru

Artem V. Moskalkov, Post-Graduate Student, Moscow University A. S. Griboedov, Moscow, Russian Federation, e-mail: 11amo@list.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.71

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-119-130>

Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет)

П. И. Фетисов¹✉¹ Московский университет имени А. С. Грибоедова

ул. Новая Басманная, д. 35/1, г. Москва 105066, Российская Федерация

✉ e-mail: lerasergeeva@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи определяется рассмотрением глобальной проблемы киберпреступности против личности. Цифровые технологии и интернет, его теневой сегмент Даркнет могут использоваться для осуществления многих, в том числе насильственных, преступлений против личности, указанных в главах XVI, XVII и XVIII Уголовного кодекса Российской Федерации. Наибольшую долю таких преступлений в структуре преступных посягательств против личности составляют: доведение до самоубийства, кибертравля, склонение к членовредительству, половые преступления в отношении несовершеннолетних, клевета, нарушение приватности личной жизни и др. Для повышения эффективности борьбы с виртуальными преступлениями против личности, получившими значительное распространение в сети Интернет, дается их оригинальная характеристика.

Целью исследования является дополнение теории криминологии новым знанием о преступлениях против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, для эффективного противодействия им.

Задачи: на основе следственно-судебной практики выявить и охарактеризовать преступления против личности, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет.

Методология представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых анализ, синтез, индукция, дедукция, а также системно-аналитический, статистический, документальный, формально-юридический, формально-логический и прогностический методы.

Результаты исследования включают развернутую криминологическую характеристику основных видов преступлений против личности, чаще всего совершаемых с использованием современных интернет-технологий; восполняется научное знание о видах преступлений, способами совершения которых стали интернет- и цифровые технологии.

Выводы. Распространение информационно-телекоммуникационных технологий и массовая «интернетизация» населения изменили характер и структуру киберпреступности, ее качественно-количественные показатели. Такая быстрая эволюция IT-преступности мгновенно отразилась и на статистике отдельных видов преступлений, среди которых уголовно наказуемые деяния против личности. Формулируется прогноз о том, что данный вид киберпреступности в своей перспективе будет модернизироваться, в том числе за счет новых видов посягательств против прав и свобод личности (жизни, здоровья, свободы, половой неприкосновенности и половой свободы, неприкосновенности частной жизни и др.).

Ключевые слова: преступления против личности; кибербуллинг; доведение до самоубийства; частная жизнь; клевета; информационно-телекоммуникационные технологии; интернет.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Фетисов П. И. Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 119–130. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-119-130>.

Поступила в редакцию 03.03.2024

Принята к публикации 28.03.2024

Опубликована 27.04.2024

© Фетисов П. И., 2024

Crimes Against the Person Committed Using Information and Telecommunication Technologies (Including the Internet)

Pavel I. Fetisov¹ ✉

¹ Moscow University A. S. Griboedov

35/1 Novaya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation

✉ e-mail: lerasergeeva@mail.ru

Abstract

Relevance of the article is determined by the consideration of the global problem of cybercrime against the individual. Digital technologies and the Internet, its shadow segment of the Darknet, can be used to carry out many, including violent crimes against the person specified in chapters XVI, XVII and XVIII of the Criminal Code of the Russian Federation. The largest share of such crimes in the structure of criminal assaults against the person is suicide, cyber bullying, inducement to self-harm, sexual crimes against minors, defamation, violation of privacy of personal life, etc. To increase the effectiveness of the fight against virtual crimes against the person, which have become widespread on the Internet, their original characteristics are given.

The purpose of the study is to supplement the theory of criminology with new knowledge about crimes against the person committed using information and telecommunication technologies and the Internet in order to effectively counter them.

Objectives: on the basis of investigative and judicial practice, to identify and characterize crimes against the person committed through information and telecommunication technologies and the Internet.

Methodology. It is represented by a set of general scientific and private scientific methods of cognition, including analysis, synthesis, induction, deduction, as well as system-analytical, statistical, documentary, formal legal, formal logical and predictive methods.

The results of the study include a detailed criminological description of the main types of crimes against the person, most often committed using modern Internet technologies; scientific knowledge about the types of crimes that the Internet and digital technologies have become the means of committing is replenished.

Conclusion. The spread of information and telecommunication technologies and the massive "Internetization" of the population have changed the nature and structure of cybercrime, its qualitative and quantitative indicators. Such a rapid evolution of IT crime was instantly reflected in the statistics of certain types of crimes, including criminal-punishable acts against a person. The forecast is formulated that this type of cybercrime will be modernized in the future, including through new types of attacks against individual rights and freedoms (life, health, freedom, sexual integrity and sexual freedom, privacy, etc.).

Keywords: crimes against the person; cyberbullying; suicide; private life; defamation; information and telecommunication technologies; Internet.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Fetisov P. I. Crimes Against the Person Committed Using Information and Telecommunication Technologies (Including the Internet). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 119–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-119-130>

Received 03.03.2024

Accepted 28.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Бурное развитие цифровизации неминусом привело к росту киберпреступности как новой формы преступности, а информационно-телекоммуникаци-

онные технологии стали массовым способом (и средством) совершения посягательств против личности. По статистике МВД России, на протяжении трех последних лет каждое четвертое преступле-

ние из общей массы регистрируемых ежегодно преступлений в стране совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

Современные онлайн-платформы, мессенджеры и иные интернет-каналы стали площадками обмена и распространения информации, с помощью которой в том числе совершаются преступления против прав и свобод личности. Указанный негативный тренд стремительно набирает обороты и может приобрести характер долгосрочного, что актуализирует задачу поиска новых, неординарных способов противодействия самому общественно опасному виду противоправных деяний.

В криминологической науке исследованию вопросов, связанных с противодействием киберпреступлениям против личности, посвящены труды многих ученых. Авторами публикаций по изучаемой теме явились А. И. Бастрыкин, Л. А. Букалерева, А. В. Остроушко, О. Криез [1, с. 30], А. А. Бочавер, К. Д. Хломов [2, с. 180], Н. А. Голованова [3, с. 115], П. Н. Кобец, К. А. Краснова [4, с. 79], В. В. Колбасин [5, с. 512], М. В. Лелетова [6, с. 54], Ю. В. Радостева [7, с. 43], В. С. Соловьев, В. А. Туркулец [8, с. 2] и др.

Методология

Для исследования киберпреступности против личности как явления объективной действительности в качестве научного инструментария использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Свое применение в работе нашли статистический и документальный методы, позволившие дать обоснование актуальности исследования, осуществить выборку правоприменительных актов и уголовных дел по рассматриваемому виду преступлений, изучить научные труды по заявленной теме. В качестве методо-

логического инструментария был задействован и системно-аналитический метод, позволивший структурировать имеющийся исследовательский материал, охарактеризовать современное состояние киберпреступности с изложением ее негативных тенденций, описать полученные результаты и сделать выводы. Формально-логический и формально-юридический методы составили основу авторских суждений и аргументации, оказали содействие в формулировании теоретических и прикладных положений работы. Статья опирается на прогностический метод, примененный при обозначении перспектив развития киберпреступности, когда потерпевшей от нее стороной становится личность.

Результаты и их обсуждение

За последние годы киберпреступления значительно модернизировались, проникая в новые сферы общественных отношений. В качестве объекта противоправных деяний злоумышленники все чаще выбирают права и свободы личности. Опираясь на положения, описанные и развиваемые в научных работах по проблеме преступлений против личности пользователей информационных технологий, следует отметить имеющуюся необходимость в получении дополнительного объема криминологической информации о рассматриваемых деяниях. С этой целью автор изучил следственно-судебную практику, явившуюся основой для характеристики состояния преступности против личности, когда способом совершения противоправных деяний является использование информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет).

Анализ следственно-судебной практики, материалов уголовных дел, текстов приговоров, опубликованных на сайте «Росправосудие», криминальной статистики, публикаций СМИ и научных трудов [9, с. 138; 10, с. 187] позволяет выделить наиболее распространенные пре-

¹ Сведения МВД России о состоянии преступности // Министерство внутренних дел Рос. Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/der/101762> (дата обращения: 29.01.2024).

ступления против личности, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет). Среди них:

- доведение до самоубийства и склонение к совершению суицидального акта;
- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека;
- преступления против здоровья (членовредительство);
- преступления против свободы личности (торговля людьми, в том числе в целях сексуальной эксплуатации);
- нарушение неприкосновенности частной жизни;
- похищение персональных (цифровых) данных;
- клевета;
- понуждение к действиям сексуального характера;
- развратные действия в отношении несовершеннолетних;
- вовлечение в деятельность, связанную с нарушением прав личности (коммерческая сексуальная эксплуатация).

Дадим криминологическую характеристику некоторых из перечисленных дистанционных преступлений, посягающих на права и свободы личности.

1. *Доведение до самоубийства или склонение к самоубийству.* А. Н. Игнатов, В. С. Соловьев верно подмечают, что «максимальные риски цифровой виктимизации в результате применения информационно-телекоммуникационных технологий на массовом уровне в наибольшей степени проявляются при совершении склонения к самоубийству или организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» [11, с. 63]. Речь идет, прежде всего, о так называемых «группах смерти», созданных в Глобальной сети, в которых дети и подростки подвергаются серьезной психологической обработке. По данным исследователей, произошла кардинальная смена мотивации, которая раньше признавалась распространенной причиной подростковых суицидов (про-

блемы в семье, в школе, безответная любовь и др.). Юристами-криминологами точно определены и описаны методы, с помощью которых в социальных сетях преступники склоняют детей и подростков к суициду. Так, А. М. Бычкова и Э. Л. Раднаева, исследовавшие причины самоубийств несовершеннолетних, видят их в том, что в сознание и подсознание потерпевшего внедряются идеи обесценивания человеческой жизни, ее бессмысленности, о самоубийстве как благе, внушаются мысли о продолжении жизни после смерти. Для того чтобы в несовершеннолетнем укрепились решимость самоубийства, преступники используют игровые формы, снижающие страх и ощущение опасности (квесты, задания) [12, с. 104]. А. И. Бастрыкин обращает внимание на то, что организаторы «суицидального квеста» манипулируют желанием детей испытать себя и умышленно предлагают детям задания такой экстремальности, которая приведет к трагическому финалу [13, с. 9].

Эксперты по цифровой безопасности отмечают и трансформацию «групп смерти», когда их кураторы детям на квесте (суицидальные игры, треш-стримы) предлагают опасные для здоровья задания: подышать газом из зажигалок или баллончиков для их заправки. После такого задания нужно описать полученные ощущения. Другим заданием, кроме опасных для жизни и здоровья квестов, получившим распространение, является уход из дома с отключением телефона. И чем больше сообщений в СМИ и на сайтах поисковых отрядов появится об исчезновении ребенка, тем больше баллов он получит¹.

Опасной тенденцией, на которую указывают криминалисты при анализе причин роста самоубийств детей, стало

¹ «Не выдержат натиска»: интернет стал опаснее для детей // Газета.ру: сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/06/01/13103227.shtml?ysclid=lsx04bmb2x290302078&updated> (дата обращения: 29.01.2024).

склонение к добровольному лишению себя жизни сверстниками [14, с. 35]. Данные МВД РФ, опубликованные на официальном сайте, свидетельствуют, что деятельность по умышленному склонению ровесников к совершению самоубийства или содействию этому в социальных сетях осуществляет молодежь от 13 до 25 лет. Из этого числа подростки в возрасте 14–15 лет составляют 42%, а достигшие 16–18 лет – 40%. Например, Судакский городской суд Республики Крым приговорил Г. к шести годам лишения свободы. Согласно приговору, Г. с раннего детства была в близких дружеских, доверительных отношениях с несовершеннолетней ФИО1 и знала о ее конфликтах на бытовой почве с матерью. После ссоры с ФИО1 Г. на почве личных неприязненных отношений решила склонить ее к самоубийству. С этой целью Г. зарегистрировалась в социальной сети «ВКонтакте» и, используя тяжелое психоэмоциональное состояние потерпевшей ФИО1, в ходе переписки стала разжигать у нее интерес к теме суицида. Г. давала советы о способах совершения суицида, отправляла фотографии с порезанными кистями рук, размещала информацию о самоубийстве других детей, унижала и уговаривала совершить самоубийство. Доведенная Г. до состояния безысходности ФИО1 употребила 10 таблеток препарата «Фенозепам», однако ее смерть не наступила ввиду своевременного оказания медицинской помощи¹. И другой пример. Приговором Татарского районного суда Новосибирской области по п. «а», «г», «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ осуждены несовершеннолетние (не достигшие возраста 16 лет) Б. и П. Вступив в сговор между собой, они с использованием психологических приемов в социальной сети

склоняли к совершению самоубийства несовершеннолетнюю Л. Действуя совместно и согласованно, осужденные путем указания на самоубийство как на способ решения проблемы, убеждали потерпевшую убить себя, однако преступные действия Б. и П. были пресечены правоохранительными органами².

Следует отметить, что жертвами доведения до самоубийства становятся не только дети и подростки. Так, в 2016 г. жертвой массового буллинга в Благовещенске стал водитель маршрутки. Он в грубой форме высадив из транспортного средства подростков, не оплативших проезд. Они записали на видеокамеру действия водителя и разместили ролик в сети Интернет. В комментариях к видео были указаны персональные данные, после чего мужчине стали поступать угрозы. Не выдержав травли, водитель повесился в своем автобусном парке³.

2. Половые преступления, совершаемые в отношении детей. Криминологи давно отмечают, что социальные сети превратились в платформу поиска детей для совершения посягательств против их половой неприкосновенности (половой свободы). По подсчетам специалистов, 28% обращений детей на «горячую линию» помощи «Дети онлайн» связано с сексуальными домогательствами в Сети. Каждый второй подросток в возрасте от 13 до 19 лет получает сообщения с сексуальным подтекстом, а 39% пишут их сами. Пересылает свои откровенные фото другим лицам каждый пятый несовер-

¹ Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 07.05.2018 по делу № 1-25/2018 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AnhCjvSdlpdj/> (дата обращения: 25.01.2024).

² Приговор Татарского районного суда Новосибирского областного суда от 09.06.2018 по делу № 22-3060/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Dl49mmjnUGrU/?ysclid=lsxbqnr2s9383122298> (дата обращения: 25.01.2024).

³ Обвинённый в избиении ребёнка водитель автобуса покончил с собой в Благовещенске // Life.ru: сайт. URL: <https://life.ru/p/953716?ysclid=ls1pb63xba381271383> (дата обращения: 19.01.2024).

шеннолетний. По данным Лаборатории Касперского, более 55% опрошенных детей получали предложения о «дружбе» с аккаунтов незнакомцев, а 32% из них встречались с ними. Выделяя негативные тенденции преступлений против половой неприкосновенности (половой свободы) несовершеннолетних, совершаемых в сети Интернет, многие авторы отмечают увеличение количества материалов сексуального характера, содержащих сцены насилия над детьми, и контента, создаваемого самими детьми [15, с. 69].

Специалисты, изучающие проблему сексуального домогательства в сети Интернет, описали ситуации, когда несовершеннолетние становятся его жертвами. К ним относятся случаи преследования (кибергрумминга), когда преступник вступает в переписку с детьми на тему секса, а далее:

- просит или под угрозой насилия, шантажа, вымогательства, подкупа, обещаний в процессе их онлайн-общения принуждает прислать интимные фото, видеоизображение (так называемая сексторция), а после согласия ребенка угрожает распространить интимные фотографии среди сверстников, сообщить родителям в случае невыполнения его «просьб» (прислать личное видео, в котором нужно принять определенную позу). Здесь используются игровые онлайн-платформы, приложения для знакомств, видеочаты и социальные сети. Получили распространение и случаи, когда взрослый не только ведет откровенную переписку с детьми, но и предлагает совершить самоубийство¹;

- получив интимные фото ребенка, угрозой или шантажом требует встречи или общения по видеосвязи;

- обменивается визуальными и текстовыми сообщениями и (или) склоняет к виртуальному сексу, однако не настаивает на реальной встрече (так называемый «секстинг», обмен сообщениями в Сети с визуальными материалами) [16, с. 61]. Для того чтобы избежать разоблачения, преступники используют мессенджеры с функцией шифрования, что увеличивает риски насилия над ребенком, а также усложняет их поиск и задержание.

Аккаунт ребенка с личными данными, фотографиями, сведениями о его увлечениях и хобби, распорядке дня, друзьях и знакомых дает развернутую информацию о потенциальной жертве. Даже психоэмоциональное состояние ребенка может быть определено преступником по его «статусам» в социальной сети, используя которые педофил манипулирует эмоциями будущей жертвы. Чтобы добиться результата, взрослый преступник может понять, в ком или в чем нуждается несовершеннолетний, в друге, в наставнике или психологической помощи для разрешения его проблем со сверстниками, родителями, учителями и др. [17, с. 79] При этом ребенок, который отправил фото или видео со своим интимным изображением, попадает в полную зависимость от преступника. Злоумышленник манипулирует чувствами ребенка, создает ситуацию, когда попавшая под его власть жертва под страхом разоблачения, вины и стыда боится обратиться за помощью. Так, к 15 годам лишения свободы за интернет-педофилию был осужден житель Владимирской области. Согласно приговору Александровского районного суда, он завел страницу в социальной сети «ВКонтакте» под женским псевдонимом и от имени девочки вступил в интимную переписку с 11-летней жительницей Пермского края. Он заставлял ребенка делать фотоснимки и видеоролики сексуального характера и отправлять ему, а также вел с ребенком разговоры развращающего содержания. Когда девочка отказывалась отправлять

¹ В Москве задержали 24-летнего педофила с наклонностями садиста // АиФ: сайт. URL: https://aif.ru/society/people/soblaznitel_s_naklonnostyami_sadista_v_moskve_zaderzhan_24-letniy_pedofil?utm_source (дата обращения: 22.01.2024).

фото, педофил угрожал распространением ее фотографий среди одноклассников. Без согласия потерпевшей он распространил ее фотографии интимного содержания в сети Интернет, на которых было видно ее лицо и интимные части тела¹. Известны случаи, когда после такого кибербуллинга детей подобным способом вовлекали в занятие проституцией [18, с. 8].

Как показывает правоприменительная практика, педофилами, совращающими детей, зачастую являлись лица из ближайшего окружения несовершеннолетнего (друг семьи, учитель, отец подруги). Они могли вести переписку под видом детей, предлагали деньги за вступление в половую связь, просили познакомиться с другими детьми для интимных встреч и др. К примеру, житель Петербурга на протяжении месяца присылал родной двенадцатилетней дочери свои интимные фотографии (дикпик). Переписку увидела бывшая жена и обратилась в полицию².

3. *Травля (преследование) в цифровом пространстве.* ИТ-технологии содержат высокие риски совершения против жертвы таких действий, которые являются агрессивными формами онлайн-поведения. Думается, верным является определение явления массовой травли в Сети как «эпохи токсичности».

Жертвами кибербуллинга (оскорбление, злые шутки, унижающие человека, в личных сообщениях или в комментариях, публикация личной, в том числе компрометирующей, информации), в первую очередь становятся дети. По данным Лиги безопасного интернета, негативный

контент охватил 74 млн аккаунтов, 14 млн из которых зарегистрированы детьми³. О масштабе насилия в онлайн-сетях говорит тот факт, что вице-спикер Госдумы В. Даванков предложил дополнить отечественные площадки VK, «Одноклассники» и «Дзен» опцией блокировки за кибербуллинг. Он полагает, что следует «банить» пользователей за психологическое и вербальное насилие в личной переписке и комментариях (сталкинг, буллинг и прочие формы)⁴. Среди многочисленных форм кибербуллинга крайне опасны: кибертравля (троллинг, моббинг, флейм), киберпреследование (сталкинг) и киберзапугивание, когда их целью становится криминальный результат в виде нанесения физического вреда самому себе, членовредительства и самоубийства [19, с. 276]. Они могут осуществляться путем систематического психического давления, когда в отношении жертвы применяются угрозы причинить вред ей, родным и близким, уничтожить имущество, разгласить личные (персональные) данные, опубликовать аудио- и видеоматериалы, компрометирующие пострадавшую сторону. При дистанционных домогательствах в интернете активно используются оскорбления и клевета для того, чтобы жертва оказалась в состоянии психологической беспомощности, была эмоционально истощена, а потому выполнила любые требования кибер-обидчика. По такой схеме действуют и педофилы, чтобы добиться личной встречи с ребенком. Сообщения оскорбительного характера, унижительные прозвища, лживые слухи и угрозы могут поступать и распространяться по

¹ Интернет-педофила осудили на 15 лет // СМИ Владимирского региона: сайт. URL: <https://vladimir-smi.ru/item/209476?ysclid=lsxiudve8271943751> (дата обращения: 22.01.2024).

² Отец месяц отправлял 12-летней дочке дикпики в WhatsApp // Безформата: сайт. URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/letney-dochke-dikpiki-v-whatsapp/90399426/> (дата обращения: 22.01.2024).

³ Рост виртуальных атак против детей перерастает в агрессию // RG.RU: сайт. URL: <https://rg.ru/2023/02/14/bukvar-ceti.html?ysclid=lswzljmj6424388400> (дата обращения: 22.01.2024).

⁴ «Новые люди» предложили разрешить VK и Дзену банить за буллинг // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20231111/bulling-1908884027.html> (дата обращения: 22.01.2024).

электронной почте, через мессенджеры и соцсети. Примером кибербуллинга, который закончился смертью жертвы, является история двадцатилетнего В. Г. Вернувшись из армии, он узнал о беременности своей девушки от другого мужчины. Чужого ребенка он воспитывать не захотел, и тогда бывшая возлюбленная в социальной сети распространила информацию о якобы его нетрадиционной ориентации. Мужчина не выдержал интернет-травли и повесился.

Киберсталкингу, как правило, предшествует незаконный сбор информации о жертве с помощью специальных программ, идентифицирующих его личность, в чатах и форумах, где и привлекается внимание к личности преследуемого в негативном свете [20, с. 164]. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют киберсталкеру найти третьих лиц, с которыми он даже не знаком, для преследования жертвы.

4. *Нарушение неприкосновенности частной жизни.* Как показывают материалы уголовных дел и приговоры, преступные посягательства на неприкосновенность частной жизни выражаются в размещении фото- и видеоизображений человека, демонстрирующих интимную сторону его жизни. В публикациях на эту тему активно используется термин «порноместь», поскольку, как правило, виновными в размещении чужого личного контента являются бывшие супруги, сожители или любовники. Примерно 10% чужих интимных фотографий и видеороликов следствием признавались порнографическими и их опубликование в открытом доступе квалифицировалось как незаконный оборот порнографических материалов или предметов [21, с. 73]. Юристы отмечают, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 137 УК РФ, обладают навыками пользователя «выше среднего» или уровнем «продвинутого пользователя». Фигуранты уголовных дел «взламывают» аккаунты жертв в социальных сетях, электрон-

ную почту, имеют компьютеры и гаджеты для фото- и видеосъемки. Другими способами нарушения неприкосновенности частной жизни человека и тайны его переписки являются собирание таких сведений и прослушивание (прочитывание) чужих сообщений. Зачастую осужденными по ст. 138 УК РФ за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений также являются близкие потерпевшему лица. К примеру, осужденный по ч. 1 ст. 138 УК РФ Ш. скачал в сети Интернет программное обеспечение «TALKLOG» с функциями записи телефонных переговоров абонента и sms-переписки. Воспользовавшись тем, что его сожительница оставила телефон без присмотра, он с ее мобильного устройства загрузил указанное мобильное приложение. Все входящие и исходящие звонки на мобильный телефон, поступающие сообщения потерпевшей записывались и отправлялись этой программой на электронную почту Ш.¹

5. *Клевета.* Распространение порочащих сведений в Глобальной сети опасно тем, что, во-первых, ложная информация быстро становится достоянием общест-венности, во-вторых, вызывает большой общественный резонанс в случае, если она касается медийных персон, в-третьих, на протяжении долгого времени сохраняется в открытом пространстве по причине невозможности ее оперативного удаления, причиняя жертве моральные страдания. Простота в размещении на форумах или сайтах, в комментариях в социальной сети клеветнических сведений и анонимность их автора являются причинами популярности этого способа распространения ложной информации.

¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 115 г. Шелехова и Шелеховского района Иркутской области от 10.05.2018 по делу № 1-18/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/i0vPY6VF9GoP> (дата обращения: 22.01.2024).

Как показали приговоры по делам о клевете, чтобы уйти от ответственности за высказывание порочащих сведений в публичном пространстве, виновные пользуются VPN-маршрутизаторами, специальными программами по сокрытию или подмене IP-адреса компьютера. В целях сохранения анонимности распространение фейков осуществляется вне домашней сети, из кафе или торгового центра. Установлено также, что клевета используется злоумышленниками в качестве способа устранить конкурента, из мести, может носить «заказной» характер. Иногда для придания клевете правдивого характера ложные сведения маркируются как полученные из «влиятельных источников».

Выводы

Подводя итоги исследования, отметим, что данные следственно-судебной практики подтверждают неблагоприятные прогнозы развития киберпреступности, объектом которой выступают права и свободы личности. Следует отметить качественную модернизацию киберпреступности этого вида, что находит выра-

жение в смене мотивации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, появлении новых форм совершения виртуальных преступлений против личности, усложнении указанных способов и вторжении в новые сферы человеческого бытия. В каждой главе раздела VII УК РФ содержатся составы преступлений, при совершении которых интернет является способом, позволяющим злоумышленникам достигнуть преступных целей, существенно снизив риск быть разоблаченными. Стремительное развитие высоких технологий, многомиллиардная аудитория Интернета и неограниченный доступ к нему демонстрируют очевидные угрозы личной безопасности. На этом основании следует прогнозировать, *во-первых*, увеличение количества и видов киберпреступлений против личности; *во-вторых*, дальнейшее изменение характера преступности против личности с актуализацией проблемы уязвимости граждан перед новыми видами криминальных угроз, *в-третьих*, дальнейшую утрату приватности частной жизни.

Список литературы

1. Букалерева Л. А., Остроушко А. В., Криз О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 1. С. 17–35.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 177–191.
3. Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 113–123.
4. Кобец П. Н., Краснова К. А. Об общественной опасности киберсталкинга и необходимости его предупреждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 77–83.
5. Колбасин В. В. Тенденции развития сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в условиях пандемии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 4 (46). С. 511–518.
6. Лелетова М. В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий как способ совершения насильственных преступлений против личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2 (48). С. 51–56.

7. Радостева Ю. В. Защита геномной информации в виртуальном пространстве // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 42–45.
8. Туркулец В. А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 1–11.
9. Оганов А. А. Признаки, воздействующие на борьбу с киберпреступностью в отношении несовершеннолетних в интернет-пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 137–140.
10. Михайлова Е. В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) для совершения преступлений против личности: вопросы законодательной регламентации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 186–193.
11. Игнатов А. Н., Соловьев В. С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1 (51). С. 59–66.
12. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 1. С. 101–115.
13. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.
14. Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. № 3. С. 33–37.
15. Родивилин И. П., Коломинов В. В., Брыжак Д. Э. Интеллектуальный разврат несовершеннолетних в сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 64–76.
16. Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 1. С. 60–72.
17. Степанова О. Ю. Проблема привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 78–83.
18. Алихаджиева И. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности? // Уголовное право. 2014. № 5. С. 7–10.
19. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д., Шалагина А. К. Причины девиантного поведения подростков и молодежи // Modern Science. 2020. № 12-4. С. 274–278.
20. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4. С. 160–173.
21. Баринов С. В. Типовые механизмы преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1 (39). С. 70–78.

References

1. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V., Kriez O. Prestupleniya protiv informacionnoi bezopasnosti nesovershennoletnikh, sovershaemye posredstvom informacionno-telekommunikacionnykh setei, vklyuchshaya set' Internet [Crimes against the information security of minors

committed through information and telecommunication networks (including the Internet)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*, 2021, no. 1, pp. 17–35.

2. Bochaver A. A., Hlomov K. D. Kiberbulling, travlya v prostranstve sovremennykh tehnologij [Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies]. *Psihologiya. Jurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, vol. 11, no. 3, pp. 177–191.

3. Golovanova N. A. Problemy bor'by s bullingom: zakonodatel'noe reshenie [Problems of combating bullying: a legislative solution]. *Jurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 8 (260), pp. 113–123.

4. Kobec P. N., Krasnova K. A. Ob obschestvennoi opasnosti kiberstalkinga i neobkhodimosti ego preduprezhdeniya [On the social danger of cyberstalking and the need to prevent it]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3 (86), pp. 77–83.

5. Kolbasin V. V. Tendencii razvitiya seksual'nogo nasiliya v otnoshenii nesovershennoletnikh v usloviyakh pandemii [Trends in the development of sexual violence against minors in a pandemic]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (46), pp. 511–518.

6. Leletova M. V. Ispol'zovanie informacionno-telekommunikacionnykh tehnologij kak sposob soversheniya nasil'stvennykh prestuplenij protiv lichnosti [Information and Telecommunication Technologies as a Means of Committing Violent Crimes Against the Person]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2022, vol. 13, no. 2 (48), pp. 51–56.

7. Radosteva Yu. V. Zashchita genomnoi informacii v virtualnom prostranstve [Protection of genomic information in virtual space]. *Rossiiskij yuridicheskij jurnal = Russian Law Journal*, 2019, no. 3, pp. 42–45.

8. Turkulets V. A. Seksting v otnoshenii nesovershennoletnikh: ugolovno-pravovoi i viktimologicheskii aspekty [Sexting in relation to minors: criminal law and victimological aspects]. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal studies*, 2020, no. 5, pp. 1–11.

9. Oganov A. A. Priznaki, vozdeystvuyushchie na borbu s kibeprestupnostyu v otnoshenii nesovershennoletnikh v internet-prostranstve [Signs affecting the fight against cybercrime against minors in the Internet space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 137–140.

10. Mikhailova E. V. Ispol'zovanie informacionno-telekommunikacionnykh setei, vklyuchaya set' Internet, dlya soversheniya prestuplenii protiv lichnosti: voprosy zakonodatel'noi reglamentacii [The use of information and telecommunication networks (including the Internet) to commit crimes against the person: issues of legislative regulation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1, pp. 186–193.

11. Ignatov A. N., Solov'ev V. S. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v mehanizme cifrovoi viktimizacii [Information and Cognitive Technologies in the Mechanism of Digital Victimization]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2023, no. 14 (1), pp. 59–66.

12. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. Dovedenie do samoubijstva posredstvom ispol'zovaniya internet-tehnologii: socialno-psihologicheskie, kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty [Driving to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal-legal aspects]. *Vserossiiskii kriminologicheskii jurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2018, no. 1, pp. 101–115.

13. Bastrykin A. I. Prestupleniya protiv nesovershennoletnih v internet-prostranstve: k voprosu o viktimologicheskoi profilaktike i ugovolno-pravovoj ocenke [Crimes against minors in the Internet space: on the issue of victimological prevention and criminal law assessment]. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii jurnal All-Russian = Journal of Criminology*, 2017, no. 1, pp. 5–12.
14. Ustinova T. D. Sklonenie k samoubijstvu ili sodeistvie samoubijstvu: kriticheskij analiz [Suicidal tendencies or assisted suicide: a critical analysis]. *Lex russica*, 2020, no. 3, pp. 33–37.
15. Rodivilin I. P., Kolominov V. V., Brijak D. E. Intellektualnyi razvrat nesovershennoletnikh v seti Internet [Intellectual debauchery of minors on the Internet]. *Sibirskie ugovolno-processualnye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2020, no. 1 (27), pp. 64–76.
16. Solov'ev V. S. Prestupnost' v social'nykh setyakh interneta (kriminologicheskoe issledovanie po materialam sudebnoj praktiki) [Crime on social networks of the Internet (criminological research on the materials of judicial practice)]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2016, no. 1, pp. 60–72.
17. Stepanova O. Y. Problema privilecheniya k ugovolnoi otvetstvennosti za pedofiliyu v social'nykh setyakh [The problem of criminal prosecution for pedophilia in social networks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (66), pp. 78–83.
18. Alihadzhieva I. S. Prestupleniya protiv polovoi neprikosновенности nesovershennoletnikh i вовлечение в занятие проституцией: возможна ли квалификация по совокупности? [Crimes against the sexual integrity of minors and involvement in prostitution: is it possible to qualify collectively?]. *Ugovolnoe pravo = Criminal law*, 2014, no. 5, pp. 7–10.
19. Shalagin A. E., Idiyatulloev A. D., Shalagina A. K. Prichiny deviantnogo povedeniya podrostkov i molodezhi [The causes of deviant behavior of adolescents and youth]. *Modern Science = Modern Science*, 2020, no. 12 (4), pp. 274–278.
20. Alihadzhieva I. S. O novykh tendentsiyakh sovremennoy seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskakh [New Trends in the Modern Sex Industry and its Criminological Risks]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2021, no. 16 (4), pp. 160–173.
21. Barinov S. V. Tipovye mekhanizmy prestupnykh narushenii neprikosновенности chastnoi jizni, sovershaemykh s ispolzovaniem informacionno-telekommunikacionnoi seti "Internet" [Typical mechanisms of criminal violations of privacy committed using the information and telecommunication network "Internet"]. *Sibirskie ugovolno-processualnye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2023, no. 1 (39), pp. 70–78.

Информация об авторе / Information about the Author

Фетисов Павел Ильич, аспирант, Московский университет имени А. С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: lerasergeeva@mail.ru

Pavel I. Fetisov, Post-Graduate Student, Moscow University A.S. Griboedov, Moscow, Russian Federation,
e-mail: lerasergeeva@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.851.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>

Насильственная преступность против личности в современной России: состояние и проблемы криминологической характеристики

Я. С. Яхонтова¹ ✉

¹Барнаульский юридический институт МВД России
ул. Чкалова, д. 49, г. Барнаул 656056, Российская Федерация

✉ e-mail: yana.barnaul@gmail.com

Резюме

Актуальность. Насильственные преступления, посягающие на незыблемые человеческие ценности, а именно жизнь и здоровье, являются неотъемлемой частью жизни общества. Современные реалии обуславливают необходимость изучения и анализа актуальных сведений о состоянии насильственной преступности, а также выявления существующих недостатков системы учета рассматриваемых преступлений.

Целью исследования является повышение эффективности работы правоохранительных органов на основе системного изучения криминологической характеристики насильственной преступности против личности, ее состояния и динамики в современной России, в том числе выявление существующих недостатков в системе учета насильственных преступлений органами внутренних дел и выработка путей возможного их преодоления.

Задачами исследования являются идентификация реального состояния насильственной преступности против личности в современной России; выявление изменений в ее состоянии в период с 2018 по 2022 год; установление основных факторов, которые могут оказывать существенное влияние на официальную статистику и учетно-регистрационную дисциплину в системе Министерства внутренних дел России, и их учет.

Методология. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, формально-логический, системный, статистический.

Результаты. В статье приведен анализ основных криминологических показателей насильственной преступности против личности в современной России. Рассмотрены частные факторы, влияющие на эффективность системы учета преступлений, рассмотрены и классифицированы способы внесения сотрудниками МВД России информации, которая может повлиять на достоверность официальных статистических данных.

Выводы. В рамках исследования был определен круг преступлений, отнесенных к насильственным. Обоснована необходимость внедрения отдельных статистических форм, направленных на сбор сведений о насильственной преступности.

Рассмотрены факторы, которые могут иметь влияние на достоверность и точность официальных данных. Отдельное внимание было уделено такому явлению, как искусственная латентность преступлений. Проанализирована взаимосвязь способа оценки эффективности деятельности территориальных органов внутренних дел с феноменом искусственной латентности преступлений.

Ключевые слова: насильственные преступления; преступления против личности; латентная преступность; искусственная латентность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Яхонтова Я. С. Насильственная преступность против личности в современной России: состояние и проблемы криминологической характеристики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 131–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>.

Поступила в редакцию 31.01.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Опубликована 27.04.2024

© Яхонтова Я. С., 2024

Violent Crime Against Persons in Modern Russia: State and Problems of Criminological Characteristics

Yana S. Yakhontova¹ ✉

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49 Chkalova Str., Barnaul 656056, Russian Federation

✉ e-mail: yana.barnaul@gmail.com

Abstract

Relevance. Violent crimes that infringe on unshakable human values, namely life and health, are an integral part of society's life. The rapid change in social, economic and political conditions leads to the intensification of social tension of the population and can provoke an increase in the level of violent crime. Modern realities make it necessary to study and analyze up-to-date information about the state of violent crime, as well as to identify existing shortcomings of the accounting system for the crimes under consideration.

The purpose of the study is to improve the efficiency of law enforcement agencies based on a systematic study of the criminological characteristics of violent crime against the individual, its state and dynamics in modern Russia, including identifying existing shortcomings in the system of accounting for violent crimes by internal affairs agencies and developing ways to overcome them.

The objectives of the study are to identify the real state of violent crime against the individual in modern Russia; to identify changes in its state in the period from 2018 to 2022; to establish the main factors that can have a significant impact on official statistics and accounting and registration discipline in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and their accounting.

Methodology. The methodological basis of the research consists of general scientific and private scientific methods of cognition: analysis, synthesis, formal-logical, systematic, statistical.

Results. The article provides an analysis of the main criminological indicators of violent crime in modern Russia. Particular factors affecting the effectiveness of the crime accounting system are considered, ways of entering information by employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia that may affect the reliability of official statistical data are considered and classified.

Conclusion. Within the framework of the study, the range of crimes classified as violent was determined, the validity of attributing crimes committed with the use of instrumental violence to the category of violent crimes against the person was considered. The necessity of introducing separate statistical forms aimed at collecting information about violent crime is substantiated.

Factors that may have an impact on the reliability and accuracy of official data are considered, special attention was paid to such a phenomenon as artificial latency of crimes. The interrelation of the method of assessing the effectiveness of the activities of territorial internal affairs bodies with the phenomenon of artificial latency of crimes is analyzed. In our opinion, a real reduction in the level of artificial latent crime could be influenced by a change in the accounting system for evaluating the effectiveness of the activities of territorial internal affairs bodies.

Keywords: violent crimes; crimes against the person; latent crime; artificial latency.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Yakhontova Y. S. Violent Crime Against Persons in Modern Russia: State and Problems of Criminological Characteristics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 131–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>

Received 31.01.2024

Accepted 25.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Личная безопасность является базисной, неизменной ценностью для каждого отдельно взятого человека и остается та-

ковой независимо от происходящих социальных изменений. Ее обеспечение — одна из приоритетных задач, стоящих перед руководством нашей страны. Обеспечение личной безопасности граждан

неразрывно связано с реализацией мер профилактики совершения насильственных преступлений. Данная деятельность регламентирована положениями Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹, которым определен круг субъектов, участвующих в осуществлении мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний.

Одним из основных субъектов, на который возложена эта обязанность, является Министерство внутренних дел². Для эффективной реализации установленных задач необходимо владеть информацией, объективно отражающей уровень, структуру и динамику насильственной преступности в современной России. Серьезную роль при этом играет как точность и действенность существующей системы учета преступлений, так и концептуальное понимание перечня противоправных деяний, отнесенных в рамках официальной статистики к насильственным преступлениям против личности. В настоящее время нет единой формы учета всего массива насильственных преступлений, как нет и нормативно закрепленного понятия насильственной преступности против личности. Данные о ее состоянии возможно получить только путем самостоятельного изучения и анализа различных блоков статистических данных и вычленения сведений об отдельных преступлениях исходя из их ответственности критериям насильственного.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 12.10.2023).

² О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 12.12.2023).

В научной среде до настоящего времени данный вопрос остается дискуссионным, несмотря на то, что освещался с различных ракурсов в работах таких ученых, как С. Н. Абельцев [1], Я. И. Гилинский [2], Ю. М. Антонян [3], В. Н. Кудрявцев и А. В. Наумов [4], И. С. Скифский [5], Л. Д. Гаухман [6], Р. Д. Шарапов [7], Р. А. Базаров [8], И. Я. Козаченко и Р. Д. Сабиров [9], А. Н. Ильяшенко [10], В. В. Лунеев [11], поскольку элемент насилия в том или ином виде присущ очень широкому кругу преступлений и приводятся различные позиции по поводу отнесения конкретных составов преступлений к насильственным преступлениям против личности.

Насилие может быть как самоцелью совершаемого преступления, так и инструментом достижения преступного результата [4, с. 3]. «Инструментальное насилие» подразумевает, что оно используется как средство, метод, мера для достижения любой цели, чаще всего с корыстной мотивацией, например, при грабеже, разбое, вымогательстве, бандитизме. «Насилие-самоцель» применяется ради самого насилия, например, убийство, причинение вреда здоровью с целью лишения жизни, телесного повреждения из мести, ревности [12, с. 141].

Одним из не разрешенных остается вопрос отнесения преступлений, совершенных с использованием инструментальной агрессии, к насильственным преступлениям против личности.

Ю. М. Антонян поднимает указанный вопрос в одной из своих работ: «Спорный вопрос о том, к какой группе преступлений нужно относить те, в которых насильственный способ преступления сочетается с корыстной целью (разбой, грабеж, вымогательство), — так называемые корыстно-насильственные преступления, полагаем, необходимо решать в пользу отнесения их к группе насильственных преступлений. Их следует считать насильственными, главным образом потому, что неприкосновенность

личности, ее здоровье, честь и достоинство должны цениться выше, чем имущество. Отсюда называть их можно и насильственно-корыстными» [13, с. 3].

Другой позиции в своих публикациях придерживается О. В. Артющина, которая говорит, что «основным признаком насильственных преступлений является физическое или психическое насилие над личностью или угроза его применения. При этом насилие является элементом мотивации, а не средством достижения криминальной цели. На этом основании в число таких преступлений не включаются насильственный грабеж, разбой, вымогательство, террористический акт, диверсия и ряд других деяний, где проявляется так называемое инструментальное насилие, используемое исключительно как средство достижения иной преступной цели – корыстной, политической и т. п.» [14, с. 18].

В рамках проводимого исследования мы склоняемся к более широкому толкованию понимания насильственного преступления, поскольку сама сущность насилия остается неизменной вне зависимости от того, есть ли оно конечная цель преступления или инструмент.

Методология

Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод познания. Посредством системного, а также формально-логического метода научного познания произведено выделение группы составов преступлений, отнесенных автором к категории насильственных. Использование статистического метода позволило определиться с количественным состоянием насильственной преступности, а также качественным её изменением за последние пять лет. Применение методов анализа и синтеза позволило выявить один из факторов, влияющих на эффективность учета преступлений в системе МВД России, а также рассмотреть и классифицировать способы внесения сотрудниками

ведомства информации, которая может оказывать влияние на достоверность официальных статистических данных.

Результаты и их обсуждение

Традиционно, говоря о насильственных преступлениях против личности, имеют в виду противоправные деяния, ответственность за которые предусмотрена только разделом VII Уголовного кодекса Российской Федерации – «преступления против личности». Законодатель при отнесении противоправных деяний в данный раздел руководствовался такими критериями, как объект преступных посягательств и мотивация. Первостепенную важность представляло только одно – является ли таким объектом именно и только человек [15, с. 85].

Однако нельзя ставить знак равенства между преступлениями, посягающими на личность, и насильственными преступлениями против личности. Так, Ф. Б. Мулюков в своем исследовании посвятил отдельное место разработке и уточнению понятия преступления против личности. Он предлагает понимать его как виновно совершенные умышленные или по неосторожности общественно опасные деяния, исполняемые как с применением насилия либо угрозой его применения, так и без таковых, запрещенные под угрозой наказания¹. Из предложенного понятия ясно, что преступления против личности могут быть совершены и без применения насилия. В свою очередь, очевидно, что преступления, посягающие на общественные отношения, охраняющие неприкосновенность личности, содержатся не только в VII разделе Уголовного кодекса Российской Федерации. По мнению В. Г. Татарникова, подход к размещению составов преступлений по разделам и главам Уголовного кодекса Российской Федерации вызван соображени-

¹ Мулюков Ф. Б. Наказание и его назначение за преступления против личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 8.

ями методологического порядка и отражает направленность того или иного преступления против личности, которая выступает в качестве либо основного, либо дополнительного объекта посягательства [16, с. 28]. Данное положение находит свое подтверждение при анализе 317 составов преступлений, отнесенных в иные разделы Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, 90 из них напрямую предусматривают последствия в виде причинения разной степени тяжести вреда здоровью и даже смерти человека, причиненные как умышленно, так и по неосторожности.

До настоящего времени в научной литературе нет единого мнения о системе насильственных преступлений против личности, однако учеными выделяется ряд присущих им характерных признаков:

- 1) преступность деяния в целом;
- 2) однородный объект посягательства (общественные отношения, ядро которых составляют физические блага личности);
- 3) одинаковый по своей сущности способ действия, характеризующий объективную сторону преступления (альтернативно: физическое насилие или угроза его применения);
- 4) умышленный (сознательный) характер фактически применяемого насилия (угрозы насилием)¹.

В сущности, мы разделяем традиционную точку зрения к подходу определения признаков, характеризующих насильственные преступления против личности, но считаем, что о преступном насилии можно говорить не только как о мотиве, но и как инструменте совершения преступлений, разделяя мнение Р. Д. Шарапова. В своей работе он указывает, что «основным принципом построения системы насильственных преступлений должен стать максимальный охват ею

всего спектра основных объектов насильственных посягательств. Криминологически значимая выборка насильственной преступности должна быть представлена типичными посягательствами данной категории из наибольшего количества глав Особенной части УК РФ (ст. 105–108, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 130, 131, 132, 156, п. «г» ч. 2 ст. 161, 162, 163, 179, 203, 205, 206, 213, 277, п. «а» ч. 3 ст. 286, 295, 296, 302, 317, 318, 319, 321, ч. 2 ст. 330, 333, 334, 335, 336 УК РФ)». При этом Р. Д. Шарапов различает понятие насильственного преступления и категорию преступного насилия. «Категория преступного насилия охватывает собой преступления, являющиеся изначально насильственными по своей природе (побои, истязание и т. п.), а также насильственный способ совершения отдельных преступлений, которые могут совершаться и ненасильственным путем»².

Вместе с тем считаем достаточно неоднозначной позицию авторов³, которые в перечень насильственных предлагают включить преступления, при совершении которых насилие как таковое не используется, однако они направлены на побуждение иных лиц к совершению насильственных преступлений (призывы к насилию), поскольку отнесение преступлений к категории насильственных имеет не только теоретическое обоснование, но и практическую обусловленность. Сущность преступления указывает на особенности совершающего его лица, предопределяет силы и средства, используемые для его профилактики.

² Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9.

³ Шадян Ш. А. Предупреждение рецидива тяжких насильственных преступлений, совершаемых против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 19.

¹ Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 54.

В результате анализа противоправных деяний, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, исходя из соответствия перечисленным характеризующим признакам в перечень насильственных преступлений автором было включено 79 уголовных составов. В рамках проведения анализа насилие рассматривалось не только как цель, но и как способ совершения преступления. На наш взгляд, отнесение преступлений, совершенных с использованием инструментального насилия, основным объектом посягательства которого являются не личность, а иные блага, к насильственным преступлениям против личности вполне оправдано.

Наиболее показательным примером может служить вопрос отнесения насильственного грабежа и разбоя к преступлениям против собственности. Исходя из логики законодателя, такое решение было принято, опираясь на цели и мотивы совершения таких преступлений, поскольку они посягают на иной объект и центральным является корыстный мотив. В свою очередь, попираание прав и свобод человека при совершении иных преступлений говорит об их большей общественной опасности, поскольку лицо, совершающее такого рода преступления, изначально имеет искаженную систему ценностей, в которой допустимо причинить вред здоровью или жизни человека, преследуя цель получить блага в иных менее значимых сферах. Следует полагать, что люди, совершающие корыстно-насильственные преступления, осознанно выбрали для себя такую парадигму поведения, которая заключается в готовности использовать насилие для достижения любой интересующей их цели. Использование насилия в качестве инструмента демонстрирует осознанность его применения, а также определенный вызов обществу и государству. Абстрактно можно сказать, что корыстно-насильственные преступники – это насильственные преступники, которые перешли на новый

уровень, для них применение насилия стало обыденностью и перестало быть самоцелью.

Преступность, как и всякое социальное явление, можно охарактеризовать как количественно, так и качественно. Для освещения существующей ситуации обратимся к официальной статистике МВД России в период с 2018 по 2022 г. и проведем анализ исходных данных.

Всего в течение 2022 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 966 795 преступлений, что на 1,9% меньше, чем в 2021 г., из них в отчетный период было совершено 1 619 087. Некоторый спад в количестве зарегистрированных преступлений можно считать естественным, не зависящим от причинно-следственного комплекса [17, с. 148], которым апеллирует современная криминология. На 1 января 2023 г. население страны официально составляло 146 424 729 человек¹. Исходя из имеющихся данных, можно говорить о том, что уровень преступности в 2022 г. на территории РФ составил 1343,2 зарегистрированных преступления в расчете на 100 000 человек, в 2021 г. этот показатель составил 1377,1, в 2020 г. – 1398,5, в 2019 г. – 1379,5, в 2018 г. – 1356,8.

Данные расчеты свидетельствуют о наличии волнообразной тенденции плавного увеличения и последующего сокращения количества зарегистрированных преступлений в период с 2018 по 2022 г. Их количество в расчете на 100 000 человек, проживающих на территории Российской Федерации, в рассматриваемый период сократилось на 13,6, разница с максимальным подъемом, зарегистрированным в 2020 г., составила 55,3 преступления.

Анализ различных массивов данных статистических сведений о насильствен-

¹ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PzPopul2023_ (дата обращения: 22.12.2023).

ной преступности позволил нам установить следующее: по итогам 2018 г. было зарегистрировано 239 263 насильственных преступления против личности, доля таких преступлений в общей массе составила 12,1%, в 2019 г. всего было зарегистрировано 2 024 337 преступлений, из них насильственных – 222 294, доля которых составила 10,98%, в 2020 г. (всего – 2 044 221, насильственных – 213 517) их доля была равна 10,44%, в 2021 г. (всего – 2 004 404, насильственных – 204 940) – 10,22%, в 2022 г. (всего –

1 966 795, насильственных – 193 216) – 9,82%.

Данные статистики позволяют говорить о наличии плавной, стабильной положительной динамики сокращения общего числа насильственных преступлений в течение последних 5 лет. В среднем ежегодно их количество от общего числа зарегистрированных сокращается на 0,6%, однако доля стабильно составляет около 10%. В реальном выражении ежегодно в среднем регистрируется на 11 512 насильственных преступлений меньше (рис. 1).

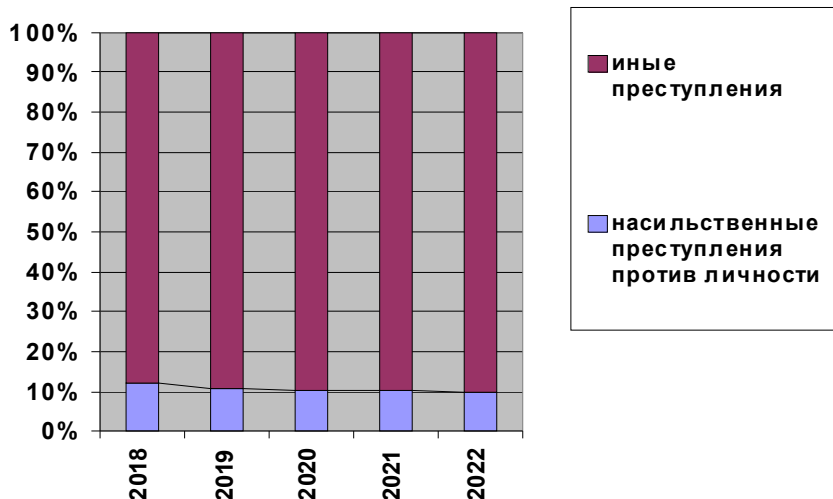

Рис. 1. Доля насильственных в общей массе зарегистрированных преступлений

В рамках исследования анализу были подвергнуты статистические данные о количестве совершенных насильственных преступлений предусмотренных 79 статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, 50 из которых относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений¹.

Доля тяжких и особо тяжких насильственных преступлений в общей массе

всех зарегистрированных преступлений такой категории представлена следующим образом: в 2018 г. – 19,6%, в 2019 г. – 16,6%, в 2020 г. – 13,9%, 2021 г. – 13,4%, 2022 г. – 13,1%, полученные результаты обусловлены не только объективным снижением количества зарегистрированных насильственных преступлений против личности, но и ростом общего количества тяжких и особо тяжких преступлений (2018 г. – 448 174, 2022 г. – 536 997), их прирост за пять лет составил 20%, в частности прослеживается увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникаци-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.12.2023).

онных технологий. Так, например, согласно официальным данным, приведенным в отчете МВД за 2019 г., говорится, что в течение года зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или на 68,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,8% в январе – декабре 2018 г. до 14,5%. 48,5% рассматриваемых преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (+149,0%). Четыре таких преступления (80,0%) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (+83,2%). Каждое двенадцатое (8,4%) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. (+31,2%)¹.

В 2018 г. доля тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья от общего количества насильственных преступлений составила 36,6%, в 2019 г. – 36,7%, в 2020 г. – 36,5%, в 2021 г. – 36,7%, в 2022 г. было зарегистрировано совершение 73 655 тяжких и особо тяжких преступлений такой категории, что составило 38,1% от общего количества насильственных преступлений. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что несмотря на плавное сокращение общего количества насильственных преступлений против личности доля тяжких и особо тяжких преступлений остается стабильно высокой и в 2022 г. демонстрирует небольшой рост на 1,3%.

Для наглядности структура насильственной преступности против личности, исходя из основного объекта, на который

направлено посягательство, представлена в виде диаграммы (рис. 2).

Очевидно, что большую часть в структуре насильственных преступлений против личности составляют преступления против жизни и здоровья. В течение последних пяти лет их доля была не менее 75% от общего количества, также мы можем видеть незначительные колебания в диапазоне 3% как в сторону сокращения, так и в сторону их увеличения.

Относительно корыстно-насильственных преступлений можно отметить, что их часть в структуре насильственной преступности относительно стабильна и равна в среднем 11,7%. Несомненный интерес в общей структуре рассматриваемой категории преступлений вызывает динамика совершения вымогательств, поскольку в рамках общей тенденции сокращения количества таких преступлений число вымогательств неуклонно растет, средний ежегодный прирост составил порядка 10%, что в реальном выражении равно 774 преступлениям. Самый значительный рост был зафиксирован по итогам 2022 г. и составил 25%.

В рамках проводимого исследования заслуживают отдельного внимания такие категории преступлений, как совершенные на сексуальной почве и против государственной власти. Это продиктовано тем, что не только их доля в течение последних пяти лет, но и реальное количество совершаемых преступлений, на фоне общего сокращения насильственной преступности, показывает стабильную динамику роста. Данный факт свидетельствует о наличии определенных просчетов в рамках провидимой профилактики. Будет справедливым отметить, что прирост за пять лет составил всего 1,6%, в реальном выражении 998 преступлений, совершенных на сексуальной почве, и 714 преступлений против государственной власти, однако при этом не следует упускать из вида то, что данные преступления в подавляющем большинстве относятся к

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 22.12.2023).

категории тяжких и особо тяжких. Они, как правило, освещаются средствами массовой информации, вызывают общественный резонанс и влияют на общий уровень состояния защищенности насе-

ления. Данные тенденции настораживают и требуют внимания со стороны государственного аппарата с целью недопущения дальнейшего роста.

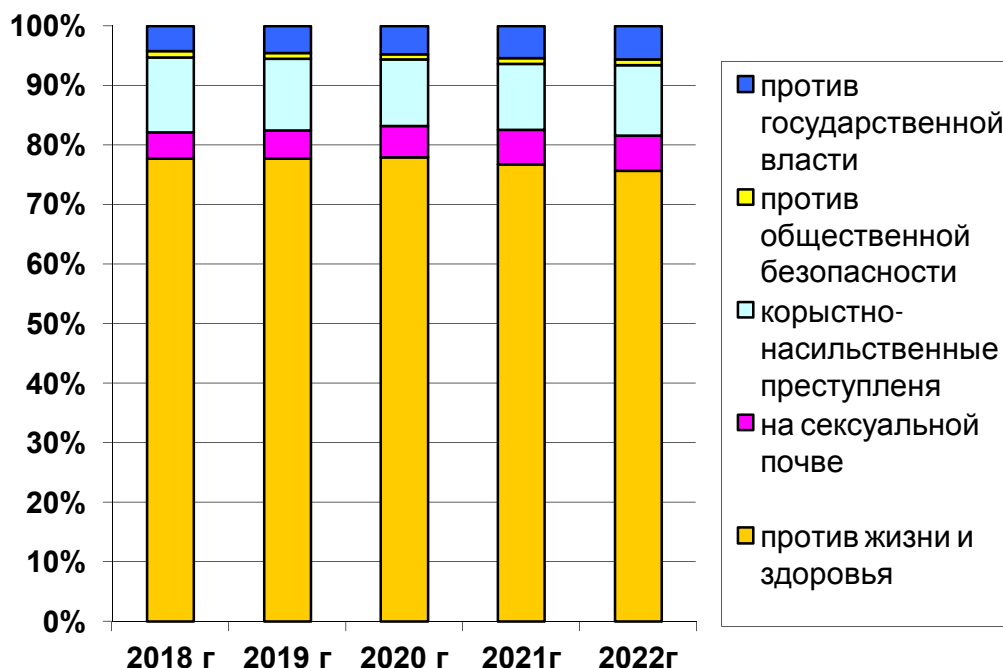

Рис. 2. Структура насильственной преступности в России в период с 2018 по 2022 г.

Официальные статистические данные за 2018–2022 гг. отражают позитивную динамику сокращения числа лиц, погибших от преступных посягательств на 4,2 тыс. человек; на 8,2 тыс. человек сокращение числа лиц, которым в результате преступных посягательств был причинен тяжкий вред здоровью. Вместе с этим по итогам 2022 г. произошел рост количества совершенных убийств и покушений на убийство на 4%, что не может не вызывать тревогу, поскольку в абсолютных цифрах это составило 306 преступлений в сравнении с показателями 2021 г.

В свою очередь, положительные тенденции количественных показателей преступности далеко не всегда свидетельствуют о реальном оздоровлении криминальной обстановки, поскольку общее сокращение количества зарегистрированных преступлений может говорить как о

снижении эффективности деятельности правоохранительных органов, так и об утрате населением доверия к органам государственной власти и росте латентного сегмента преступности. Если вести речь о феномене латентной преступности, необходимо отметить, что в научном сообществе до настоящего времени нет однозначного подхода к его толкованию. В контексте нашего исследования будет целесообразным взять за основу следующее понимание, приведенное В. В. Лунеевым: «...реальная, но скрытая или незарегистрированная часть фактически совершенных преступлений»¹. Данную позицию в своих работах также разделяет С. М. Иншаков [18, с. 110].

В настоящее время в рамках криминологической науки еще не разработаны

¹ Лунеев В. В. Криминология. М.: Юрайт, 2015. С. 382.

действенные методы прямого изучения уровня латентной преступности, в связи с чем говорить об определении ее точного уровня не представляется возможным. Следует констатировать, что знания о латентной преступности носят вероятностный характер [18, с. 113]. Для ориентировочного понимания существующей ситуации в связи с отсутствием официальных данных ее показателей обратимся к исследованиям таких видных деятелей науки, как В. Е. Квашис и Н. В. Генрих. В результате проведенного анализа они пришли к выводу, что общее число преступлений, совершенных в России, по итогам 2015 г. составляло не менее 11–12 млн, тогда как официальные данные зарегистрированных преступлений составили 2,4 млн, что в 4,5 раза меньше [19, с. 19]. Одной из основных причин искажения статистических данных в Российской Федерации в среде ученых криминологов принято считать специфическую оценку эффективности деятельности правоохранительных органов, исходя из которой для улучшения показателей многие сотрудники стремятся безосновательно снизить количество зарегистрированных преступлений, что порождает явление искусственной латентности преступлений. Указанные факторы неразрывно связаны и имеют непосредственное влияние на уровень доверия населения правоохранительным органам. Взаимозависимость этих явлений трудно переоценить – «играя» со статистикой, мы неизбежно попадаем в порочный замкнутый круг, где искусственная латентность формирует уже реальную латентность преступлений. Чем ниже уровень доверия, тем меньше люди обращаются с заявлениями о совершенных в отношении них противоправных деяниях, в свою очередь увеличивая сегмент латентной преступности и снижая эффективность деятельности всей правоохранительной системы.

Принимая искусственную латентность преступлений как один из факто-

ров, который может существенно искажать результаты статистического учета всех совершенных преступлений, в том числе и насильственных преступлений против личности, следует более детально рассмотреть указанный феномен. Прежде всего необходимо понять причины данного явления. Поддерживая точку зрения научного сообщества, согласимся с тем, что одним из факторов является существующая система оценки эффективности деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. №1040. Ведомственная оценка эффективности выполнения основных полномочий, возложенных на органы внутренних дел, производится исходя из соотношения статистических показателей оцениваемого территориального органа внутренних дел (далее – ТОВД) с показателями всех подразделений, осуществляющих свою деятельность на территории региона.

Формируется рейтинг подразделений в отношении руководителей подразделений, занимающих нижние строки, принимаются организационные и управленческие решения, одним из которых является постановка ТОВД на «особый контроль». Постановка на «особый контроль» подразумевает увеличение количества мероприятий, направленных на проверку качества выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей по разным направлениям деятельности, что объективно вполне разумно, однако в рамках осуществления данной системы на практике нередко можно встретить перекосы, и количество проверок выходит за разумные рамки, «парализуя» работу всего подразделения.

Все последние годы официально отмечаются положительные изменения в органах внутренних дел (далее – ОВД), связанные в первую очередь с отказом от «палочной системы». Вместе с тем нельзя

не упомянуть, что на практике «палочная система» не везде изжила себя полностью, а в ряде территорий трансформировалась в «перспективу раскрытия преступлений», которая определяется на уровне конкретных территориальных подразделений, а также краевых управлений, исходя из показателей предыдущего отчетного года. «Улучшение отчетности» любой ценой – это, по сути, новое проявление «палочной системы». О неэффективности такого подхода говорил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Судя по замечанию Главы государства, проблема носит системный характер¹.

Практика привлечения руководителей подразделений разных уровней как к дисциплинарной, так и к уголовной ответственности позволила существенно сократить число фактов нарушения закона «в погоне» за улучшением показателей, однако говорить о том, что «палочная система» стала пережитком прошлого и перестала выступать фактором, сдвигающим сотрудников полиции на сознательные нарушения закона и учетно-регистрационной дисциплины, на наш взгляд, еще рано.

Подобные факты наличествуют и по настоящее время. Так, в рамках проведенной проверки прокуратурой Брянской области было проверено исполнение региональным управлением МВД России законодательства об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации. Надзорными мероприятиями установлены многочисленные факты искажения сведений о количестве лиц, потерпевших от преступных посягательств, а также о

причиненном материальном ущербе, его возмещении, изъятии имущества, денег, ценностей. За допущенные нарушения к дисциплинарной ответственности привлечены 60 должностных лиц².

Пытаясь избежать привлечения к дисциплинарной и иного рода ответственности, руководители отдельно взятых ТОВД идут на целенаправленное изменение статистических данных, так называемую «игру со статистикой». Она может выражаться как в полном, так и в частичном изменении предоставляемых данных. В практических органах это реализуется следующими способами: не ставится отметка о бытовом характере совершенного преступления; перед отчетным периодом по надуманным основаниям вносятся исправления в соответствующие статистические документы; скрываются факты совершения преступлений группой лиц путем присвоения статуса свидетеля лицу, фактически совершавшему преступление в соучастии, что положительно влияет на статистические данные, а также упрощает доказательный процесс по уголовному делу; искусственно затягиваются сроки принятия решения по делу для того, чтобы оно пошло в учет в следующем отчетном периоде; принимаются необоснованные решения о прекращении производства по делу; необоснованно продлеваются сроки доследственной проверки с целью сохранения определенного состояния статистики перед отчетным периодом.

Со стороны рядовых сотрудников, на которых возложены обязанности по регистрации и рассмотрению сообщений о преступлениях, это также может выражаться в различных действиях, начиная с

¹ Владимир Путин потребовал радикального пересмотра «палочной системы» в Полиции // Русское Агентство Новостей: сайт. URL: <http://путин.ru-an.info/новости/владимир-путин-потребовал-радикального-пересмотра-палочной-системы-в-полиции> (дата обращения: 22.12.2023).

² За искажение официальной статистической отчетности должностные лица регионального управления внутренних дел привлечены к ответственности // News.myseldon: сайт. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/286183124> (дата обращения: 20.12.2023).

банального неприятия заявления о преступлении и его нерегистрации, заканчивая иными более изощренными действиями. Следует признать, что идет постоянный контроль подобных фактов со стороны подразделений, ответственных за учетно-регистрационную дисциплину. Широко используется практика «учебных вводных» о преступлениях и происшествиях. Принимая это во внимание, рядовые сотрудники пытаются скрыть факт совершения преступления иными способами, например: в рамках проведения предварительной проверки отражают недостоверные факты в объяснениях; не отражают существенные детали, которые свидетельствуют о противоправности совершенного деяния и, как результат, выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела либо списывают материалы проверки в номенклатурное дело в связи с отсутствием оснований для проведения проверки в рамках ст. 143–144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. По оценкам экспертов, «деяния, сокрытые от учета, таким образом, занимают наибольший удельный вес в структуре субъективно-латентной преступности» [20, с. 110].

Также в рамках сбора первоначального материала убеждают потерпевших в неэффективности правоохранительной системы; намеренно в разговоре с потерпевшими преувеличивают время и трудозатратность производства проверки, вследствие чего последние дают показания, направленные на прекращение всякого разбирательства по существу дела или начинают отрицать факт совершения в отношении них противоправного деяния¹. Также со стороны сотрудников органов внутренних дел на потерпевших может оказываться влияние путем насаж-

дения чувства ложной ответственности за дальнейшую судьбу лиц, совершающих противоправные деяния, призывов к мнимой добродетели. Зачастую потерпевшие, ведущие антиобщественный образ жизни, сообщив о совершенном в отношении них противоправном деянии, сами не хотят дальнейшего разбирательства и готовы быть привлечены к административной ответственности за заведомо ложный вызов полиции по ст. 19.13 Кодекса об административной ответственности Российской Федерации.

Частично данные факты выявляются как в рамках внутриведомственного контроля, так и прокурорского надзора, что находит свое отражение в официальной статистике. В качестве примера рассмотрим статистические данные за 2022 г. По итогам 2022 г. в производстве подразделений ОВД находилось 2 360 445 уголовных дел, из которых 204 556 были возбуждены при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (удельный вес +8,7), из них 131 246 уголовных дел были возбуждены в рамках осуществления надзорной деятельности органами прокуратуры, удельный вес данной категории дел увеличился на 64,2.

Субъектами, оказывающими влияние на уровень искусственной латентной преступности, являются две категории сотрудников ОВД:

- руководители и лица, ответственные за ведение статистических данных;
- рядовые сотрудники, в прямые обязанности которых входит регистрация и рассмотрение сообщений о преступлениях.

Справедливым будет отметить, что, помимо специфики ведения статистического учета, существует целый спектр других причин, обуславливающих данное явление. К ним можно отнести: личностные качества руководителей и рядовых сотрудников, проблемных потерпевших и правонарушителей, большую нагрузку и

¹ Муслев Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики производства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 147.

кадровый голод в системе МВД России, непрофессионализм, отсутствие необходимого практического опыта и формальную работу института наставничества, коррумпированность отдельных сотрудников и т. д. Однако, на наш взгляд, именно существующая специфика статистического учета и оценки эффективности деятельности ТОВД обуславливает ее системность и повсеместное распространение¹.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что рассмотреть криминологический аспект насильственной преступности против личности при существующем статистическом учете представляется возможным лишь условно, поскольку до настоящего времени в научной среде нет единого подхода к ее пониманию. Преступления, которые можно отнести к данной категории, рассредоточены по разным главам Уголовного кодекса Российской Федерации. Более того, дискуссионным остается вопрос отнесения корыстно-насильственных преступлений к категории насильственных преступлений против личности. Отсутствуют статистические формы, направленные на сбор сведений относительно насильственной преступности. Частичные сведения можно вычленивать из массива статистических данных о бытовой преступности, «пьяной преступности», учтенных преступлениях, совершенных при рецидиве, в общественных местах, и иных разделах статистической отчетности, что, в свою очередь, делает весьма трудозатратным формирование полноценной картины насильственной преступности, которая объективно существует на со-

временном этапе развития России, а для сотрудников практических органов просто нецелесообразным.

Разработка и внедрение статистических форм, направленных на сбор сведений о насильственной преступности против личности, которая бы включала сведения о насильственных преступлениях, содержащихся во всех главах Уголовного кодекса Российской Федерации, на наш взгляд, могла бы иметь ощутимый положительный эффект, как для теоретических исследований, так и для практической деятельности сотрудников ОВД. Постоянный мониторинг динамики изменения количественного и качественного состояния насильственной преступности позволил бы вовремя обратить внимание на ее отдельные направления, что подтверждается результатами проведенного исследования, а именно, несмотря на общее сокращение количества регистрируемых насильственных преступлений, выявлен рост такого рода преступлений, совершенных на сексуальной почве, а также против государственной власти, что дает основания полагать наличие определенных недостатков в работе системы правоохранительных органов и на этом фундаменте разработать необходимые рекомендации, направленные на их преодоление.

Трудно оценить реальный уровень латентной преступности, учитывая широкий круг причин, обуславливающих ее существование, в том числе «искусственной латентности», в образовании которой задействованы как руководители, так и рядовые сотрудники ОВД.

Реализация комплекса мер, направленных на повышение эффективности работы системы МВД России, с одной стороны, позволила значительно снизить количество фактов укрытия сообщений граждан о преступлениях и происшествиях от учета в официальной статистике. С другой стороны, рано говорить о полном

¹ Реакция МВД на обвинение в фальсификации статистики // Новости – другое мнение: сайт. URL: <https://o-mnogom.ru/reaktsiya-mvd-na-obvinenie-v-falsifikatsii-statistiki/> (дата обращения: 20.12.2023).

искоренении данной порочной практики, поскольку произошли видоизменения способов сокрытия реального количества преступлений сотрудниками полиции, продиктовав необходимость разработки новых управленческих решений, направленных на их выявление и пресечение. На наш взгляд, реально на сокращение уровня «искусственной латентной преступности» могло бы повлиять изменение системы, учета оценки эффективности деятельности ТОВД. Заметим, что оценивать результаты деятельности отделов полиции, обслуживающих территории с кратко отличающимся количеством населения, в соотношении друг с другом не в полной мере корректно. Поскольку совершение даже одного преступления рейтинговой категории на территории обслуживания отдела с маленьким количеством населения может существенно ухудшить его положение в общем зачете по сравнению с более крупными территориальными отделами, где фактически было совершено большее количество подобных преступлений, т. е. получается, чем больше количество населения и обслуживаемая территория, тем меньше «цена» одного преступления. С нашей точки зрения, большее внимание при оценке эффективности деятельности территориальных отделов полиции стоило бы обратить на мнение населения об

уровне их безопасности и защищенности, а при проведении экспертной оценки работать и ввести коэффициент, уравнивающий «цену» преступления для отделов полиции с принципиально разными характеристиками обслуживаемой территории.

Кроме того, дополнительного обсуждения и пересмотра требует ряд позиций, закрепленных приказом МВД России № 1040 в качестве рейтинговых. Например, на наш взгляд, звучит недостаточно обоснованно позиция о возмещении вреда потерпевшим, поскольку ставит перед сотрудниками несвойственную им задачу, более того, на практике может спровоцировать ситуацию, когда сотруднику будет «выгоднее» скрыть преступление, чем зарегистрировать и заниматься его расследованием и раскрытием. Например, в случае выявления оперативным сотрудником кражи имущества с производства в крупном или особо крупном размере лицом, которое будет не способно покрыть причиненный ущерб. С позиции влияния на рейтинг раскрытое преступление меньше повлияет на повышение рейтинговой позиции, чем увеличившаяся сумма не возмещенного ущерба на его снижение, и, как ни парадоксально, сотруднику будет «выгоднее» оставить без учета даже уже фактически раскрытое преступление.

Список литературы

1. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия: монография. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2000. 206 с.
2. Гишинский Я. И. Социальное насилие: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 185 с.
3. Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М.: ИНИОН, 2001. 99 с.
4. Насильственная преступность / С. В. Бородин, Г. Л. Кригер, С. В. Кудрявцев [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 1997. 139 с.
5. Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование: монография. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 275 с.

6. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления: монография. М.: Юрид. лит., 1974. 167 с.
7. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 298 с.
8. Базаров Р. А., Третьяков А. С. Уголовно-правовая превенция тяжких насильственных преступлений: монография. Челябинск: Урал. акад., 2004. 152 с.
9. Козаченко И. Я., Сабиров Р. Д. Уголовно-правовое понятие насилия // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: межвузовский сборник научных трудов / под ред. М. И. Ковалева [и др.]. Свердловск: Урал. ун-т, 1981. С. 18–28.
10. Ильяшенко А. Н. Борьба с насильственной преступностью в семье: монография / под ред. П. Г. Пономарева. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 186 с.
11. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 912 с.
12. Волконская Е. К. Криминологическое понятие рецидива насильственных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. №3. С. 140–146.
13. Антонян Ю. М., Волконская Е. К. Понятие насильственного преступления // Научный портал МВД России. 2013. № 1(21). С. 3–8.
14. Артюшина О. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 18–22.
15. Абельцев С. Н. Социальные свойства преступлений против личности // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 4(20). С. 84–88.
16. Татарников В. Г., Никитин Ю. П. Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3 (27). С. 24–33. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.3.4>.
17. Тищенко В. Н. Признаки объективного в динамике современной преступности в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 3(11). С. 148–154.
18. Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 107–130.
19. Квашиш В. Е., Генрих Н. В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 17–21.
20. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. 2-е изд. М.: Проспект, 2007. 120 с.

References

1. Abel'cev S. N. Lichnost' prestupnika i problemy kriminal'nogo nasiliya [Personality of a delinquent and problems of criminal violence]. Moscow, Zakon i pravo Publ., YUNITI Publ., 2000. 206 p.
2. Gilinskij Ya. I. Social'noe nasilie [Social violence]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2013. 185 p.

3. Antonyan Yu. M. Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii [Violent crime in Russia]. Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu v Rossii i za rubezhom [Topical issues of combating crime in Russia and abroad]. Moscow, INION Publ., 2001. 99 p.
4. Borodin S. V., Kriger G. L., Kudryavcev S. V., eds. Nasil'stvennaya prestupnost' [Violent crime]; ed. by V. N. Kudryavcev, A. V. Naumov. Moscow, Spark Publ., 1997. 139 p.
5. Skifskij I. S. Nasil'stvennaya prestupnost' v sovremennoj Rossii: ob"yasnenie i prognozirovaniye [Violent crime in modern Russia: explanation and prediction]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 2007. 275p.
6. Gauhman L. D. Nasilie kak sredstvo soversheniya prestupleniya [Violence as a means of committing a crime]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1974. 167 p.
7. Sharapov R. D. Fizicheskoe nasilie v ugodovnom prave [Physical violence in criminal law]. St. Petersburg, Yurid. centr Press, 2001. 298 p.
8. Bazarov R. A., Tret'yakov A. S. Ugolovno-pravovaya prevenciya tyazhkih nasil'stvennyh prestuplenij [Criminal law prevention of serious violent crimes]. Chelyabinsk, Ural Acad. Publ., 2004. 152 p.
9. Kozachenko I. Ya., Sabirov R. D. [The criminal law concept of violence]. *Ugolovnyj zakon i sovershenstvovanie mer bor'by s prestupnost'yu. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Criminal law and improvement of measures to combat crime. Inter-university collection of scientific papers]; ed. by N. M. Kovalev, eds. Sverdlovsk, Ural. Univ. Publ., 1981, pp. 18–28 (In Russ.)
10. Il'yashenko A. N. Bor'ba s nasil'stvennoj prestupnost'yu v sem'e [The fight against violent crime in the family]; ed. by P. G. Ponomarev. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2003. 186 p.
11. Luneev V. V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii [Crime of the XX century: global, regional and Russian trends]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2021. 912 p.
12. Volkonskaya E. K. Kriminologicheskoe ponyatie recidiva nasil'stvennyh prestuplenij [Criminological concept of recidivism of violent crimes]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3, pp. 140–146.
13. Antonyan YU. M., Volkonskaya E. K. Ponyatie nasil'stvennogo prestupleniya [The concept of violent crime]. *Nauchnyj portal MVD Rossii = The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 1 (21), pp. 3–8.
14. Artyushina O. V. Kriminologicheskaya harakteristika nasil'stvennoj prestupnosti v sovremennoj Rossii [Criminological characteristics of violent crime in modern Russia]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (20), pp. 18–22.
15. Abel'cev S. N. Social'nye svojstva prestuplenij protiv lichnosti [Social properties of crimes against the person]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2000, no. 4. (20), pp. 84–88.
16. Tatarnikov V. G., Nikitin Yu. P. Sistema prestuplenij protiv lichnosti i problemy ee sovershenstvovaniya [The system of crimes against the person and the problems of its improvement]. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Journal of Law*, 2020, no. 3 (27), pp. 24–33. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.3.4>
17. Tishchenko V. N. Priznaki ob"ektivnogo v dinamike sovremennoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Signs of the objective in the dynamics of modern crime in the Russian Federa-

tion]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Journal of Economics and Law*, 2009, no. 3 (11), pp. 148–154.

18. Inshakov S. M. Latentnaya prestupnost' kak ob'ekt issledovaniya [Latent crime as an object of research]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2009, no. 16, pp. 107–130.

19. Kvashis V. E., Genrih N. V. Sravnitel'nyj analiz latentnoj prestupnosti v Rossii i zarubezhnyh stranah: problemy metodologii i metodiki [Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems of methodology and methodology]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (36), pp. 17–21.

20. Gavrilov B. YA. Latentnaya prestupnost': ponyatie, struktura, faktory latentnosti i mery po obespecheniyu dostovernosti ugovnoy statistiki [Latent crime: concept, structure, latency factors and measures to ensure the reliability of criminal statistics]. 2nd ed. Moscow, Prospect Publ., 2007. 120 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Яхонтова Яна Сергеевна, адъюнкт, Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: yana.barnaul@gmail.com, ORCID: 0009-0002-2121-8589, Researcher ID IST-6587-2023

Yana S. Yakhontova, Adjunkt, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, e-mail: yana.barnaul@gmail.com, ORCID: 0009-0002-2121-8589, Researcher ID IST-6587-2023

УДК 93: 303.446.4

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>

Религиозность советской молодежи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов

А. В. Апанасенко¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность работы связана с эвристической значимостью уяснения места религиозных ценностей в жизни советского социума, а также необходимостью историографического осмысления процесса ретрансляции конфессиональных традиций в Советском Союзе.

Цель. Критический анализ сведений об уровне религиозности советской молодежи, публиковавшиеся отечественными авторами в 1920–1970-е годы.

Задачи: изучить статистические данные отечественных обществоведов относительно религиозности советской молодежи в 1920–1970-е годы; рассмотреть факторы, влиявшие на такого рода статистику; оценить соответствие последней реальной картине отношения младших поколений советских граждан к конфессиональным ценностям.

Методы. В ходе подготовки статьи автор опирался на традиционную методологию историко-социологического исследования: историко-статистический, сравнительно-исторический методы, а также метод исторической индукции.

Результаты. В работе рассмотрена динамика изменения данных о религиозности молодых граждан СССР, получаемых советскими обществоведами в ходе опросов 1920–1970-х годов, рассмотрены причины резкого падения декларируемого уровня религиозности школьников и студентов с 1930-х годов, сопоставлены опубликованные и неопубликованные сведения об отношении представителей этих социальных категорий к конфессиональной культуре.

Выводы. В статье показано, что уровень религиозности молодежи, демонстрируемый советским обществоведением, в течение пяти десятилетий уменьшился на порядок. Сделан вывод, что данные по соответствующей проблематике публиковались избирательно, отражая лишь приемлемые с идеологической точки зрения результаты опросов. Получать такие результаты обществоведам обычно помогали и сами опрашиваемые, стремившиеся оставаться в глазах наблюдающих инстанций «сознательными» гражданами. При этом за внешне демонстрируемым молодыми людьми скепсисом в отношении религии часто скрывались сомнения в атеистической картине мира либо интерес к конфессиональным традициям как одной из основ культуры.

Ключевые слова: история СССР; советская молодежь; конфессиональная культура; социология религии.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенко А. В. Религиозность советской молодежи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 148–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>.

Поступила в редакцию 29.01.2024

Принята к публикации 14.03.2024

Опубликована 27.04.2024

© Апанасенко А. В., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(2): 131–147

The Religiosity of Soviet youth in the Mirror of Domestic Social Studies of the 1920-1970s.

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is related to the heuristic significance of clarifying the religious values place in the life of Soviet society, as well as the need for a historiographical understanding of the process of relaying confessional traditions in the Soviet Union.

The purpose of the research: a critical analysis of information on religiosity level of Soviet youth, published by Russian authors in the 1920–1970s.

Objectives: to study the statistical data of domestic social scientists regarding the religiosity of Soviet youth in the 1920–1970s; to consider the factors that influenced such statistics; to assess the correspondence of the published statistics to the real picture of the younger generations of Soviet citizens attitude to confessional values.

Methods. During the preparation of the paper the author relied on the traditional methodology of historical and sociological research: historical-statistical, comparative-historical methods, as well as the method of historical induction.

Results. The paper examines the dynamics of changes in data on the religiosity of young USSR citizens obtained by Soviet social scientists during surveys of the 1920–1970s, examines the causes of a sharp drop in the declared level of religiosity of schoolchildren and students since the 1930s, compares published and unpublished information about the attitude of representatives of these social categories to confessional culture.

Conclusions. The research shows that the level of youth religiosity demonstrated by Soviet social studies has decreased tenfold over the past five decades. It is concluded that the data on the relevant issues were published by voters, reflecting only the results of the polls acceptable from an ideological point of view. To obtain such results, social scientists were usually helped by the interviewees themselves, who sought to remain "conscious" citizens in the eyes of the observing authorities. At the same time, the outwardly demonstrated skepticism of religion by young people often hid doubts about the atheistic picture of the world or interest in confessional traditions as one of the foundations of culture.

Keywords: history of the USSR; Soviet youth; confessional culture; sociology of religion.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V. The Religiosity of Soviet Youth in the Mirror of Domestic Social Studies of the 1920-1970s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 148–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>

Received 29.01.2024

Accepted 14.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Отечественная история XX в. связана со множеством глобальных метаморфоз: политических, экономических, социальных, культурных. Едва ли не самой удивительной из них стало быстрое превращение «набожной» Российской империи

в «атеистический» СССР. Страна, в которой нескрываемое безбожие считалось вызовом общественной морали и даже власти, за считанные годы переродилась в государство, всячески поощряющее активную антирелигиозную деятельность. Указывая на быстрое духовное преобразование советского общества, представите-

ли «Союза воинствующих безбожников» собирались покончить с «религиозным дурманом» уже в течение 1930-х гг. [1, p.13–14] После краха этой организации борцы с религией некоторое время не давали столь краткосрочных прогнозов, однако уже в 1961 г. Н. С. Хрущев пообещал в обозримой перспективе показать по телевизору «последнего попа» [2, с. 375].

Какие основания надеяться на полную и бесповоротную победу атеизма в СССР были у поборников такого рода проектов? В основе их уверенности (искренней или мнимой) лежал партийный тезис о том, что люди, воспитанные при советской власти, скажут уверенное «нет» религиозному мировоззрению и при этом помогут изменить свои взгляды старшим. Этот тезис закономерно вытекал из советской идеологии: материалистическая философия и сциентизм, лежавшие в основе коммунистического взгляда на мир, позволяли приверженцам этого взгляда рассматривать религиозные верования и практики лишь в качестве «пережитков». Практическое воплощение принципов социальной справедливости, рост материального достатка и уровня образования масс должны были, по мысли КПСС, лишить традиционную конфессиональную культуру ее фундаментальных основ (каковыми считались социальные антагонизмы, бедность и невежество). Соответственно, на протяжении нескольких десятилетий советские идеологи через научно-популярную литературу и средства массовой информации активно формировали в общественном сознании представление о том, что религия (и в первую очередь наиболее распространенное в СССР православие) – удел старшего поколения, не успевшего стать вполне «сознательным». Типичный верующий в рамках этого представления – это пожилая малообразованная женщина, домохозяйка, или вышедшая на пенсию старушка [3, с. 38]. Религиозность молодых людей, воспитанных при советской

власти, напротив, рассматривалась как нонсенс.

История показала, что план победы над религией посредством полной атеизации советской молодежи оказался утопией. Несмотря на систематическую борьбу с конфессиональными традициями, межпоколенческая ретрансляция последних так или иначе происходила (в противном случае на постсоветском пространстве не был бы возможен религиозный ренессанс конца XX в.). Однако важным представляется вопрос о том, какая именно часть молодежи сохраняла интерес к конфессиональным ценностям на разных этапах советской истории. Несмотря на явную эвристическую значимость (соответствующие данные серьезно обогатили бы имеющиеся представления о духовной жизни страны Советов), он остается малоисследованным в отечественной историографии. В трудах признанных специалистов по отечественной церковной истории XX в.: Д. В. Поспеловского [4], М. И. Одинцова [5], М. В. Шкаровского [2] – можно найти немало упоминаний об участии молодых людей в тех или иных религиозных практиках на протяжении всего периода существования СССР или, например, о росте интереса студентов к православной культуре в позднесоветский период. Однако отдельные факты такого рода не дают общего представления об уровне религиозности юных/молодых граждан Советского Союза.

Начать формирование такого рода картины логично с изучения статистических данных, собиравшихся в свое время советскими обществоведами (педагогами, социологами, представителями «научного атеизма»). Однако что собой представляют эти данные и в какой мере им можно доверять? Автор статьи стремится до некоторой степени разобраться в этом вопросе. Цель работы – проанализировать сведения об уровне религиозности советской молодежи, публиковавшиеся отечественными авторами в 1920–70-е гг.

При этом предполагается, во-первых, изучить статистические выкладки соответствующего характера; во-вторых, рассмотреть факторы, влиявшие на такого рода статистику; в-третьих, оценить соответствие последней реальной картине отношения младших поколений советских граждан к конфессиональным ценностям.

Методология

В предметном поле данной работы оказались данные о религиозности той части советского общества, которая в обществоведении 1920–70-х гг. чаще всего обобщенно называлась «молодежью». Сюда обычно включались школьники, студенты средних профессиональных и высших образовательных учреждений, военнослужащие-срочники, т. е. все те, кто находился в процессе активной социализации и оставался объектами воспитательных усилий со стороны государственных и партийных инстанций. Соответствующие данные были собраны автором из публикаций советских обществоведов, представлявших как раннесоветский, так и позднесоветский периоды. Кроме того, в работе использовались архивные материалы из фонда Совета по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР Государственного архива Российской Федерации. Представители СДР изучали конфессиональную жизнь на местах, пытаясь в том числе зафиксировать тот или иной уровень «религиозности» разных социальных групп.

В ходе подготовки статьи автор опирался на традиционные методы историко-социологического исследования. В частности, активно применялись историко-статистический метод, обусловивший активное использование количественных данных о молодых людях, признававших себя верующими в тот или иной период, сравнительно-исторический метод, предполагающий сопоставление сведений по разным десятилетиям, а также метод исторической индукции, дающий возмож-

ность формулировать общие выводы на основе сбора и описания многообразных эмпирических данных.

Результаты и их обсуждение

История попыток измерить уровень религиозности советской молодежи началась вскоре после окончания Гражданской войны, когда новая власть задавалась целью составить представление о первых результатах своей антицерковной политики, а также наметить фронт для будущей идеологической «борьбы за души». По заданию центральных партийных инстанций представителями местных ячеек в 1922–1923 гг. были собраны данные (разумеется, далеко не полные) о соблюдении гражданами религиозных обрядов. Согласно полученной информации, среди молодых людей мужского пола (до 24 лет) в обрядовой жизни участвовало 62,6%, среди девушек и молодых женщин того же возраста – 71,5% [6, с. 65]. С точки зрения большевиков, эти данные говорили о действенности принятых в первые годы советской власти мер, которые были направлены на отчуждение молодых граждан от церкви (уровень вовлеченности в обрядовую жизнь представителей старших поколений, согласно тем же опросам, оказался существенно выше). В то же время, будучи обобщенными и разбитыми лишь по признаку половой принадлежности, они не давали представления об уровне религиозности в рамках отдельных социальных категорий. Поскольку атеистическая пропаганда требовала более конкретных сведений о влиянии «пережитков» в разных слоях общества, последующие опросы чаще всего проводились более адресно. Так, например, в 1925 г. в СССР было организовано анонимное анкетирование 2587 красноармейцев-срочников (поскольку в армию на тот момент уходили в 20 лет и служили от полутора до двух с половиной лет, можно заключить, что исследователи имели дело с молодыми людьми 20–22 лет). Перед красноармейцами был

поставлен вопрос об их отношении к вере (вопрос об обрядности во время нахождения в советской армии, естественно, терял смысл). Из всех опрошенных верующими себя признали 28%, еще 32% заявили об отходе от религии во время службы. Таким образом, было установлено, что доля верующих среди призывников составляла не менее 60%. Что касается «отошедших» от веры, то искренность их ответов вызвала у исследователей сомнения: многие из них указали дату отхода, совпавшую с датой призыва в армию, а некоторые вдобавок заявили, что после демобилизации будут опять посещать церковь¹. В ходе опроса другой группы красноармейцев были получены данные о том, что верующими себя признают 42% молодых солдат, неверующими – 34%, а 24% относятся к категории колеблющихся [7, с. 58–59].

В 1927 г. было организовано первое относительно крупное обследование на предмет религиозности молодежи школьного возраста. Опрос, проведенный в восьми школах Сокольнического района Москвы, показал, что религиозными себя готовы назвать от 12,1 до 33,3% мальчиков и от 30,8 до 65% девочек. Общая доля детей, признавших себя верующими, ни в одной школе не была ниже 26,8%, но и не поднималась выше 46,1%. Общая доля религиозных школьников составила 42% [8, с. 57–62]. Эти данные попытался уточнить и расширить известный педагог П. П. Блонский, который инициировал в 1928 г. в том же Сокольническом районе ряд опросов. Последние дали возможность установить факт постепенного уменьшения доли явно религиозных школьников в зависимости от возраста. Так, среди первоклассников (или, как тогда говорили, первокурсников) таковых оказалось 60,7%, среди четвероклассников – 24%, а среди семиклассников – всего лишь 5% (впрочем, долю религиозных молодых людей соответствующего возраста, включая тех, кто не пошел в стар-

шие классы, Блонский оценил в 15–20%) [9, с. 535–543]. Склонность к религиозности советский педагог-теоретик увидел прежде всего у девочек и «умственно неразвитых» учащихся, процесс освобождения от веры в Бога он связал как с атеистическим влиянием учителей, так и с ослаблением религиозного влияния семьи на старших школьников [9, с. 545].

Опросы, проводившиеся в 1927–1928 гг. в других регионах (в Ленинграде, Туле, Пскове, Казани, Севастополе, Владивостоке), показали, что заявить о своей религиозности в этот период были готовы примерно 50% детей до 12 лет, 30–40% подростков 12–15 лет и 20–30% молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет [10, с. 29]. А. В. Луначарский, обобщивший результаты нескольких социологических исследований, на Втором Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников в 1929 г. заявил, что примерно половина учеников высших классов в СССР – атеисты. При этом он подчеркнул, что процесс «расцерковления» молодежи идет гораздо быстрее, чем в случаях с другими возрастными категориями: общую долю верующих в стране первый советский нарком просвещения оценил тогда же в 80% [11, с. 164].

Данные Луначарского и его коллег, собиравшиеся до конца 1920-х гг., разумеется, можно до некоторой степени ставить под сомнение (все-таки данные собирались теми, кто позиционировал себя в качестве атеистов). Тем не менее озвучивавшие/публиковавшие их специалисты претендовали на научность и готовы были к дебатам в рамках публичного обсуждения соответствующих цифр. Объявление же И. В. Сталиным «Великого перелома» в 1929 г. фактически предопределило постепенное прекращение сколь-нибудь плодотворных социологических изысканий. Политика форсированного преобразования страны (не только социально-экономического, но и культурного) привела советских общественников к необходимости соотносить выдава-

¹ Спутник политработника. 1926. № 23.

емые данные с партийными установками, требовавшими быстрой победы над «пережитками». Приведем красноречивый пример. Как уже отмечалось, в 1922–1923 гг. в стране была зафиксирована доля молодых людей мужского пола (до 24 лет), соблюдающих религиозные обряды, равная 62,6%. В 1934 г. эта доля оценивалась всего лишь в 1%! [6, с. 65]. Данные, которые могли бы поставить под сомнение партийные оценки духовного преобразования общества, перестали публично обсуждаться. Так, до 1990 г. оставались засекреченными результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г., в ходе которой около двух третей населения страны назвали себя верующими [12, с. 120–122]. В таких условиях пытаться собрать, и тем более опубликовать сколь-нибудь объективные данные об отношении молодежи к религии было бессмысленно и опасно. Соответственно, практика опросов, подобных тому, что проводил П. П. Блонский, фактически сходит на нет, а советские авторы просто констатируют победу материалистического мировоззрения в стране победившего социализма. Даже после Великой Отечественной войны (ознаменовавшейся, как известно, конфессиональным подъемом в Советском Союзе) издания образованного в 1947 г. Всесоюзного общества «Знание» констатировали, что подавляющее большинство советских людей отказалось от религиозных «пережитков», а сообщества верующих составляют в основном пенсионеры и люди, не сумевшие получить сколь-нибудь серьезного образования [13, с. 5].

К конкретно-социологическим исследованиям религиозности граждан СССР (в том числе молодежи) отечественное обществоведение вернулось лишь в 1960-е гг. Впрочем, социология религии позднесоветского периода также стремилась подчеркнуть, что присутствие среди верующих юношей и девушек – крайне редкое, не характерное для общества развитого социализма явление. При-

ведем несколько примеров. Исследование, проведенное в 1965 г. в Воронеже и Воронежской области, охватившее 7997 человек в возрасте от 16 до 30 лет, показало, что количество убежденных верующих среди молодежи составляет 1,4%, колеблющихся – 5,7%. При этом процент верующих в сельской местности примерно в полтора раза превысил процент верующих в городе. Организаторами опроса также была отмечена прямая зависимость уровня религиозности от рода занятий молодежи. Молодых колхозников, признавших себя верующими, оказалось 14,6%, неквалифицированных рабочих – 13,4%, военнослужащих первого года службы – 10,2%, учащихся общеобразовательных школ – 1,1%, студентов – 1,7% [14, с. 132–139]. Как видно, наиболее молодые граждане – школьники и студенты – оказались наименее склонны называть себя верующими.

В начале 1970-х гг. сотрудниками кафедры этики, эстетики и научного атеизма Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена совместно с представителями Музея истории религии и атеизма было организовано обследование учащихся 28 ленинградских школ. Из 1619 опрошенных школьников восьмидесятых классов верующими себя назвали 24 человека (что составило 1,5%), колеблющимися – еще 34 (2,4%) [10, с. 31]. Аналогичное обследование в Одессе и Одесской области, проведенное в тот же период среди 800 юношей и девушек, показало религиозность на уровне 2,5% [3, с. 70]. Наконец, опрос 1030 студентов первого курса Ленинградского электротехнического института и 500 выпускников других вузов города (университета, театрального и горного институтов, а также консерватории) показал, что из них только 18 человек (1,2%) оказались готовы признать себя верующими [10, с. 31]. При этом уровень религиозности советского социума в целом оценивался социологами на порядок выше. К началу семидесятых советские обществоведы

писали о том, что доля верующих составляет 10–20% от всего населения СССР [15, с. 128; 16, с. 54]. В 1978 г. известный отечественный социолог В. Д. Кобецкий говорил о 15–20% [10, с. 24].

Насколько мизерные социологические показатели отражали реальное положение дел в сфере религиозности советской молодежи? Разумеется, младшие поколения практически всегда демонстрируют меньше заинтересованности в конфессиональных вопросах, чем старшие, а обстановка в советских образовательных учреждениях точно не способствовала укреплению религиозной веры (если таковая прививалась в рамках семейного воспитания). Однако декларируемый уровень религиозности школьников и студентов порядка 1–2% все же выглядит явно заниженным: такое состояние дел привело бы к остановке ретрансляции и в перспективе практически к полному исчезновению конфессиональных традиций. На практике молодежь нередко можно было видеть в церквях как в послевоенное время, так и в позднесоветский период, о чем говорят многочисленные свидетельства современников [17]. Значило ли это, что статистические данные просто фальсифицировались? Думается, что такой ответ был бы излишне упрощенным: если и говорить о «фальсификации», то надо признать, что в ней прежде всего участвовали сами опрашиваемые.

Чтобы проиллюстрировать последнюю мысль, обратимся еще раз к уже упоминавшемуся исследованию П. П. Блонского, организовавшего ряд опросов школьников Сокольнического района Москвы в конце 1920-х гг. Характеризуя условия проведения этого исследования, педагог описывает характерный эпизод. В одном из классов учительница устно стала спрашивать своих учеников, кто из них верующий, а кто – нет. Выяснилось, что 20 детей верят в Бога, а 3 – не верят. После подведения итога учительница заявила, что сама она относится к числу

атеистов. Большинство учеников тут же решило изменить свои ответы: при новом подсчете оказалось, что в классе 5 верующих и 18 неверующих. Дети, совсем недавно признавшие себя верующими, внезапно стали обосновывать свою нерелигиозность, указывая на то, что они не ходят в церковь, не носят крестиков и т. п. [9, с. 535–536]

Представляется, что в описанном случае пятнадцать из двадцати трех опрошенных школьников продемонстрировали то, что Б. Фирсов охарактеризовал как распространенную особенность советского общественного сознания и назвал двоемыслием, т. е. способностью иметь два взаимоисключающих мнения одновременно [18, с. 66]. Очевидно, что учащиеся столичной школы раннесоветского периода в большинстве случаев представляли более-менее религиозные семьи и с малых лет были привычны к идее Бога. В то же время обучение в материалистически ориентированной советской школе поставило эту идею под сомнение, а желание добиться социального успеха (который в детскую пору начинается с одобрения и похвал учителя) заставляло подавлять религиозные чувства. В итоге школьники учились проявлять мировоззренческую гибкость, в том числе привыкали по-разному выражать свое отношение к религиозным ценностям в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Разумеется, причины, побудившие описанный П. П. Блонским класс формально изменить свое отношение к религии в конце 1920-х гг., оставались актуальными для школьников и, тем более, студентов, опрашиваемых в 1960–70-е гг. Укрепившаяся к этому времени советская идентичность, а также действующие в школе/институте/армии нормы заставляли даже воспитанных в религиозных семьях молодых людей давать «правильные» ответы. При этом выражение скептического отношения к религии нередко сопровождалось разного рода смягчаю-

щими оговорками. Так, в 1967 г., т. е. через три года после окончания масштабной антирелигиозной кампании, десятиклассникам школ Ленинграда было предложено написать сочинение на тему «Мое отношение к религии». Будучи в подавляющем большинстве членами комсомола и отлично понимая, какую точку зрения желательно выразить в работах (последние нужны были для подтверждения результативности атеистического воспитания в средней школе), учащиеся в основной массе написали об отрицательном отношении к религиозному мировоззрению. В то же время внимательное изучение сочинений (частично отправленных даже в Совет по делам религий) продемонстрировало, что уверенности по поводу установок научного атеизма старшеклассники не испытывали и нередко, написав несколько шаблонных фраз, выражали свои сомнения. Вот, например, характерный отрывок из сочинения ученицы 10 класса школы №199 (он цитируется в аналитическом обзоре СДР): «Я вообще не интересовалась религией, но выступаю против нее. ...Помоему, отдельные верующие не приносят вреда. Вот, например, у меня верующая бабушка... Верующие – идеалисты, а неверующие – материалисты, и между ними происходит классовая борьба. Но вот я не понимаю, как может происходить классовая борьба между мной и бабушкой?». Ученик другой ленинградской школы в своем сочинении писал, что, наверно, нужно признать правоту ученых, «доказавших, что Бога нет», но при этом отмечал: «У меня бывает иногда очень странное чувство, когда я очень хочу, чтобы бог действительно был... Очень хотелось бы, чтобы власть над всем миром была бы в руках какого-то доброго, честного, пускай и сверхъестественного существа... Я просто в восторге от церковных праздников, обрядов» [19, л. 51].

Еще один пример фактического несоответствия итоговых социологических данных о религиозности молодежи

ее реальным настроениям относится к упоминавшемуся выше опросу ленинградских студентов. Как следует из опубликованных в 1976 г. результатов исследования, учащиеся пяти местных вузов «как будущие специалисты, которым предстоит решать не только производственные задачи, но и задачи воспитательные», были призваны охарактеризовать свои взгляды на религию и атеизм. Подавляющее большинство закономерно выразило положительное отношение к атеизму и скептическое – к религии. При этом, однако, некоторые «похвалившие» атеизм студенты заявили, что религия формирует нравственные отношения между людьми, проповедует гуманизм, может дать человеку нравственный идеал. Обозначая критическое отношение к религиозным праздникам, часть молодых людей одновременно назвала их «вполне приемлемой формой проведения досуга», а также призналась в посещении церквей [20, с. 22].

Такого рода настроения порой приводили собирателей статистики и к неудовлетворительным (с идеологической точки зрения) результатам. Последние, естественно, не публиковались. Например, в информационном обзоре Совета по делам религии за 1967 г. говорится, что, согласно проведенным в северной столице исследованиям, до 49% местных школьников «подвергаются религиозному влиянию». По итогам опроса об отношении к религии самих учащихся 70% молодых людей дали отрицательную оценку религии, а 30% высказались положительно или ответили «не знаю». Учитывая, что опрос не был анонимным, его результаты выглядели довольно вызывающими. Исследования в других советских городах также порой показали отсутствие единства среди учащихся в вопросах отношения к традиционной конфессиональной культуре. Например, в том же обзоре СДР говорится об опросе школьников в Астрахани. Из 250 опрошенных учащихся 5–8 классов 59 человек

(т. е. 23%) заявили, что верят в Бога. При этом регулярно отмечающих религиозные праздники вместе с родителями оказалось существенно больше – 112 человек (45%) [19, л. 51]. В 1972 г. председатель СДР В. А. Куроедов в докладе «для служебного пользования» отмечал, что в Мордовской АССР, а также ряде регионов Белоруссии, Украины, Молдавии доля верующих среди школьников составляет порядка 15%, а в ряде вузов зафиксирована религиозность у пяти с лишним процентов студентов [21, л. 73].

Результаты упомянутых исследований (как опубликованные, так и сохранившиеся лишь в виде архивных документов) демонстрируют широкую палитру отношения советской молодежи к религиозной (и прежде всего православной) культуре. Очевидно, что, давая молодым людям представление о желательной идейной установке (т. е. позиции атеиста), учителя/преподаватели не могли окончательно убедить их в правильности этой установки. В результате значительная часть молодежи, высказываясь скептически по отношению к религии, в то же время оставалась внутренне колеблющейся. Эти сомнения давали церквям надежду на пополнение рядов прихожан несмотря на антирелигиозную политику государства. Так, в 1960-е гг. между учащимися Ленинградской духовной семинарии и их преподавателем – доцентом А. Ф. Шишкиным – произошел разговор о вероятности исчезновения православной культуры в СССР. Семинаристы спросили своего наставника, стоит ли им учиться, ведь когда-нибудь они могут оказаться без прихожан из-за оттока молодежи из православных церквей. Пожилой доцент ответил: «30 лет я служу, 30 лет слышу, что верующие – это старики, что они скоро вымрут и верующих не останется. Но ведь разговор этот длится уже 30 лет. И, вероятно, те, кто сегодня является стариками, 30 лет тому назад были молодыми...» [22, с. 169].

Думается, А. Ф. Шишкин хоть и не прямо, но довольно точно обозначил неудачу системы атеистического воспитания: она не смогла сообщить молодым людям уверенность в истинности материалистической картины мира. Представители «далекой от религии» советской молодежи в действительности не всегда оказывались столь непримиримы по отношению к традиционной конфессиональной культуре, как того хотелось бы идеологам КПСС, иначе бы повзрослевшие (постаревшие) граждане не приходили бы в церковь. Симптоматичен следующий факт: на закате советской эпохи (в 1988 г.) председатель СДР К. М. Харчев заявил о необходимости отбросить стереотип о религии как уделе пожилых людей. Он отметил, что в православных храмах можно встретить не только «бабок», но также трудоспособное население и много молодых людей [23].

Выводы

Итак, попытки советских авторов научно отразить процесс преодоления религиозности в среде молодых граждан СССР закончились неудачей. По мере строительства и развития социализма, ассоциировавшегося с «новым миром» не только в социально-экономическом, но и в культурном смысле, советское обществоведение все больше зависело от заложенной в коммунистическую идеологию логики. Согласно последней религиозность должна была стремительно изживаться в процессе преодоления несправедливости, бедности и невежества, а носителями нового мировоззрения должны были становиться как раз молодые люди. Поставить под сомнение победу над религией в молодежной среде значило усомниться в успехах коммунистического проекта, поэтому отечественные обществоведы как минимум с момента «Великого перелома» были вынуждены преувеличивать успехи атеистического воспитания. Если в 1920-е гг. небеспристрастная советская социология пыталась

предложить обществу более-менее правдоподобные количественные данные о масштабах отхода новых поколений граждан от церковной жизни, то в 1930–50-е гг. авторы чаще всего просто констатировали разрыв подавляющего большинства населения с «предрассудками».

Возродившаяся в 1960-е гг. социология религии вновь обратилась к количественным данным, однако последние публиковались избирательно, отражая результаты лишь «удачных» с идеологической точки зрения опросов. В зеркале последних уровень религиозности школьников и студентов СССР в позднесоветский период составлял ничтожные

1–2%. Получать такие результаты обществоведам обычно помогали и сами опрашиваемые, стремившиеся оставаться в глазах наблюдающих/контролирующих инстанций «сознательными» гражданами. Реальная ситуация в сфере молодежной религиозности, освещавшаяся в том числе в непредназначенных для опубликования аналитических документах Совета по делам религий, оставалась неоднозначной. За внешне демонстрируемым молодыми людьми скепсисом по отношению к религии часто скрывались сомнения в атеистической картине мира либо интерес к конфессиональным традициям как одной из основ культуры.

Список литературы

1. Peris D. *Storming the heavens: the Soviet league of the militant godless*. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Шкаровский М. В. *Русская православная церковь в XX веке*. М.: Вече, 2010. 478 с.
3. Ануфриев Л., Кобецкий В. *Религиозность и атеизм (Социологические очерки)*. Одесса: Маяк, 1974. 152 с.
4. Поспеловский Д. В. *Русская православная церковь в XX веке*. М.: Республика, 1995. 511 с.
5. Одинцов М. И. *Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг.* М.: РОССПЭН, 2014. 421 с.
6. СССР – страна социализма: статистический сборник. М.: Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. 210 с.
7. Итоги анкеты по религиозному вопросу среди молодых красноармейцев // *Антирелигиозник*. 1926. № 6. С. 58–59.
8. Тарараев А. Отношение к религии у окончивших школу-семилетку (итоги одной анкеты) // *Антирелигиозник*. 1928. №3. С. 57–62.
9. Блонский П. П. *Религиозность и нерелигиозность наших школьников* // *Избранные педагогические произведения*. М.: Изд-во Акад. педагогических наук РСФСР, 1961. С. 534–546.
10. Кобецкий В. Д. *Социологическое изучение религии и атеизма*. Л.: ЛГУ, 1978. 118 с.
11. *Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда союза воинствующих безбожников*. М.: Безбожник, 1930. 448 с.
12. *Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сборник документов и материалов* / [сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков]. М.: РОССПЭН, 2007. 318 с.
13. Худяков С. Н. *О преодолении религиозных предрассудков*. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 32 с.
14. Тепляков М. К. *Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества (по материалам конкретных исследований в Воронежской области)* // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 4. М.: Мысль, 1967. С. 130–156.

15. Кобецкий В. Д. Исследование динамики религиозности населения в СССР // Атеизм. Религия. Современность. Вып. 1. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. С. 116–130.
16. Сухов А. Д. Религия как общественный феномен. М.: Мысль, 1973. 144 с.
17. Апанасенок А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 205–216.
18. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, практики. СПб.: Европейский Дом, 2008. 544 с.
19. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152.
20. Данилов Д. Г., Кобецкий В. Д. Общественное мнение и научно-атеистическая пропаганда. Л.: Знание, 1976. 38 с.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976.
22. Кобецкий В. Д. Обряд крещения как проявление религиозности // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / под ред. И. Д. Пацхава. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1969. С. 162–173.
23. Религия и перестройка // Русская мысль. 1988. 22 мая.

References

1. Peris D. Storming the heavens: the Soviet league of the militant godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Shkarovskii M. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 478 p.
3. Anufriev L., Kobetskii V. Religioznost' i ateizm (Sotsiologicheskie ocherki) [Religiosity and Atheism (Sociological essays)]. Odessa, Mayak Publ., 1974. 152 p.
4. Pospelovskii D. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
5. Odintsov M. I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma, 1917–1953 gg. [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist Socialism, 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 421 p.
6. SSSR – strana sotsializma. Statisticheskii sbornik [The USSR is a country of socialism. Statistical collection]. Moscow, Red.-izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR Publ., 1936. 210 p.
7. Itogi ankety po religioznomu voprosu sredi molodykh krasnoarmeytsev [Results of a questionnaire on a religious issue among young Red Army soldiers]. *Antireligioznik = Antireligious*, 1926, no. 6, pp. 58–59.
8. Tararaev A. Otnoshenie k religii u okonchivshikh shkolu-semiletku (itogi odnoi ankety) [Attitude to religion among those who graduated from school for seven years (the results of one questionnaire)]. *Antireligioznik = Antireligious*, 1928, no. 3, pp. 57–62.
9. Blonskii P. P. Religioznost' i nereligioznost' nashikh shkol'nikov [Religiosity and non-religiosity of our schoolchildren]. Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya [Selected pedagogical works]. Moscow, Izd-vo Akad. pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1961, pp. 534–546.
10. Kobetskii V. D. Sotsiologicheskoe izuchenie religii i ateizma [The sociological study of religion and atheism]. Leningrad, LGU Publ., 1978. 118 p.
11. Stenograficheskii otchet Vtorogo Vsesoyuznogo s"ezda soyuza voinstvuyushchikh bezbozhnikov [Verbatim report of the Second All-Union Congress of the Union of Militant Atheists]. Moscow, Bezbozhnik Publ., 1930. 448 p.
12. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Union population census of 1937: general results. Collection of documents and ma-

terials]; compilers V. B. Zhiromskaya, Yu. A. Polyakov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 318 p.

13. Khudyakov S. N. O preodolenii religioznykh predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev, Gos. izd-vo Moldavii, 1951. 32 p.

14. Teplyakov M. K. Pobeda ateizma v razlichnykh sotsial'nykh sloyakh sovetskogo obshchestva (po materialam konkretnykh issledovaniy v Voronezhskoi oblasti) [The victory of Atheism in various social strata of Soviet society (based on the materials of specific studies in the Voronezh Region)]. Voprosy nauchnogo ateizma [Questions of scientific Atheism]. Is. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1967, pp. 130–156.

15. Kobetskii V. D. Issledovanie dinamiki religioznosti naseleniya v SSSR [A study of the dynamics of the religiosity of the population in the USSR]. Ateizm. Religiya. Sovremennost' [Atheism. Religion. Modernity]. Is. 1. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1973, pp. 116–130.

16. Sukhov A. D. Religiya kak obshchestvennyi fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 144 p.

17. Apanasenok A. V. "Gospodi, pomogi mne sdats' ekzamen": pravoslavnye praktiki sovetskikh uchashchikhsya v 1940–1960-e gg. ["Lord, help me to pass the exam": Orthodox practices of Soviet students in the 1940s and 1960s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 5, pp. 205–216.

18. Firsov B. M. Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya, praktiki [Diversity of opinion in the USSR, 1940s–1960s: History, theory, practices]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2008. 544 p.

19. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [The State Archive of the Russian Federation], f. 6991, op. 5, d. 152.

20. Danilov D. G., Kobetskii V. D. Obshchestvennoe mnenie i nauchno-ateisticheskaya propaganda [Public opinion and scientific atheistic propaganda]. Leningrad, Znanie Publ., 1976. 38 p.

21. GARF, f. 6991, op. 5, d. 976.

22. Kobetskii V. D. Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. Konkretno-sotsiologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya [A concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education]; ed. by I. D. Patskhava. Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1969, pp. 162–173.

23. Religiya i perestroika [Religion and perestroika]. *Russkaya mysl' = Russian Thought*, 1988, May 22.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-160-172>

Развитие трактирного законодательства в ходе подготовки винной реформы 1863 года в России

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Винная реформа 1863 года – важный этап в совершенствовании российского законодательства о трактирном промысле. Но деятельность Особого комитета по разработке трактирного законодательства в историографии не получила должного освещения. Поднятая в статье проблема весьма актуальна для верной интерпретации истории трактирных заведений.

Цель – показать деятельность Особого комитета, возглавляемого А. П. Заблоцким-Десятовским, по развитию трактирного законодательства в России.

Задачи, вытекающие из обозначенной цели, сводятся к тому, чтобы: описать состояние трактирного промысла накануне винной реформы; раскрыть ход подготовки «Положения о трактирном промысле»; выделить требования, законодательно предъявленные к трактирным заведениям.

Методология статьи включает в себя принципы объективности, историзма и системности, которые дополнили историко-хронологический, историко-сравнительный методы исследования.

Результаты. Общее законодательство, регулировавшее деятельность трактирных заведений, долгое время в России отсутствовало, разные законы регулировали трактирную промышленность в столицах, портовых, губернских, уездных городах. Они были обширны, запутаны, стесняли инициативу держателей гостиниц, но оставляли без указаний многие моменты деятельности. Правительство вело разработку трактирного законодательства продолжительное время. Заслуга в создании общероссийского «Положения о трактирных заведениях» принадлежит Особой комиссии под руководством А. П. Заблоцкого-Десятовского. Данную работу она осуществила в рамках подготовки винной реформы. «Положение о трактирных заведениях» стало основополагающим документом, которое определило на несколько десятилетий условия и характер трактирного дела.

Вывод. Высочайше утвержденное 4 июля 1861 года «Положение о трактирных заведениях» соответствовало духу времени. Оно позволило установить четкие правила функционирования трактирных заведений. Численность их во второй половине XIX века значительно выросла, бюджетные поступления с трактиров стали видной частью бюджетов всех уровней.

Ключевые слова: винная реформа; трактирные заведения; гостиницы; гостиничное дело; Особый комитет; Положение о трактирном промысле.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-2020033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Развитие трактирного законодательства в ходе подготовки винной реформы 1863 г. в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 160–172. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-160-172>.

Поступила в редакцию 01.03.2024

Принята к публикации 23.03.2024

Опубликована 27.04.2024

The Development of Tavern Legislation during the Preparation of the wine Reform of 1863 in Russia

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. The wine reform of 1863 is an important stage in the improvement of Russian legislation on the tavern industry. But the activities of the Special Committee for the Development of tavern legislation in historiography have not received adequate coverage. The problem raised in the article is very relevant for the correct interpretation of the history of tavern establishments.

The purpose is to show the activities of a Special Committee headed by A.P. Zablotsky-Desyatovsky on the development of tavern legislation in Russia.

The objectives arising from the designated goal are to ensure that: to describe the state of the tavern industry on the eve of the wine reform; to reveal the course of preparation of the "Regulations on the tavern industry"; to highlight the requirements legally imposed on tavern establishments.

The methodology of the article includes the principles of objectivity, historicism and consistency, which complemented the historical-chronological, historical-comparative research methods.

Results. There was no general legislation regulating the activities of tavern establishments in Russia for a long time, different laws regulated the tavern industry in capitals, port, provincial, and county towns. They were extensive, confusing, and hampered the initiative of the hotel owners, but left many aspects of the activity without instructions. The government has been developing tavern legislation for a long time. The merit in the creation of the all-Russian "Regulations on tavern establishments" belongs to a Special commission under the leadership of A.P. Zablotsky-Desyatovsky. She carried out this work as part of the preparation of the wine reform. The "Regulations on tavern establishments" became the fundamental document that defined the conditions and nature of the tavern business for several decades.

Conclusion. The "Regulations on Tavern Establishments", highly approved on July 4, 1861, corresponded to the spirit of the times. It made it possible to establish clear rules for the functioning of tavern establishments. Their number increased significantly in the second half of the XIX century, budget revenues from taverns became a prominent part of budgets at all levels.

Keywords: wine reform; tavern establishments; hotels; hotel business; Special Committee; Regulations on tavern trade.

Financing: The publication was completed within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. The Development of Tavern Legislation during the Preparation of the wine Reform of 1863 in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 160–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-160-172>

Received 01.03.2024

Accepted 23.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Процесс формирования правового поля для деятельности трактирных заведений растянулся на полтора столетия. С

петровских времен до начала эпохи Великих реформ законодательство о заведениях трактирного типа оставалось крайне архаичным, сбивчивым, различ-

ным для столиц, портовых, губернских и уездных городов.

Первым общероссийским законом, регулировавшим трактирную «промышленность», стало «Положение о трактирном промысле», которое получило высочайшее утверждение 4 июля 1861 г. Разработано оно было в ходе подготовки винной реформы, призванной заменить откупной строй акцизной системой взимания налога с алкоголя.

В научной литературе процесс подготовки трактирного законодательства, к большому сожалению, изучен слабо. Указанная историографическая проблема является следствием кажущейся незначительности трактирной реформы в сравнении с другими преобразованиями Александра II, фрагментарности и рассредоточенности источниковой базы.

Настоящая статья призвана, пусть и в небольшой степени, восполнить имеющийся пробел. Её цель – представление процесса разработки общероссийского законодательства о трактирах Особым комитетом, возглавляемым А. П. Заблоцким-Десятовским.

Методология

Источниками исследования выступили законодательные акты о трактирах, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Для успешного решения заявленных задач были изучены труды дореволюционных и современных исследователей о трактирном законодательстве, значимые сведения по теме почерпнуты из материалов, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 139. Кошелевы).

Методология статьи базируется на принципах объективности, историзма и системности. В совокупности своей они позволили автору дать беспристрастную характеристику трактирному промыслу накануне винной реформы 1863 г., определить черты гостиниц, рестораций, кофейных домов, харчевен, трактиров в

разные исторические периоды, рассмотреть законотворчество в отношении заведений трактирного типа как процесс систематизации предпринимательской деятельности, как правительственный шаг, отвечающий духу Великих реформ. Дополнили методологический инструментарий историко-хронологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы: первый – представил возможность рассмотреть трактирные заведения сквозь призму временных изменений; второй – объяснить произошедшие с трактирными заведениями изменения во времени, третий – обнаружить основания для перемен.

Результаты и их обсуждение

Главные вехи растянувшегося во времени процесса формирования трактирного законодательства нашли свое отражение в нормативно-правовых актах, но изучены они слабо.

Первым изложить историю становления трактирного дела попытался дореволюционный исследователь А. Тарбеев. Свои изыскания он опубликовал в журнале «Ресторанное дело» в серии статей под общим названием «Трактирный промысел на Руси (очерки по истории русского трактирного промысла с начала его возникновения)». Оценив сложности, с которыми на протяжении многих лет сталкивались владельцы трактирных заведений в России, автор заключил: «Почему-то трактир являлся не излюбленным детищем и должен был ежечасно бороться за свое существование, тогда как пресловутый кабак орудовал во всю ширь неограниченного произвола» [1].

В советский период работ, посвященных трактирному делу, не появилось. Среди современных исследователей наиболее качественно процесс развития трактирного промысла представлен в работах В. А. Чернова [2], С. О. Дегтярева [3], Е. Д. Серовой [4]. Высокой оценки заслуживает стремление авторов выявить региональную специфику деятельности

трактиров (Дальнего Востока, г. Москвы, Крыма соответственно). «Двумя взаимосвязанными реформами» называет разработку «Положения о трактирном промысле» и «Положения о питейном сборе» историк Е. В. Долгих и датирует их 1861–1863 гг., при этом деятельность Особого комитета при Государственном Совете в его статье оставлена без внимания [5, с. 17]. О деятельности трактирного отдела Особого комитета рассказывается попутно в монографии Н. Е. Горюшкиной, посвященной подготовке винной реформы 1863 г. [6]

Надо упомянуть, что первый трактир в России появился в Санкт-Петербурге в 1719 г. Это было заведение европейского типа, где «иностранные купеческие и здешние всяких чинов люди трактировать могли за свои деньги» и где, наряду с помещением для приема пищи, устраивались комнаты для проживания [7].

Так, в число трактирных заведений исторически попали гостиницы. Лучшие из них даже спустя столетие располагались в двух столицах и содержались иностранцами. Но из-за редкости гостиниц-трактиров путешественник по России, отправляясь в поездку, брал, как правило, с собой все, что требовалось в дороге: постель, провизию, предметы гигиены и пр. «Еще и в Петербурге, – свидетельствовал путешествовавший по бескрайним российским просторам барон Август фон Гакстгаузен, – нет ни одной гостиницы, которую, по отношению к комфорту, можно было бы сравнить с гостиницами даже какого-нибудь маленького немецкого города на Рейне <...> Русский купец до сих пор еще охотнее останавливается на постоялых дворах вроде караван-сарая, важные господа возят с собой постели, а самые важные, даже поваров и пр.» [8, с. 58].

Правовое регулирование трактирной деятельности открыло «Положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в Санктпетербурге и Москве». Его высочайшее утверждение

было датировано 2 февраля 1821 г. Численность гостиниц, рестораций, кофейных домов и харчевен «Положение» не ограничивало. Трактиров же было разрешено открыть: в Санкт-Петербурге – 50, в Москве – 40 [9].

Количество желавших заняться трактирным делом превышало указанные цифры, поскольку «промышленность» эта несла своим владельцам хорошую прибыль. Несмотря на имевший место предпринимательский запрос, многие операции, составлявшие в своей совокупности трактирный промысел, оставались не регламентированными. На этом основании 31 декабря 1826 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета «Об устройстве трактирных заведений в С. Петербурге» [10].

Спустя десять лет, 6 февраля 1835 г., высочайшее утверждение получило «Положение о трактирных заведениях и местах для продажи напитков в С. Петербурге». Желавшее учредить гостиницу лицо должно было получить дозволение военного генерал-губернатора предоставить аттестат о «беспорочном» поведении, содержать гостиницу в порядке, иметь, кроме пронумерованных покоев, каретные сараи и конюшни. Но в отличие от ранее действовавшего закона в новом «Положении» было регламентировано не только число трактиров, но и количество других заведений трактирного типа. Предполагалось, что в разных районах Санкт-Петербурга будут действовать 40 трактиров, а также 35 рестораций, 46 кофейных домов, 50 харчевен [11].

Со временем возникла объективная потребность в пересмотре действовавшего законодательства и приведении его в соответствие с новыми социально-экономическими реалиями. Выяснилось, что регулировавшее трактирную деятельность законодательство, несмотря на свою пространность, путано, неудобно, оставляло без внимания отдельные занятия, открывало путь к самоуправству и к злоупотреблениям. К тому же в разных

губерниях России действовали разные законоположения о трактирном промысле, и они нередко противоречили друг другу. Так, в Санкт-Петербурге численность гостиниц не ограничивалась, но вводились ограничения на число других заведений трактирного промысла, к тому же определялось известное их число для каждой части города. В Москве количественная сторона гостиниц, ресторанов и кофейных домов не регламентировалась, но содержалось требование, чтобы трактиров было не более 40 в разных городских районах. В губернских городах численность заведений трактирного типа, включая гостиницы, определялась городским начальством по собственному усмотрению.

Хозяева трактирных заведений использовали пробелы законодательства в свою пользу. Кто-то из них предоставлял услуги не во всем объеме, кто-то переходил определенные законом границы, а кто-то под видом гостиницы открывал питейное заведение и получал прибыль с продажи алкоголя. Нередко права гостиниц присваивали держатели меблированных комнат, но самостоятельно определяли свои обязанности. Ревизия трактирных заведений Санкт-Петербурга, организованная в 1844 г. по инициативе министра внутренних дел Л. А. Перовского, обнаружила, что «все роды трактирных заведений уклонялись, более или менее, от присвоенных каждому из них прав, и что главной причиной допускавшихся беспорядков и отступлений от закона была неудовлетворительность самих постановлений о трактирном промысле». Проверки трактирных заведений Москвы, портовых и губернских городов обнаружили еще большие, чем в Санкт-Петербурге, «неудобства и непорядки». Действовавшие правила, по отзывам трактирщиков, стесняли предпринимательскую деятельность, к чему присовокуплялись стеснения со стороны откупщиков. Трактирная деятельность представлялась правительству весьма важной.

Она обеспечивала потребности в постое, питании, несла прибыль в казну. По сведениям, за 1847–1848 гг. в городах России функционировало 2740 трактирных заведений, которые направили в городские доходы 400,8 тыс. руб. [12, л. 1–1 об.]

В 1845 г., по соглашению министра внутренних дел и министра финансов, была учреждена Комиссия, которой поручалось разработать новые правила трактирного промысла. От Министерства внутренних дел разработчиками нового «Положения для трактирных заведений в столицах и других городах Империи» стали чиновники особых поручений М. Лонгинов, который впоследствии был заменен состоявшим при Хозяйственном департаменте чиновником Д. Н. Потемкиным, а также чиновника особых поручений А. Гирс и магистр К. Крживицкий. От Министерства финансов в Комиссию вошли два чиновника особых поручений – Д. Киселев и [имя не выяснено. – Н.Г.] Стебеус [12, л. 2–2 об.].

Составленный ими проект «Положения о трактирных заведениях в столицах, губернских, портовых и уездных городах» обсуждался в особых комиссиях, созданных при Санкт-Петербургской и Московской городских думах. После этого документ находился на рассмотрении главных начальников обеих столиц, проходил экспертизу в Министерстве финансов. Отзывы на «Положение» поступали вплоть до 1858 г. [13]

В это время в Министерстве финансов началась подготовка преобразований в системе взимания питейного сбора. Поскольку устройство трактирного промысла состояло в близкой связи с порядком продажи питей, наряду с питейным вопросом, требовалось пересмотреть трактирный вопрос, поскольку изложенные в проекте образца 1845 г. правила о способе приобретения и продажи напитков в трактирных заведениях не могли быть применены в условиях свободного оборота алкоголя.

Мнением Государственного Совета, высочайше утвержденного 26 октября 1860 г., было принято решение ввести с 1 января 1863 г. новую акцизную систему взимания сбора с питей. Для подготовки проекта винной реформы учреждалась Особая комиссия из чиновников Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Министерства государственных имуществ и уделов. Ее возглавил исполнявший должность статс-секретаря Департамента государственной экономии Государственного Совета А. П. Заблоцкий-Десятовский [14, л. 6-7].

В Особую комиссию была передана вся документация по трактирному вопросу. Уже составленный проект надо было тщательно пересмотреть, а регламент деятельности трактиров согласовать с регламентами, которые устанавливались «Положением о питейном сборе» [15].

Приступая к исполнению поручения, Особая комиссия составила из своих членов подготовительный отдел и возложила на него обязанность согласовать свои работы по «начертанию» проекта «Положения о трактирных заведениях» с правилами о новой акцизной системе. Подготовительный отдел назвали «трактирным». В него вошли: член Совета министра внутренних дел А. Гирс, чиновники Министерства финансов В. Княжевич, Я. Голубев, К. Грот, председатель полтавской Казенной Палаты Киселев (обратим внимание, что Гирс и Киселев участвовали в составлении проекта 1845 г.). Членами Комиссии, помимо названных лиц, стали: чиновник Министерства уделов Н. Тютчев, чиновник Государственной канцелярии С. Мордвинов, чиновник Министерства внутренних дел М. Веселовский, Министерства государственных имуществ П. Кондырев, Военного министерства А. Крылов. По особому приглашению Заблоцкого-Десятовского в Комиссии состояли членами: М. Рейтерн, Н. Стояновский, К. Домонтович, А. де Роберти, И. Ганн, А. Абаза, П. Семенов, В. Федоровский, А. Кошелев, А. Гаге-

мейстер, П. Семенов [12, л. 3 об. – 4, 23 об.].

Трактирный отдел отметил, что имевшийся проект образца 1845 г. заключал в себе правила, предназначенные только для городских трактиров. В нем отсутствовал регламент работы трактиров, расположенных вне городов. Поскольку акцизная система вводилась повсеместно, и в городах, и в уездах, требовалось разработать правила, которые должны были охватить все виды заведений трактирного типа. Рассмотрению трактирного отдела были подвергнуты следующие предметы:

1. Пределы и разделение трактирного промысла на разные виды и порядок учреждения трактирных заведений.
2. Налоги с трактирного промысла.
3. Полицейские правила в отношении трактирного промысла.

При рассмотрении первого вопроса трактирный отдел указал, что действовавшие городские трактирные положения признавали несколько видов трактирных заведений, включая гостиницы, в то время как положения, действовавшие в уездах, касались исключительно трактиров. Определение трактирного промысла в действовавшем законодательстве отсутствовало. Только сравнивая общие черты прав, присвоенных каждому роду заведений, можно было понять, что представляет собой трактирный промысел. Было отмечено, что в положениях, которые действовали в столицах, признавались разные виды трактирных заведений, а в положениях, которые регулировали промысел в уездах, разные виды заведений назывались только трактирами.

Отдел признал важность трактирного промысла, поскольку он «удовлетворяет первым потребностям подвижного промышленного населения, а равно людей, снискивающих себе пропитание ежедневным трудом, и не имеющих средств обзавестись домашним хозяйством <...> устройство трактирных заведений и удешевление предлагаемых ими предметов

потребления, бесспорно, способствует более живому передвижению народа, развитию промышленности и распространению довольства в классах недостаточных» [12, л. 6 об.].

Трактирный отдел признал под трактирным промыслом «содержание открытого для публики помещения, в котором либо отдаются внаем покои со столом, либо производится продажа кушанья и напитков. Продажа припасов, для употребления на месте, составляет общее свойство всех родов трактирного промысла [12, л. 7].

Обозначив общие черты трактирного промысла, Отдел подвел под это определение разные виды заведений: а) с отдачею в наем покоев – гостиницы, подворья, меблированные квартиры (в столицах), отдаваемые со столом; б) без отдачи в наем покоев – собственно трактиры, рестораны, кофейные дома, греческие кофейные (в Москве), кафе-рестораны и кухмистерские столы для приходящих, харчевни, буфеты при театрах, в балаганах, на пароходах, паровых пристанях, станциях разного рода, а также овощные и фруктовые лавки, где в особых покоех предлагаются закуски и завтраки, открываемые на летнее время палатки на гуляниях [12, л. 7 об.].

Отдел признал необходимым разрешить содержателям всех трактирных заведений продавать по вольным ценам: а) для употребления на месте и на вынос: кушанья разного рода, десертные припасы, кондитерские изделия, напитки (кроме виноградных вин и акцизных питей); б) только распивочно – виноградные вина и акцизные пития, включая вино хлебное, водки всякого рода, ром, арак, портер, пиво и мед; в) исключительно для употребления на месте – табак и сигареты. Кроме того в трактирных заведениях разрешались бильярды, допускаемые законом игры и музыка [12, л. 8].

Особо оговаривалось, что гостиницы должны предоставлять посетителям уют и продовольствие. «Нумерованные

комнаты» было разрешено отдавать в найм для приезжающих по вольным ценам. Номера должны быть устроены в светлых и сухих комнатах с удобными входами и подъездами, в холодное время года они должны быть хорошо отапливаемыми. Полы в помещениях гостиницы должны быть деревянными и крашенными, а стены хорошо выбелены, или выкрашены, или оклеены чистыми обоями. В каждом номере необходимо иметь мебель: кровать с чистыми, «опрятно» содержимыми матрацем, подушкой и одеялом, а также не менее одного стола, двух стульев и «умывального прибора с необходимой посудой». Двери каждого номера должны иметь замки и внутренние задвижки. Требовалось, чтобы в каждой гостинице действовал буфет и общие открытые для публики комнаты – столовые, гостиные, бильярдные, читальные и т.п. Коридоры в гостиницах должны быть широкими и светлыми. С сумерек до рассвета они должны быть освещены. В коридорах должны быть дежурные. В каждой гостинице обязательно устраивалась общая столовая комната, где, кроме необходимой мебели, столов и стульев, мог находиться и буфет со стойкой, напитками и посудой, если буфет не будет помещаться в отдельной комнате. При каждой гостинице должна была содержаться светлая кухня с плитой или печью и медным или жестяным, вылуженным с крышкой кубом для кипячения воды. В каждой гостинице во всякое время должны быть в наличии: свежий печеный хлеб, чай, сахар, кипятки для чая и холодные закуски; а с 11 часов утра и до 11 часов вечера горячие кушанья, не менее двух блюд. Для провоза в гостиницу лиц, прибывших по железной дороге или уезжающих на вокзал, при гостинице разрешалось содержать лошадей с соответствующими ездовыми принадлежностями. При гостинице должен быть устроен просторный, обнесенный стеной или деревянным забором двор с устроенными внутри крытыми помещениями

(сараями или навесами) для постановки лошадей и экипажей. Особо оговаривалось, что ворота гостиницы должны находиться под охраной дворника, а входы и выходы – под охраной гостиничной прислуги; наружные входы и выходы гостиницы должны быть снабжены прочными запорами и замками.

Ресторации должны в обязательном порядке держать для посетителей общий стол. В гостиницы, рестораны и трактиры запрещалось впускать военных нижних чинов, людей в ливреях, армяках, смурных [домотканых, темно-серых] кафтанах и нагольных [непокрытых тканью] тулупах. Харчевням было запрещено иметь в продаже индеек, каплунов, полярков, цыплят, дичи, живой стерляди, осетрины, белужины, к тому же они могли помещаться только на нижних этажах домов.

Посетителю трактира предлагался стол. В трактирах разрешалось иметь биллиарды, но не более 3-х. В общих комнатах всех других заведений были разрешены игры в шахматы, шашки, домино.

Меблированные комнаты, также относившиеся к заведениям трактирного промысла, по новому законодательству должны были состоять не менее чем из 7 отдельных номеров, в каждом из которых находились стол, стулья, кровать с чистым и опрятно содержимыми матрацем, подушкой, рукомойником. Двери каждого номера должны иметь крепкие замки и внутренние задвижки. При входе в меблированные комнаты вывешивалась доска для записей фамилий лиц, занимающих комнаты.

Объединение столь различных заведений общим названием «заведения трактирного типа», по замыслу реформаторов, избавит от частого вмешательства административных лиц в их деятельность, устраним имеющиеся ограничения в отношении трактирных заведений, как в городах, так и в уездах. Но городским думам, по соглашению с полицией,

предоставлялось право издавать постановления об устройстве разного рода заведений трактирного промысла, чтобы каждое из них соответствовало своему назначению, чтобы каждое из них располагалось в установленной местности, чтобы в трактирных заведениях царили благоустройство и порядок.

Заведения трактирного промысла должны были иметь вывеску, которая бы соответствовала его назначению, например: «гостиница», «меблированные комнаты», «трактир» и т. д. Кроме того, на видном месте «прибивались» все документы на содержание заведения так, чтобы они могли быть без затруднения обозреваемы ревизором.

Отдел признал целесообразным разрешить открытие трактирного заведения при условии платежа пошлин и соблюдения формальностей: купцам 3-х гильдий, мещанам, цеховым и крестьянам, торгующим по свидетельствам 4-х родов. Одному человеку не возбранялось владеть несколькими трактирными заведениями (различными или однотипными) [12, л. 8 об.].

Желающее содержать трактирное заведение в городе лицо обязано было объявить место, где он предполагает открыть трактирное заведение. Открытию предшествовало освидетельствование помещения. Эта обязанность возлагалась на акцизные управления с приглашением представителя городского поселения. На основе освидетельствования составлялся акт за подписью присутствовавших лиц. Помимо того, претендент на трактирное заведение представлял в Городскую Думу или Ратушу аттестат об отсутствии судимости и задолженности по казенным и общественным повинностям. Купцам и мещанам аттестат выдавали от лица городского головы или городских старост; цеховым – от ремесленного головы и старшин; государственным, удельным и временно обязанным крестьянам – от их непосредственного сельского начальства. На основе указанных документов готови-

лось свидетельство на открытие. Свидетельство оформлялось на «крепостной гербовой бумаге» с обозначением звания, имени, фамилии лица, кому оно выдано, обязанностей содержателя и налагаемой на него ответственности в случае неисполнения этих обязанностей. Освидетельствование трактирных заведений предполагалось проводить накануне нового года, начиная с октября [16, с. 354].

Отдел пришел к убеждению, что должны продолжить свою деятельность заведения, которые удовлетворяли «первейшие потребности простого народа» в приюте и продовольствии, – постоянные дворы. Владельцем постоянного двора могло стать всякое лицо, которое выполнит ряд требований: вымостит двор камнем, устроит навесы для помещения подвод и лошадей, завезет фураж для лошадей, откроет светлую комнату с нарами для ночлега извозчиков. Отделение постоянных дворов от трактирных заведений было сделано Отделом сознательно, чтобы установить для них «облегченные» условия открытия и платежа налога «без испрошения особых на то дозволений» [12, л. 9 об. – 10].

За право содержания трактирных заведений полагался акцизный сбор. В городах он должен был направляться «в пользу» городских доходов, в уездах – «в пользу» государственной казны [17, с. 88–93. Размер трактирного сбора зависело от степени доходности, размеров оборотов, места нахождения в городе. В Санкт-Петербурге акциз с гостиниц составлял от 285 руб. 71 коп. до 571 руб. 43 коп., в зависимости от части города. В Москве был установлен более высокий акцизный сбор: 7142 руб. 86 коп., 1200 руб., 685 руб. 71 коп., 514 руб. 29 коп. – по частям города [12, л. 11–11 об.].

В прочих городах назначение размера акциза с заведений (кроме трактиров) было решено передать в руки местного начальства с утверждения генерал-губернатора. Заведения, которые предоставляли большее количество услуг или

предметов для продажи, платили более значительные суммы [18, с. 29].

Проект «Положения о трактирных заведениях» был подготовлен к 22 марта 1861 г. А. П. Заблоцкий-Десятовский считал важным добиться четкости в регламенте прав казны, владельцев трактирных заведений и потребителей. Он выражал надежду, что разработанный под его руководством закон навсегда покончит с правовой и хозяйственной неопределенностью, царившей в трактирной «промышленности», увеличит доходы в государственный бюджет России. «Мы принялись за дело с полным рвением, работы шли усиленно», – писал выдающийся реформатор по прошествии лет [14, л. 12].

4 июля 1861 г. «Положение о трактирных заведениях» получило высочайшее утверждение [19]. Оно вступало в силу 1 января 1863 г. и направило трактирный промысел «на путь свободной, торговой конкуренции» [20, с. 1].

«Положение о трактирных заведениях» определило направленность, характер и темпы развития трактирного дела в России. В нем трактирные заведения были разграничены на: 1) заведения, предоставляющие покои во временное пользование за условленную плату; 2) заведения, не предоставляющие таковых. Порядок учреждения, характер деятельности, виды налогов, правила надзора над заведениями трактирного типа были подробно прописаны. Каждое заведение трактирного типа, а именно: гостиница, подворье, меблированная квартира, трактир, ресторация, кофейный дом, харчевня, кухмистерский стол, буфет, овощная и фруктовая лавка – было наделено своими правами и обязанностями. «Положение о трактирных заведениях» требовало неукоснительного соблюдения законности в трактирной деятельности.

Численность заведений трактирного типа за 30 лет существенно выросла, появлялись новые виды трактиров, росла конкуренция, которая стимулировала

«изящество обстановки» и «дешевизну цен» [21, с. 25, 28]. Практика поставила в повестку дня вопрос о необходимости внесения в действующее законодательство корректив, и 8 июля 1893 г. было высочайше утверждено новое «Положение о трактирном промысле». Оно уточнило и дополнило статьи предыдущего законодательного акта [22].

Выводы

До разработки «Положения о трактирном промысле», высочайше утвержденного 4 июля 1861 г., общего для всех трактирных заведений России законодательства не существовало. Санкт-Петербург имел свой устав, Москва, губернские и портовые города – свой, для уездных городов действовало особое положение. Действовавшие законодательные акты изобиловали разнообразными ограничениями и стеснениями, но оставляли без внимания отдельные занятия, составляющие трактирный промысел. Данное обстоятельство вело к злоупотреблениям, потерям государственного бюджета. Указанная проблема требовала решения. Разработка трактирного законодательства началась в 1845 г., но заслуга в создании общего для всей России «Положения о трактирных заведениях» принадлежит Особой комиссии под руководством А. П. Заблоцкого-Десятовского. Данная работа осуществлялась в рамках подготовки винной реформы. «Положение о

трактирных заведениях», высочайше утвержденное 4 июля 1861 г., стало продолжением и в своем роде пояснением «Положения о питейном сборе» в той части, которая касалась функционирования в условиях акцизной системы заведений трактирного типа. Оно соответствовало духу времени. Трактирным промыслом было признано содержание открытого для публики помещения, где либо сдаются внаем особые покои и продаются кушанья и напитки, либо производится одна продажа кушанья и напитков. В число трактирных заведений вошли гостиницы, подворья, меблированные квартиры, трактиры, рестораны, кофейные дома, харчевни, кухмистерские столы, буфеты, а также овощные, фруктовые лавки и др. Продажа припасов для употребления на месте стала составлять общее свойство заведений трактирного промысла.

Как видим, деятельность Особого комитета, возглавляемого А. П. Заблоцким-Десятовским, по совершенствованию трактирного законодательства России была плодотворной. «Положение о трактирных заведениях» создало благоприятные условия для предпринимательской активности. Оно успешно действовало весь акцизный период, численность заведений трактирного типа за это время выросла, казенные поступления с заведений трактирного типа составили видную часть бюджетов всех уровней.

Список литературы

1. Тарбеев А. Трактирный промысел на Руси (очерки по истории российского трактирного промысла с начала его возникновения) // Ресторанное дело. 1911. № 12. URL: allcafe.ru/readingroom/history/rus/ (дата обращения: 10.01.2024).
2. Чернов В. А. Становление трактирного промысла как этап развития индустрии гостеприимства (на примере Дальнего Востока) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1 (29). С. 129–135.
3. Дегтярев С. О. Гостиничное дело в дореволюционной Москве // Политика и Общество. 2014. № 12. С. 1543–1548.
4. Серова Е. Д. Заведения трактирного промысла Крыма во второй половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2011. Т. 24 (63), № 2. С. 111–121.

5. Долгих Е. В. Правовое положение заведений общественного питания России в 1861–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 5. С. 14–41.
6. Горюшкина Н. Е. Подготовка винной реформы 1863 года в России / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2017. 187 с.
7. О позволении иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острове трактира // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V, № 3299.
8. Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. Т. 1. 490 с.
9. Положение о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях в Санкт-Петербурге и Москве // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 37, № 28538.
10. О устройстве трактирных заведений в С. Петербурге // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 1, № 793.
11. Положение о трактирных заведениях и местах для продажи напитков в С. Петербурге // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 10, № 7845.
12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 139 (Кошелевы). Карт. 16. Ед. хр. 11. Л. 1-23 об.
13. Проект нового положения о трактирных заведениях в столицах, губернских, портовых и уездных городах. Доклад особой комиссии, образованной при Общей думе (от 7 июля 1852 г.). СПб.: С.-Петербургская городская общая дума, 1852. 51 с.
14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 940. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7, 12.
15. Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36, ч. 2, № 37197.
16. Коммерческий календарь на 1879 год. СПб.: Васильев, 1878. 359 с.
17. Сборник новых законов и распоряжений правительства, высочайше утвержденных государем императором в 1862–1863 годах. М.: Тип. М. Смирновой, 1863. 173 с.
18. Горюшкина Н. Е., Петров А. А. Подъем трактирного промысла в России во второй половине XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы развития туристской индустрии: материалы Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2022. С. 29–31.
19. Положение о трактирных заведениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36, ч. 2, № 37198.
20. Отчет о действиях С.-Петербургской трактирной депутации. СПб.: Тип. Г. Шредер, 1870. 193 с.
21. Волокитин Н. И. Указатель лучших магазинов, фабрик, гостиниц и увеселительных заведений. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1866. 39 с.
22. Положение о трактирном промысле // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 18, № 15601.

References

1. Tarbeev A. Traktirnyi promysel na Rusi (oчерki po istorii rossiiskogo traktirnogo promysla s nachala ego vozniknoveniya) [Tavern fishing in Russia (essays on the history of Russian tavern fishing since its inception)]. *Restorannoe delo = Restaurant business*, 1911, no. 12. Available at: allcafe.ru/readingroom/history/rus/ (accessed 10.01.2024).
2. Chernov V. A. Stanovlenie traktirnogo promysla kak etap razvitiya industrii gostepriimstva (na primere Dal'nego Vostoka) [The formation of the tavern trade as a stage in the

development of the hospitality industry (on the example of the Far East)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, 2011, no. 1 (29), pp. 129–135.

3. Degtyarev S. O. Gostinichnoe delo v dorevolyutsionnoi Moskve [Hotel business in pre-revolutionary Moscow]. *Politika i Obshchestvo = Politics and Society*, 2014, no. 12, pp. 1543–1548.

4. Serova E. D. Zavedeniya traktirnogo promysla Kryma vo vtoroi polovine XIX veka [Establishments of the tavern industry of the Crimea in the second half of the XIX century]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki = Scientific notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky. Series: Historical Sciences*, 2011, vol. 24 (63), no. 2, pp. 111–121.

5. Dolgikh E. V. Pravovoe polozhenie zavedenii obshchestvennogo pitaniya Rossii v 1861–1918 gg. [The legal status of public catering establishments in Russia in 1861–1918]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya = Bulletin of the Moscow University. Episode 8: The Story*, 2017, no. 5, pp. 14–41.

6. Goryushkina N. E. Podgotovka vinnoi reformy 1863 goda v Rossii [Preparation of the wine reform of 1863 in Russia]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2017. 187 p.

7. O pozvolenii inozemtsu Petru Mille zavesti na Vasil'evskom ostrovu traktira [On allowing the foreigner Peter Milla to open a tavern on Vasilyevsky Island]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. V, no. 3299.

8. Gakstgauzen A. Issledovaniya vnutrennikh otnoshenii narodnoi zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdenii Rossii [Studies of the internal relations of people's life and especially rural institutions in Russia]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova i K^o, 1869, vol. 1. 490 p.

9. Polozhenie o gostinitsakh, restoratsiyakh, kofeinykh domakh, traktirakh i kharchevnyakh v Sankt-Peterburge i Moskve [Regulations on hotels, restaurants, coffee houses, inns and inns in St. Petersburg and Moscow]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. = The Complete Collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 37, no. 28538.

10. O ustroistve traktirnykh zavedenii v S. Peterburge [On the establishment of tavern establishments in St. Petersburg]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire*, coll. 2, vol. 1, no. 793.

11. Polozhenie o traktirnykh zavedeniyakh i mestakh dlya prodazhi napitkov v S. Peterburge [Regulations on tavern establishments and places for the sale of beverages in St. Petersburg]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 2, vol. 10, no. 7845.

12. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki im. V. I. Lenina [Department of Manuscripts of the V. I. Lenin Russian State Library], f. 139 (Koshelevy), kart. 16, ed. khr. 11, l. 1–23 ob.

13. Proekt novogo polozheniya o traktirnykh zavedeniyakh v stolitsakh, gubernskikh, portovykh i uездnykh gorodakh. Doklad osoboi komissii, obrazovannoi pri Obshchei dume (ot 7 iyulya 1852 g.) [Draft of a new regulation on tavern establishments in capitals, provincial, port and county towns. Report of the special commission formed under the General Duma (dated July 7, 1852)]. St. Petersburg, S.-Peterburgskaya gorodskaya obshchaya дума, 1852. 51 p.

14. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv) [The Russian State Historical Archive], f. 940, op. 1, d. 1, l. 6–7, 12.

15. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o piteinom sbore [The most highly approved Regulations on the drinking collection]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire*, coll. 2, vol. 36, pt. 2, no. 37197.

16. Kommercheskii kalendar' na 1879 god [The commercial calendar for 1879]. St. Petersburg, Vasil'ev Publ., 1878. 359 p.
17. Sbornik novykh zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva, vysochaishe utverzhdennykh gosudarem imperatorom v 1862-1863 godakh [Collection of new laws and government orders, most highly approved by the Sovereign Emperor in 1862-1863]. Moscow, Tip. M. Smirnovoi, 1863. 173 p.
18. Goryushkina N. E., Petrov A. A. [The rise of the tavern industry in Russia in the second half of the XIX – early XX century]. *Aktual'nye problemy razvitiya turistskoi industrii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of the development of the tourism industry. Materials of the International scientific and practical conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2022, pp. 29–31. (In Russ.)
19. Polozhenie o traktirnykh zavedeniyakh [Regulations on tavern establishments]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire*, coll. 2, vol. 36, pt. 2, no. 37198.
20. Otchet o deistviyakh S.-Peterburgskoi traktirnoi deputatsii [Report on the actions of the St. Petersburg tavern deputation]. St. Petersburg, Tip. G. Shreder, 1870. 193 p.
21. Volokitin N. I. Ukazatel' luchshikh magazinov, fabrik, gostinits i uveselitel'nykh zavedenii [Index of the best shops, factories, hotels and entertainment establishments]. St. Petersburg, Tip. F. Persona, 1866. 39 p.
22. Polozhenie o traktirnom promysle [Regulations on tavern trade]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 3, vol. 18, no. 15601.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-173-185>**Анализ выполнения заданий X пятилетки (1976–1980 годы)
промышленными предприятиями Курской области****Д. А. Ирмакова¹** ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: 46kursk464646@gmail.com

Резюме

Актуальность. В годы X пятилетки перед промышленностью страны стояла задача повысить эффективность и качество производства при минимальных затратах путем внедрения новых технологий, механизации производства и сокращения ручного труда. Но административно-командная система управления оказалась не способной к быстрому реагированию, новые технологии слабо внедрялись, имевшееся оборудование устаревало. На примере реализации заданий X пятилетнего плана на промышленных предприятиях Курской области можно оценить положительные и отрицательные стороны советской системы управления производством.

Цель. Исследовать итоги X пятилетки в промышленном производстве Курской области и выявить результаты основных направлений развития промышленности, заданных XXV съездом КПСС, на региональном уровне.

Задачи: проанализировать отчеты промышленных предприятий области для оценки результатов производственной деятельности по итогам X пятилетки.

Методология. В исследовании использовались научные методы: синтез, анализ, сравнение, аналогия, обобщение, индукция, дедукция.

Результаты. Задания X пятилетки на промышленных предприятиях региона не были выполнены в полном объеме. В пищевой промышленности наблюдалось невыполнение плановых показателей по объему выпущенной продукции. Внедрение новых технологий и автоматизация осуществлялись медленными темпами, вследствие чего производительность труда росла незначительно. Наиболее перспективной отраслью в регионе оказалось машиностроение.

Вывод. Общесоюзные тенденции, направленные на выполнение десятилетнего плана, нашли выражение и в Курской области. Но прилагаемые усилия руководства предприятий не всегда давали положительный результат. Практически все исследованные предприятия региона незначительно превысили плановые показатели. Наиболее перспективными оказались предприятия машиностроительной отрасли, где внедрялась новая техника, механизировались производственные процессы, наблюдался приток рабочей силы и росла производительность труда.

Ключевые слова: пятилетка; промышленные предприятия; производительность труда; плановые показатели; внедрение новых технологий.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ирмакова Д. А. Анализ выполнения заданий X пятилетки (1976–1980 годы) промышленными предприятиями Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 173–185. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-173-185>.

Поступила в редакцию 13.02.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Analysis of the Fulfillment of the Tasks of the X Five-Year Plan (1976-1980) Industrial Enterprises of the Kursk Region

Darya A. Irmakova¹ ✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: 46kursk464646@gmail.com

Abstract

Relevance. In the years of the X five-year plan the country's industry was faced with the task of improving the efficiency and quality of production at minimal cost by introducing new technologies, mechanizing production and reducing manual labor. But the administrative and command management system turned out to be unable to respond quickly, new technologies were poorly implemented, and existing equipment was outdated. Using the example of the implementation of the tasks of the X five-year plan at the industrial enterprises of the Kursk region, it is possible to assess the positive and negative sides of the Soviet production management system.

Purpose. To investigate the results of the X five-year plan in the industrial production of the Kursk region and identify the results of the main directions of industrial development set by the XXV Congress of the CPSU at the regional level.

Objectives: to analyze the reports of industrial enterprises of the region to assess the results of production activities based on the results of the X five-year plan.

Methodology. Scientific methods were used in the research: synthesis, analysis, comparison, analogy, generalization, induction, deduction.

Results. The tasks of the X five-year plan at the industrial enterprises of the region were not fulfilled in full. In the food industry, there was a failure to meet targets for the volume of products produced. The introduction of new technologies and automation were carried out at a slow pace, as a result of which labor productivity increased slightly. Mechanical engineering turned out to be the most promising industry in the region.

Conclusion. The all-Union trends aimed at fulfilling the ten-year plan have found expression in the Kursk region. But the efforts made by the management of enterprises did not always give a positive result. Almost all the studied enterprises in the region slightly exceeded the planned indicators. The most promising enterprises turned out to be in the machine-building industry, where new equipment was introduced, production processes were mechanized, there was an influx of labor and labor productivity increased.

Keywords: five-year plan; industrial enterprises; labor productivity; planned indicators; introduction of new technologies.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Irmakova D. A. Analysis of the Fulfillment of the Tasks of the X Five-Year Plan (1976-1980) Industrial Enterprises of the Kursk Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 173–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-173-185>

Received 13.02.2024

Accepted 25.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Развитие промышленности в Курской области достаточно хорошо исследовано за период 1940–70-х гг. Это работы о деятельности промышленных предприятий в годы Великой Отечественной

войны [1, с. 55–60], после освобождения области от немецко-фашистской оккупации [2, с. 100–106], о восстановлении промышленности [3], в том числе химической [4], спиртовой [5, с. 63–67], о проблемах, связанных с развитием некоторых отраслей производства [6, с. 168–

170]. Необходимо отметить коллективную монографию о состоянии и перспективах пищевой промышленности в послевоенные годы [7].

В 1950–60-е гг. создавались новые предприятия, вследствие чего наблюдался рост промышленного потенциала области. Так, в статье Е. А. Головина проанализированы противоречия в развитии промышленности области [8, с. 44–50]. Исследованы принципы управления промышленными предприятиями в эти годы, в частности об эффективности управления Курским совнархозом [9, с. 202–205], о реформировании системы управления [10, с. 28–32], о роли центральных органов власти в развитии экономики области [11, с. 15–19]. Интересна статья Е. А. Головина об опыте работы Курского обкома КПСС по контролю за деятельностью руководителей хозяйственных субъектов области в 1950–70-е гг. [12, с. 148–150]. В исследованиях уделено внимание и модернизации управления региональной промышленности [13, с. 73–79].

Необходимо отметить публикации, посвященные открытию промышленных предприятий: Курского завода синтетического волокна [14], завода «Счетмаш» по производству вычислительной техники [15], сахарных заводов [16]. Содержательна коллективная монография авторов Е. А. Головина, В. В. Коровина, А. Н. Манжосова об индустриальном прорыве 1950–60-х гг. [17].

Исследованию особенностей производственной деятельности работников промышленности в Центральном Черноземье посвящена статья В. А. Перцева [18]. Предприятия Центрально-Черноземного региона (в том числе и Курской области) выпускали достаточного много товаров народного потребления, что нашло отражение в публикациях [19]. Опыт рационализаторства освещен в статье В. В. Коровина, Е. А. Головина и Н. К. Копылова [20]. Воздействие политики перестройки на производственно-хозяйственную деятельность промышленности Курской об-

ласти было проанализировано А. А. Паршуковым и С. С. Коптевым [21].

Методология

При проведении исследования использовались научные методы: синтеза, анализа, сравнения, аналогии, обобщения, индукции, дедукции. Метод синтеза позволил выявить определенный фактологический материал и объединить его в целостную картину. Метод анализа оказался полезным в аналитической оценке выявленной информации. Метод сравнения позволил сопоставить реальную картину выполнения плановых показателей X пятилетки на предприятиях различных отраслей региональной промышленности. Метод аналогии дал возможность автору выявить некоторое сходство в результатах выполнения плановых показателей на различных промышленных предприятиях области. Метод обобщения позволил на основе выявленных фактов составить целостную картину о текущем положении дел в промышленности Курской области. Метод индукции позволил увидеть целостную картину итогов деятельности промышленных предприятий в X пятилетке на основе анализа производственной деятельности отдельных предприятий региона. Метод дедукции позволил из общепринятой картины итогов X пятилетки выявить конкретную специфику, свойственную курским предприятиям. Совокупность использованных при проведении исследования методов способствовала достоверной оценке результатов деятельности курских предприятий по итогам X пятилетнего плана.

Результаты и их обсуждение

Состоявшийся в Москве с 25 февраля по 5 марта 1976 г. XXV съезд КПСС утвердил задания X пятилетнего плана. Принято считать, что эта пятилетка стала показателем эффективности и качества промышленного производства, которое развивалось при минимальных затратах, с полным использованием ресурсов и обо-

рудования. Для этого периода было характерно увеличение объемов промышленного производства за счет роста производительности труда и притока на промышленные предприятия рабочей силы.

Курские промышленные предприятия в последние годы пятилетки (1979-1980) были поставлены в конкретные условия: перевыполнить плановые показатели и внедрить в производство новые технологии. Рассмотрим результаты их деятельности на примере предприятий различных отраслей.

Курский завод кузнечно-прессового оборудования дал результат по выполнению плана по выпуску товарной продукции на 103,7%: по кузнечно-прессовым машинам – на 101,1%, по запасным частям к кузнечно-прессовым машинам – на 100%, по товарам народного потребления – на 110,6%, по унифицированным узлам – на 106,4%. На заводе активно внедрялись достижения науки и техники. Так, за годы пятилетки были изготовлены: опытный образец листоштамповочного модуля на базе прессы однокривошипного открытого простого действия и манипулятор грузоподъемностью 0,63 т/с; установочная серия к этому комплексу; установочная серия манипулятора автоматического с программным управлением для обслуживания однокривошипных прессов простого действия от 2,5 до 10 т. Это позволило получить экономический эффект в размере 112 тыс. руб. Дополнительно из 21 мероприятия с планируемым экономическим эффектом в 20 тыс. руб. было выполнено 18 с экономическим эффектом в 16 тыс. руб. Из них можно перечислить следующие: внедрение полного комплекта технологической оснастки на командоаппарат с эффектом в 2,5 тыс. руб.; внедрение технологии окраски деталей и изделий методом безвоздушного распыления с экономическим эффектом в 1 тыс. руб.; внедрение технологии штамповки деталей с экономическим эффектом в 4,5 тыс. руб.; организация земельной лаборатории в литейном цехе, позво-

лившей улучшить качество литья, с экономическим эффектом в 0,8 тыс. руб. и др.

Завод акцентировал внимание и на качестве продукции. Все прессы были аттестованы высшей категорией качества, 93,2% продукции были приняты с первого предъявления. Себестоимость выпускаемой продукции на 7 тыс. руб. ниже плановой.

Что касается экономии ресурсов, то показатели следующие: экономия черных металлов составила 25,3 т, цветных – 0,05 т, электроэнергии – 126 тыс. кВт/час, снижение трудоемкости – 5357,79 н/час [22].

Но к окончанию пятилетки на заводе требовалось заменить 2 единицы технологического оборудования по физическому и моральному износу; уровень механизации составил 76,7%. Производительность труда – 11108 тыс. руб., прибыль от промышленной деятельности – 963 млн руб. На заводе при наличии 453 работников наблюдался дефицит квалифицированных кадров в количестве 5 рабочих [23, л. 4–6].

На заводе активно применялся метод индивидуального обучения для освоения нужных рабочих профессий и повышения квалификации в школах коммунистического труда на техминимумах. За годы пятилетки план повышения квалификации был выполнен на 40% [24, л. 119].

Курский завод технологического оборудования по объему продукции выполнил план на 102,4%, по реализации продукции – на 101,9%, по производительности труда – на 104,7%. Уровень механизации выполняемых работ составил: в основном производстве – 75%, во вспомогательном производстве – 57%, на погрузочно-разгрузочных и транспортных работах – 87%. Экономический эффект от внедренных новых технологий составил 117,3 тыс. руб. (было запланировано 112 тыс. руб.). Сэкономлено: проката черных металлов – 485 т, электроэнергии – 279 т², топливной энергии – 64 г/кал.

Как отмечалось в отчете завода, за годы пятилетки коллективами цехов, участков и служб проведена необходимая конструкторская, технологическая, экономическая и организационно-производственная работа по совершенствованию конструкций, технологических процессов, составлению расчетных и техничеки обоснованных трудовых и материальных нормативов, подготовке экономически обоснованных прейскурантов цен, созданию дополнительных рабочих мест и производственных мощностей для производства выпускаемой и осваиваемой продукции. Была произведена обработка конструкций приводов механизированных стеллажей, что позволило добиться получения запланированной, но не обеспеченной разработчиком скорости перемещения подвесок; обработана конструкция привода расточного станка; обработана на технологичность и переработана в соответствии с выделенными комплектующими изделиями конструкция устройства для перемещения тракторов, что позволило раньше запланированного срока освоить его серийный выпуск; изготовлены опытные образцы расточных станков, которые ведомственной комиссией Госкомсельхозтехники СССР поставлены на серийное производство; изготовлены и сданы ведомственной комиссии головные образцы моечной машины и станда ОР-12138; проведена работа по конструкторско-технологической подготовке производства стандов ОР-8022 и ОР-15558, но из-за отсутствия материалов, отливок и комплектующих изделий головные образцы не были изготовлены.

Для повышения эффективности производства и качества выпускаемой продукции изготовлено и внедрено 90 ед. технологической оснастки, режущего и измерительного инструмента, разработано и внедрено 105 новых технологических процессов, 49 ед. технологического и подъемно-транспортного оборудования. Созданы дополнительные рабочие места

по изготовлению цепей и конвейеров. Организованы рабочие места по изготовлению деталей и узлов устройства для перемещения тракторов в кузнечно-прессовом, механическом и механосборочном цехах. Организован сборочно-сварочный участок по изготовлению механизированных стеллажей. Производственная мощность завода составила к концу пятилетки 8690 тыс. руб. [25, л. 2–3].

Курский завод тракторных запасных частей в годы X пятилетки внедрил 123 новых мероприятия с экономическим эффектом в 304,8 тыс. руб. (было запланировано 314,56 тыс. руб.), среди них наиболее важные: внедрение комплекса мероприятий по механизации технологических процессов (экономический эффект 18,2 тыс. руб.); внедрение прогрессивных методов и оборудования при плавке металла и заливке форм (экономический эффект 21,6 тыс. руб.); внедрение комплекса мероприятий по усовершенствованию технологии обработки клапанной пары и корпуса клапана сжатия (экономический эффект 10,4 тыс. руб.); внедрение комплекса мероприятий по механизации и автоматизации технологических операций прецизионных деталей (экономический эффект 10,1 тыс. руб.) и др.

План по выпуску продукции составил 101,1%, по реализации – 101,1%, рентабельность производства – 106,4%, выработка на 1 рабочего – 100,8%, план по производительности труда – 100% [26, л. 37–38].

За счет внедрения мероприятий технического прогресса, улучшения экономической и хозяйственной деятельности, использования внутренних резервов и режима экономии сверх плана получено прибыли в 420 тыс. руб. Было сэкономлено 12431 тыс. кВт/час электроэнергии, 7129 гкал теплоэнергии, 1913 тонн условного топлива, 72,3 тонн цветных и черных металлов [27, л. 2].

Анализ выполнения заданий X пятилетки и плановых показателей на некоторых предприятиях машиностроения и ме-

таллообработки Курска показал, что происходило постепенное внедрение новых технологических процессов, увеличивались объемы производства при экономии ресурсов, создавались новые рабочие места, но в незначительной степени: не более 103%.

Проанализируем положение дел на основных предприятиях химической и химико-фармацевтической промышленности. На Курском химико-фармацевтическом заводе результатом пятилетнего плана стало выполнение показателей по объему производства на 100,1%, по объему реализованной продукции – на 104,1%. На заводе механизирован процесс – создан комплексно-механизированный участок лимоннокислых солей, экономический эффект составил 18 тыс. руб.; было выполнено 14 мероприятий по улучшению качества продукции. За счет технического перевооружения и проведения оргтехмероприятий расширены мощности действующих производств на 39 т. Производительность труда увеличилась на 3,8% [28, л. 7–9]. План производительности труда был выполнен на 101,5% [29, л. 13]. Основная проблема – обеспечение сырьем и привлечение работников к сельхозработам [30, л. 3]. На заводе за годы пятилетки уменьшилось применение ручного труда на 33,1% [31, л. 17].

Курская биофабрика представила следующие показатели: план по выпуску продукции был выполнен на 103,5%, по реализации – на 102,9%; производительность труда возросла на 3,5% [32, л. 3]; выработка на 1 работника составила 103,5% к плану [33, л. 1].

На *Курском заводе резиново-технических изделий* план производства был выполнен на 102,9%, по реализации – на 100,2% [34, л. 3]. Степень механизации производства составила 55,9%; 27,7% работников охвачены ручным трудом [35, л. 10–11].

Таким образом, в этой отрасли показатели чуть больше 100%, в отчетах о переоснащении ничего не найдено.

Промышленность строительных материалов в Курске была представлена производственным объединением «Курск-стройматериалы». План по производству был выполнен на 92,2%, по реализации – на 100,3%. Из мероприятий по внедрению новой техники на *Курском заводе силикатного кирпича* были внедрены: термическая обработка деталей к технологическому оборудованию; механическая очистка запорочных вагонеток; освоена работа гидравлического прессы усилием 500 т для ремонта крупных деталей; на *Курском заводе стройматериалов* осуществлена механизация погрузки лицевого кирпича на автотранспорт; усовершенствован механизм проталкивания сушильных вагонеток в туннельное сушило; произведена реконструкция приемных отделений под разгрузку большегрузных автомашин. Экономическая эффективность от внедрения вышеперечисленных мероприятий составила 32 тыс. руб. [36, л. 161, 167–168]

Проведем анализ по предприятиям пищевой промышленности.

Курский пивобезалкогольный комбинат выполнил план производства продукции всего на 94,4%, при этом план по выпуску сортового пива выполнен всего на 88,1%, план реализации продукции был выполнен на 104,7%. За годы пятилетки на комбинате были внедрены следующие мероприятия: механизирована загрузка каустика в бутыломоечную машину; установлен сепаратор для пива, 4 вакуум-насоса; смонтирована бочкомоечная машина. Из новых технологий была внедрена технология производства пива «Ячменный колос»; внедрен автоматический сатуратор и автотермоцистерна для пива вместимостью 12 тонн. Экономический эффект от внедренных мероприятий составил 40,38 тыс. руб. [37, л. 57, 94]

Курское производственное объединение молочной промышленности по объему производства продукции не выполнило плановые показатели – 98,9%; план

по реализации молочной продукции был выполнен на 99,6%; план по выработке масла животного – на 94,3%, масла топленого – на 84,8 %, творога – на 81,7 %, и только план по выработке сметаны был перевыполнен и составил 160%. Была проделана работа по улучшению качества и расширению ассортимента: ежеквартальные семинары и смотры качества масла на Курском холодильнике и Льговской маслобазе; семинары и школы передового опыта по выработке масла высокого качества на Суджанском и Советском маслозаводах; по выработке казеина экспортных кондиций на Большесолдатском маслозаводе, выработке цельномолочной продукции улучшенного качества с пониженным содержанием жира на Гормолкомбинате; на Поныровском маслозаводе проведен семинар по выработке бутербродного масла с модернизированным маслообразователем на поточной линии. Последний метод был внедрен на всех предприятиях области, что позволило перевыполнить план по бутербродному маслу на 435 тонн. На Советском маслозаводе была проведена реконструкция творожного цеха и внедрена передовая технология по производству творога, расширен цех по производству казеина [38, л. 4–8].

Таким образом, по пищевой промышленности прослеживается невыполнение плановых показателей.

Из предприятий лесобрабатывающей промышленности рассмотрим *Курскую мебельную фабрику*. План выпуска продукции был выполнен на 101,3 %, план реализации продукции – на 100,3 %, план по производительности труда – на 108,9 % [39, л. 85]. Также наблюдается незначительное превышение запланированных показателей.

Из предприятий местной промышленности рассмотрим опытно-производственный комбинат художественной росписи по дереву. План выпуска продукции был выполнен на 104%, план реализации продукции – на 104,4% [40, л. 98].

Подводя итоги X пятилетки, Курский облисполком отметил, что 18,5% промышленных предприятий области не справились с установленными планами, особенно в пищевой отрасли, и в этой связи отметил необходимость обеспечить в дальнейшем прирост продукции без увеличения численности персонала; повысить уровень механизации труда и сократить численность работников, занятых ручным трудом, а также принять меры к значительному улучшению качества продукции и повысить объемы производства на 17% [41, л. 178, 234–235].

Вывод

Проведенный анализ документов Государственного архива Курской области показал, что общесоюзные тенденции, направленные на выполнение десятилетнего плана, утвержденного XXV съездом КПСС, нашли выражение и в Курской области. Это повышение эффективности и качества промышленного производства при минимальных затратах, с полным использованием ресурсов и оборудования; увеличение объемов промышленного производства за счет роста производительности труда и притока на промышленные предприятия рабочей силы. Промышленные предприятия активно пытались воплотить в производственную деятельность направления плана пятилетки. Но, как показали документы, прилагаемые усилия руководства предприятий не всегда давали положительный результат. На предприятиях химической и пищевой промышленности поставка исходного сырья осуществлялась с перебоями, что препятствовало выполнению плановых показателей. В результате по химической промышленности планы производства были выполнены немногим более чем на 100%, а в пищевой не были выполнены. Практически все исследованные предприятия региона незначи-

тельно превысили плановые показатели XX пятилетки. Что касается эффективности и качества производства, то наиболее перспективными оказались предприятия машиностроительной отрасли. В отличие от других отраслей на них в большей степени внедрялась новая техника, механи-

зировались производственные процессы, наблюдался приток рабочей силы и росла производительность труда. Это соответствовало и общесоюзным тенденциям, направленным на развитие машиностроительной отрасли.

Список литературы

1. Головин Е. А. Промышленность Курской области в первые месяцы Великой Отечественной войны // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны: сборник научных статей / ред. кол.: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. Курск: Университетская книга, 2016. С. 55–60.
2. Коровин В. В., Мирзаханян А. Р. Роль органов планирования в организации восстановления предприятий пищевой промышленности Курской области в послевоенные годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 1 (14). С. 100–106.
3. Кононов Н. Г. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению. Кн. 1. Промышленность Курской области союзного и республиканского подчинения. Курск: Бабкина Г. П., 2018. 464 с.
4. Предприятия химической индустрии Курского края в XX веке: опыт становления и организации производственной деятельности / В. В. Коровин, Е. А. Головин, С. С. Коптев, А. Н. Манжосов / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014. 219 с.
5. Воронцов Р. С., Головин Е. А. Продукция, необходимая фронту (из опыта восстановления спиртовых предприятий Курской области в 1943 году) // Россия в войнах XX века (к 115-летию начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.): материалы научной конференции / под ред. В. Л. Богданова. Курск: ИП Афанасьева Е. А., 2019. С. 63–67.
6. Коровин В. В., Головин Е. А. Проблемы развития промышленности строительных материалов в послевоенные годы (на примере Курской области) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 168–170.
7. Коровин В. В., Воронцов Р. С., Головин Е. А. Пищевая индустрия в Курской области в послевоенные годы: проблемы восстановления и модернизации: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2021. 304 с.
8. Головин Е. А. Противоречия развития региональной промышленности в 1950-е годы (по материалам Курской области) // Актуальные проблемы современного регионоведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / редкол.: Н. Н. Коротева (отв. ред.) [и др.]. Курск: Инвестсфера, 2017. С. 44–50.
9. Головин Е. А., Письменов В. Н. К вопросу об оценке эффективности управления предприятиями Курского совнархоза в 1950-60-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 1, ч. 2. С. 202–205.
10. Головин Е. А. Из опыта реформирования системы государственного управления экономикой в 50-60-е годы XX века (на примере промышленных предприятий Курской области) // Эволюция государства и права в России: история и современность: сборник

научных статей участников секции конституционного и международного права / ред. кол.: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]: в 2-х ч. Ч. 1. Курск: ЮМЭКС, 2011. С. 28–32.

11. Головин Е. А. Роль центральных органов власти в развитии региональной экономики (на примере реформы управления промышленностью 1957–1965 гг.) // Проблемы федеративных отношений в России на современном этапе: сборник статей участников регионального круглого стола / ред. кол.: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. Курск: РПК «Оранж», 2012. С. 15–19.

12. Головин Е. А. «Осуществлял руководство предприятиями неправильными методами...» (Из опыта работы Курского обкома КПСС по контролю за деятельностью руководителей хозяйственных субъектов области в 1950–1970 гг.) // Представления людей о «норме» и «патологии» в процессе исторического развития: материалы XXXI Всероссийской научной конференции / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2012. С. 14–150.

13. Головин Е. А. Модернизация управления отечественной промышленностью (50–60-е годы XX века) // Модернизация в России: история, перспективы, проблемы: сборник научных статей / отв. ред. В. П. Пашин. Курск: ООО АПИИТ «ГИРОМ», 2012. С. 73–79.

14. Коптев С. С., Коровин В. В. Становление производства химического волокна в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1, ч. 2. С. 245–247.

15. Коровин В. В., Головин Е. А. Проблемы становления производства отечественной вычислительной техники (на примере Курского завода «Счетмаш») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2, ч. 2. С. 154–159.

16. Паршуков А. А., Коптев С. С. Развитие сахарной промышленности Курской области в 1970–1980 годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 4(17). С. 155–161.

17. Головин Е. А., Коровин В. В., Манжосов А. Н. Индустриальный прорыв: промышленность Курской области в 1950–1965 годах / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2015. 328 с.

18. Перцев В. А. Тенденции в организации производственной деятельности персонала промышленных предприятий областей Центрального Черноземья в 1950–1980-е гг. // Клио. 2017. № 7 (127). С. 95–102.

19. Перцев В. А. Производство товаров народного потребления промышленными предприятиями Центрального Черноземья в 1950–1980-е годы // Воронежский вестник архивиста. 2018. № 16. С. 88–99.

20. Головин Е. А., Коровин В. В., Копылов Н. К. Из опыта работы по рационализации и изобретательству на промышленных предприятиях Курской области в 1950–1970-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 177–188.

21. Паршуков А. А., Коптев С. С. Влияние политики перестройки на производственно-хозяйственную деятельность промышленных предприятий Курской области (на примере завода тракторных запасных частей) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 1(18). С. 148–154.

22. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-684. Оп. 1. Д. 348.

23. ГАКО. Ф. Р-684. Оп. 1. Д. 400.

24. ГАКО. Ф. Р-684. Оп. 1. Д. 377.
25. ГАКО. Ф. Р-869. Оп. 1. Д. 781.
26. ГАКО. Ф. Р-5182. Оп. 3. Д. 1727.
27. ГАКО. Ф. Р-5182. Оп. 3. Д. 1905.
28. ГАКО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 606.
29. ГАКО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 583.
30. ГАКО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 627.
31. ГАКО. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 617.
32. ГАКО. Ф. Р-3636. Оп. 3. Д. 575.
33. ГАКО. Ф. Р-3636. Оп. 3. Д. 589.
34. ГАКО. Ф. Р-5363. Оп. 1. Д. 3590.
35. ГАКО. Ф. Р-5363. Оп. 1. Д. 3657.
36. ГАКО. Ф. Р-5370. Оп. 2. Д. 1107.
37. ГАКО. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 364.
38. ГАКО. Ф. Р-668. Оп. 1. Д. 1087.
39. ГАКО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 325.
40. ГАКО. Ф. Р-525. Оп. 1. Д. 61.
41. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3174.

References

1. Golovin E. A. [The industry of the Kursk region in the first months of the Great Patriotic War]. *Nam etot mir zaveschchano berech': problemy sokhraneniya istoricheskoi pamyati o sobytiyakh i geroyakh pervogo perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Sbornik nauchnykh statei* [This world was bequeathed to us to protect: problems of preserving historical memory of the events and heroes of the first period of the Great Patriotic War. Collection of scientific articles]; ed. by V. V. Korovin, eds. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2016, pp. 55–60.
2. Korovin V. V., Mirzakhanyan A. R. Rol' organov planirovaniya v organizatsii vosstanovleniya predpriyatii pishchevoi promyshlennosti Kurskoi oblasti v poslevoennye gody [The role of planning authorities in organizing the restoration of food industry enterprises in the Kursk region in the post-war years]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2015, no. 1 (14), pp. 100–106.
3. Kononov N. G. Promyshlennost' Kurskoi oblasti v 1943–1945 gg.: pervye shagi k vozrozhdeniyu. Kn. 1. Promyshlennost' Kurskoi oblasti soyuznogo i respublikanskogo podchineniya [The industry of the Kursk region in 1943–1945: the first steps towards revival. Book 1. Industry of the Kursk region of union and republican subordination]. Kursk, Babkina G. P., 2018. 464 p.
4. Korovin V. V., Golovin E. A., Koptev S. S., Manzhosov A. N. Predpriyatiya khimicheskoi industrii Kurskogo kraia v XX veke: opyt stanovleniya i organizatsii proizvodstvennoi deyatel'nosti [Enterprises of the chemical industry of the Kursk region in the twentieth century: the experience of formation and organization of production activities]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2014. 219 p.
5. Vorontsov R. S., Golovin E. A. [Products needed by the front (from the experience of restoring alcohol enterprises in the Kursk region in 1943)]. *Rossiya v voinakh XXV veka (k 115-*

letiyu nachala Russko-yaponskoi voiny 1904–1905 gg.). Materialy nauchnoi konferentsii [Russia in the wars of the twentieth century (to the 115th anniversary of the beginning of the Russian-Japanese war of 1904-1905). Materials of the scientific conference]; ed. by V. L. Bogdanov. Kursk, IP Afanas'eva E. A., 2019, pp. 63–67. (In Russ.)

6. Korovin V. V., Golovin E. A. Problemy razvitiya promyshlennosti stroitel'nykh materialov v poslevoennye gody (na primere Kurskoi oblasti) [Problems of the development of the building materials industry in the post-war years (on the example of the Kursk region)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestiya Voronezh State Pedagogical University*, 2017, no. 2 (275), pp. 168–170.

7. Korovin V. V., Vorontsov R. S., Golovin E. A. Pishchevaya industriya v Kurskoi oblasti v poslevoennye gody: problemy vosstanovleniya i modernizatsii [The food industry in the Kursk region in the post-war years: problems of restoration and modernization]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2021. 304 p.

8. Golovin E. A. [Contradictions in the development of regional industry in the 1950s (based on materials from the Kursk region)]. *Aktual'nye problemy sovremennogo regionovedeniya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of modern regional studies. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by N. N. Koroteeva, eds. Kursk, Investsfera Publ., 2017, pp. 44–50. (In Russ.)

9. Golovin E. A., Pis'menov V. N. K voprosu ob otsenke effektivnosti upravleniya predpriyatiyami Kurskogo sovnarkhoza v 1950-60-e gody [On the issue of assessing the effectiveness of the management of enterprises of the Kursk State Farm in the 1950s and 60s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2012, no. 1, pt. 2, pp. 202–205.

10. Golovin E. A. [From the experience of reforming the system of state management of the economy in the 50-60s of the twentieth century (on the example of industrial enterprises of the Kursk region)]. *Evolutsiya gosudarstva i prava v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh statei uchastnikov seksii konstitutsionnogo i mezhdunarodnogo prava* [Evolution of state and law in Russia: history and modernity. Collection of scientific articles by participants of the section of constitutional and international law]; ed. by V. V. Korovin, eds. Kursk, YuMEKS Publ., 2011, pt. 1, pp. 28–32. (In Russ.)

11. Golovin E. A. [The role of central authorities in the development of the regional economy (on the example of the reform of industrial management 1957-1965)]. *Problemy federalivnykh otnoshenii v Rossii na sovremennom etape. Sbornik statei uchastnikov regional'nogo kruglogo stola* [Problems of federal relations in Russia at the present stage. Collection of articles by participants of the regional round table]; ed. by V. V. Korovin, eds. Kursk, RPK "Oranzh", 2012, pp. 15–19. (In Russ.)

12. Golovin E. A. ["He carried out the management of enterprises by incorrect methods..." (From the experience of the Kursk Regional Committee of the CPSU on monitoring the activities of heads of economic entities of the region in 1950-1970)]. *Predstavleniya lyudei o "norme" i "patologii" v protsesse istoricheskogo razvitiya. Materialy XXXI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [People's ideas about the "norm" and "pathology" in the process of historical development. Materials of the XXXI All-Russian Scientific Conference]; ed. by S. N. Poltorak. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2012, pp. 14–150. (In Russ.)

13. Golovin E. A. [Modernization of management of domestic industry (50-60s of the twentieth century)]. *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, perspektivy, problem. Sbornik nauchnykh statei*

[Modernization in Russia: history, prospects, problems: collection of scientific articles]; ed. by V. P. Pashin. Kursk, OOO APIIT "GIROM" Publ., 2012, pp. 73–79. (In Russ.)

14. Koptev S. S., Korovin V. V. Stanovlenie proizvodstva khimicheskogo volokna v Kurskoi oblasti [The establishment of chemical fiber production in the Kursk region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2012, no. 1, pt. 2, pp. 245–247.

15. Korovin V. V., Golovin E. A. Problemy stanovleniya proizvodstva otechestvennoi vychislitel'noi tekhniki (na primere Kurskogo zavoda "Schetmash") [The problems of the formation of the production of domestic computer technology (on the example of the Kursk plant "Counter")]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2012, no. 2, pt. 2, pp. 154–159.

16. Parshukov A. A., Koptev S. S. Razvitie sakharnoi promyshlennosti Kurskoi oblasti v 1970–1980 gody [The development of the sugar industry in the Kursk region in the 1970s and 1980s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2015, no. 4(17), pp. 155–161.

17. Golovin E. A., Korovin V. V., Manzhosov A. N. Industrial'nyi proryv: promyshlennost' Kurskoi oblasti v 1950–1965 godakh [Industrial breakthrough: the industry of the Kursk region in 1950–1965]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2015. 328 p.

18. Pertsev V. A. Tendentsii v organizatsii proizvodstvennoi deyatel'nosti personala promyshlennykh predpriyatii oblastei Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1950–1980-e gg. [Trends in the organization of production activities of personnel of industrial enterprises of the regions of the Central Chernozem region in the 1950s–1980s.]. *Klio*, 2017, no. 7 (127), pp. 95–102.

19. Pertsev V. A. Proizvodstvo tovarov narodnogo potrebleniya promyshlennymi predpriyatiyami Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1950–1980-e gody [Production of consumer goods by industrial enterprises of the Central Chernozem region in the 1950s–1980s]. *Voronezhskii vestnik arkhivista = Voronezh Bulletin of the archivist*, 2018, no. 16, pp. 88–99.

20. Golovin E. A., Korovin V. V., Kopylov N. K. Iz opyta raboty po ratsionalizatsii i izobretatel'stvu na promyshlennykh predpriyatiyakh Kurskoi oblasti v 1950–1970-e gody [From the experience of work on rationalization and invention at industrial enterprises of the Kursk region in the 1950s and 1970s]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 177–188.

21. Parshukov A. A., Koptev S. S. Vliyanie politiki perestroiki na proizvodstvenno-khozyaistvennuyu deyatel'nost' promyshlennykh predpriyatii Kurskoi oblasti (na primere zavoda traktornykh zapasnykh chastei) [The impact of the perestroika policy on the production and economic activities of industrial enterprises in the Kursk region (using the example of a tractor spare parts factory)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2016, no. 1(18), pp. 148–154.

22. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-684, op. 1, d. 348.

23. GAKO, f. R-684, op. 1, d. 400.

24. GAKO, f. R-684, op. 1, d. 377.

25. GAKO, f. R-869, op. 1, d. 781.
26. GAKO, f. R-5182, op. 3, d. 1727.
27. GAKO, f. R-5182, op. 3, d. 1905.
28. GAKO, f. R-851, op. 1, d. 606.
29. GAKO, f. R-851, op. 1, d. 583.
30. GAKO, f. R-851, op. 1, d. 627.
31. GAKO, f. R-851, op. 1, d. 617.
32. GAKO, f. R-3636, op. 3, d. 575.
33. GAKO, f. R-3636, op. 3, d. 589.
34. GAKO, f. R-5363, op. 1, d. 3590.
35. GAKO, f. R-5363, op. 1, d. 3657.
36. GAKO, f. R-5370, op. 2, d. 1107.
37. GAKO, f. R-501, op. 1, d. 364.
38. GAKO, f. R-668, op. 1, d. 1087.
39. GAKO, f. R-23, op. 1, d. 325.
40. GAKO, f. R-525, op. 1, d. 61.
41. GAKO, f. R-3322, op. 44, d. 3174.

Информация об авторе / Information about the Author

Ирмакова Дарья Александровна, аспирант
кафедры конституционного права, Юго-
Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: 46kursk464646@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-3511-5046

Irmakova Darya A., Post-Graduate Student De-
partments of Constitutional Law, Southwest State
University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: 46kursk464646@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-3511-5046

Оригинальная статья / Original article

УДК 94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-186-195>

Отношение политических партий Российской империи к войне с Австро-Венгрией и Германией 1914 года

Е. В. Визильтир¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: zhenek1324@gmail.com

Резюме

Актуальность. Начавшаяся в 1914 году война отвечала растущим потребностям класса буржуазии, так как являлась источником громадных прибылей. В случае победы Россия приобрела бы исключительное господство над Черным морем, Малой Азией и Балканским полуостровом. Также война должна была послужить громоотводом от растущего революционного движения и надвигающейся революции. Накануне войны рабочее движение в России достигло исключительной напряженности, по своему размаху оно было сравнимо с революционным 1905 годом. В таких условиях война должна была «погасить» растущее недовольство народа. Изучение отношения политических партий в Российской империи к войне представляет не только теоретический, но и практический интерес, так как возможности предотвращения новой мировой войны связаны во многом с позицией разных общественных сил, политических партий, состоянием гражданского общества, умением договариваться по спорным вопросам.

Цель. Исследовать отношение политических партий Российской империи к начавшейся в 1914 году Первой мировой войне.

Задачи: проанализировать политическую ситуацию, сложившуюся в стране к 1914 году, и охарактеризовать позиции русских политических партий в их отношении к войне.

Методология. Авторская методология основана на принципах историзма и объективности. Также использованы методы синтеза и анализа информации, метод обобщения полученных данных, идеографический метод.

Результаты. В исследовании автор показывает процесс единения русских политических партий в отношении начавшейся в 1914 году войны с Австро-Венгрией и Германией. В этот момент пали все партийные преграды, и представители политических партий признали необходимость войны до победного конца. Но меньшевики и трудовики выступили против военных кредитов, а большевики – с протестом против войны.

Вывод. Анализ источников показал, что война консолидировала российское общество. Представители всех партий, кроме социал-демократов, поддержали участие России в войне, считая ее оборонительной.

Ключевые слова: война; политические партии; Государственная дума; кадеты; большевики; меньшевики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Визильтир Е. В. Отношение политических партий Российской империи к войне с Австро-Венгрией и Германией 1914 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 186–195. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-186-195>.

Поступила в редакцию 29.01.2024

Принята к публикации 11.03.2024

Опубликована 27.04.2024

The Attitude of the Political Parties of the Russian Empire to the War With Austria-Hungary and Germany in 1914

Evgeny V. Viziltir¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: zhenek1324@gmail.com

Abstract

Relevance. The war that began in 1914 met the growing needs of the bourgeoisie class, as it was a source of enormous profits. In the event of a victory, Russia would gain exclusive dominance over the Black Sea, Asia Minor and the Balkan Peninsula. The war was also supposed to serve as a lightning rod against the growing revolutionary movement and the impending revolution. On the eve of the war, the labor movement in Russia reached exceptional tension, in its scope it was comparable to the revolutionary year 1905. In such circumstances, the war was supposed to "extinguish" the growing discontent of the people. The study of the attitude of political parties in the Russian Empire to the war is of not only theoretical but also practical interest, since the possibilities of preventing a new world war are largely related to the position of various social forces, political parties, the state of civil society, and the ability to negotiate controversial issues.

Purpose. To investigate the attitude of the political parties of the Russian Empire to the outbreak of the First World War in 1914.

Objectives: to analyze the political situation in the country by 1914 and characterize the positions of Russian political parties in their attitude to the war.

Methodology. The author's methodology is based on the principles of historicism and objectivity. The methods of information synthesis and analysis, the method of generalization of the obtained data, and the ideographic method are also used.

Results. In the study, the author shows the process of unification of Russian political parties in relation to the war with Austria-Hungary and Germany that began in 1914. At that moment, all party barriers fell, and representatives of political parties recognized the need for a war to a victorious end. But the Mensheviks and Trudoviks opposed war loans, and the Bolsheviks protested against the war.

Conclusion. An analysis of the sources showed that the war consolidated Russian society. Representatives of all parties, except the Social Democrats, supported Russia's participation in the war, considering it defensive.

Keywords: war; political parties; State Duma; cadets; bolsheviks; mensheviks.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Viziltir E. V. The Attitude of the Political Parties of the Russian Empire to the War With Austria-Hungary and Germany in 1914. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 186–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-186-195>

Received 29.01.2024

Accepted 11.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Война, начавшаяся в 1914 г., родилась в результате борьбы двух коалиций, борьбы старой колониальной Великобритании с молодой капиталистической Германией, которая, явившись последней на империалистическую арену, поставила

вопрос о переделе мира. Еще в 1907 г. два крупнейших интернациональных треста: Всеобщая электрическая компания (США) и Всеобщее общество электричества (Германия) – пришли к соглашению о разделе мира между союзами капиталистов [1, л. 2].

Непосредственным поводом к войне стало убийство австрийского принца Франца Фердинанда. Это убийство подготовила и совершила 28 июля 1914 г. в Сараево великосербская террористическая организация. Повод был найден, а причины, как указывалось выше, заключались в разделе мира.

Россия также имела свой интерес в этой войне. Как отмечал Ф. Энгельс: «Царьградом Россия приобрела бы исключительное господство над Черным морем, Малой Азией и Балканским полуостровом. Одного желания царя было бы тогда достаточно, чтобы запереть Черное море для всех как торговых, так и военных флотов за исключением русского, чтобы превратить это море в русскую гавань, в место для маневров ее военного флота, который бы по желанию мог бы тогда через укрепленный Босфор делать неожиданные вылазки и снова скрываться в свое безопасное убежище» [2, с. 7].

Также война должна была послужить громоотводом от надвигающейся революции и растущего революционного движения. Дело в том, что накануне войны 1914 г. рабочее движение в России достигло исключительной напряженности и по своему размаху было сравнимо с революционным 1905 г., а «ужасы» революционного движения 1905 г. еще свежи были в памяти россиян. В июне 1914 г. бастовало 329 тыс. рабочих, в первую половину июля, т. е. до объявления войны, бастовало 795 тыс., а за первую половину 1914 г. бастовало 1 337 458 рабочих. Особенно грандиозные размеры движение приняло в Петербурге, где к маю 1914 г. число бастующих составило до 250 тыс. человек [3, с. 130–131].

Методология

Авторская методология исследования отношения политических партий Российской империи к начавшейся в 1914 г. Первой мировой войне основана на принципах историзма и объективности. Принцип историзма позволил исследовать полити-

ческие принципы партий в конкретно-исторической обусловленности. Принцип объективности позволил определить взаимосвязь отношений политических партий к начавшейся войне с их непосредственными интересами в этой войне.

Применение идеографического метода позволило автору максимально точно приблизиться к описанию исследованных фактов, событий и явлений. В исследовании также использовались принципы комплексного анализа общественных явлений, взаимосвязи и развития, учёта как объективных, так и субъективных факторов в изучении поставленной проблемы, а также методы синтеза и анализа информации, метод обобщения полученных данных. В совокупности все использованные для проведения исследования методы позволили комплексно проанализировать отношение политических партий Российской империи к начавшейся в 1914 г. войне с Австро-Венгрией и Германией.

Результаты и их обсуждение

В июле 1914 г. России была объявлена Австро-Венгрией и Германией война, сделавшаяся вскоре общеевропейской войной. Официальная причина вступления России в войну – защита балканских народов.

В документах Государственного архива Российской Федерации отложилась ценная информация о причинах начала этой войны. В фонде Р-5143 «Институт Красной профессуры» мы находим следующее: «Главной целью войны 1914 года считается приобретение проливов и Константинополя. Захватнические аппетиты русской буржуазии не ограничивались захватом проливов и Константинополя. Они свои взоры направляли и на запад. Выступая в Государственной Думе, Ковалевский заявил: “Обращая взоры на запад, мы твердо уверены, что Червонная Русь, Русская Буковина и с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России и тем завершится историческое дело великого собирателя

русской земли... под скипетром русского царя» [4, л. 4].

В фонде Р-5402 «Павлович Михаил Павлович (Вельтман), председатель Всеобщей научной ассоциации востоковедения, председатель правления российско-восточной торговой палаты, ректор Московского института Востоковедения им. Нариманова» найдена статья М. П. Павловича (наст. – М. Л. Вельтман) под названием «Первая мировая война. Ее причины и следствия», где указывалось следующее: «В мировой войне 1914–1918 гг. вопрос о турецком наследстве, в особенности Багдадской дороге, о проливах и Константинополе сыграл крупнейшую роль. Тайные документы, захваченные в архиве Министерства иностранных дел на другой день после Октябрьского переворота, не оставляют сомнения насчет той основной роли, которую преследовало царское правительство, готовясь к мировой войне. Записки камергера Базили, “Журнал Особого Совещания” 8 февраля 1914 года и другие документы неопровержимо показывают, в чем заключались основные планы русского империализма. Из этих документов явствует, что планы захвата Константинополя разрабатывались нашими военными сферами еще с 1896 года. Неудивительно, что царская Россия относилась с такой враждебностью к империалистической Германии, которая своим проектом Багдадского рельсового пути усиливала Турцию и одновременно усиливала свое собственное влияние в Константинополе и в проливах, становясь, таким образом, поперек планам царской дипломатии. Об этих планах как нельзя лучше свидетельствует “Журнал Особого Совещания” 8 февраля 1914 года, являющийся безусловно важнейшим историческим документом по вопросу о происхождении мировой войны» [5, л. 4]. К сожалению, журнала, на который указывает М. П. Павлович, найти не удалось.

То, что война назревала давно, свидетельствуют многочисленные публика-

ции в прессе. Так, например, журнал «Промышленность и торговля» еще в декабре 1912 г. отмечал следующее: «Страна не может жить под постоянным страхом, как бы ключ от входной двери в наше жилище, выпав из слабых турецких рук, не очутился в чужих сильных руках, которые будут вольны по своей прихоти, казнить нас или миловать» [6, с. 531].

Необходимо отметить, что накануне Первой мировой войны пресса каждой страны с рвением сеяла панику в населении, рисуя призрак неизбежного нападения на «отечество» со стороны того или другого врага, не упоминая о собственных приготовлениях к нападению на соседа. «Это усердие прессы можно объяснить, во-первых, тем, что страх населения перед неприятельским нашествием сделался выгодной статьей, которая приносила ежегодно громадные барыши металлургистам и пушечным королям, благодаря непрерывным и все возрастающим кредитам на новые и новые вооружения; во-вторых, самый этот страх народных масс перед перспективами кровавой бойни, мучительная неизвестность завтрашнего дня, длительный, казавшийся бесконечным, период всеобщей тревоги, порождали в широких слоях населения каждой страны глухое раздражение против «внешнего врага», разжигали и обостряли озлобление против соседнего государства и создавали крайне удобную психологическую почву для распространения всякого рода нелепых легенд о вражеских кознях, для массовых нервных припадков и неожиданных импульсивных движений, соответствовавших видам правящих классов. В этом отношении роль прессы в провоцировании нынешней войны была ужасающей. Вся свобода печати накануне мировой войны фактически выразилась в полной свободе для таких газет, как «Новое время», «Русское слово»...» [7, л. 178–179].

Русская газета «Утро России» от 16 января 1914 г., рисуя блестящую картину нашей государственной обороны в статье

«Наша военная готовность», отмечала: «Военный бюджет России в наступающем 1914 году достигает колоссальной цифры почти в миллиард. Такого бюджета не имеет ни одно государство в мире» [8]. Можно ли с этим согласиться?

В преддверии войны в прессе муссировалась идея о том, что эта война является «последней» войной, после которой наступит вечный мир. Эта война покончит-де с агрессивными планами и провокационной политикой вражеской страны и обеспечит навсегда возможность мирного развития родины. Победа над врагом даст возможность значительно сократить в будущем численность армии и флотов, уменьшить в несколько раз тяжесть налогов на военные цели и посвятить все силы страны задачам мирного строительства. Сотни тысяч и миллионы малосознательных рабочих и крестьян в каждой стране верили этим лживым уверениям.

Корреспонденты и сотрудники таких изданий, как “Matin”, “Journal”, “Temps”, “Berliner”, “Tageblatt”, “Frankfurter Zeitung”, “Neue Freie Presse”, «Русское Слово», «Новое время» и др., старались не уступать друг другу в выдумке всякого рода сенсационных новостей, в разжигании национальных страстей, одним словом, в создании во всех государствах удобной психологической почвы для облегчения правительству возможности объявить войну соседней стране в любой момент [7, л. 204].

Война отвечала растущим потребностям класса буржуазии, не только открывала ей перспективы на будущее, но и была в то же время выгодным предприятием для буржуазии, как источник громадных прибылей. Ради этих огромных возможностей (империалистические захваты, громадные прибыли, отдушина от возможной революции) буржуазия готова была отложить всякие внутренние счета ради сохранения гражданского мира. Буржуазия выступала энергичным глашатаем внутреннего гражданского мира и

«гасителем пожара», т. е. революционного движения.

На снижение волны революционного пролетарского движения повлияло лишь известие об объявлении войны, хотя и в военные годы количество стачек все же оставалось на высоком уровне. В таких условиях все возрастающего революционного движения война для правительства России была очень кстати, война именно должна была служить громоотводом от революционного движения, война должна была растворить растущее недовольство масс и революционное движение в шовинистическом угаре.

Рассмотрим более детально отношение политических партий России к объявленной Австро-Венгрией и Германией войне, ставшей потрясением для российского общества. В этот момент каждая политическая партия должна была высказать свое отношение к ней.

Как отмечает профессор кафедры истории и политологии БГТУ, доктор исторических наук В. Е. Козляков: «Правительственные круги и стоявшие за ними политические партии стояли на патриотических позициях защиты Отечества. Однако отдельные деятели консервативного и либерального лагерей отдавали себе отчет в том, что новая неудачная война (а на удачу в большой войне после печального опыта 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке было рассчитывать трудно) чревата для России новой революцией. Это понимали многие политики, государственные высокопоставленные особы» [9].

На другой день после объявления войны центральный комитет кадетской партии обратился к своим членам со следующим воззванием: «Каково бы не было сохранить нашу страну единой и неразделенной и удержать за ней, то отложим наши внутренние споры и будем твердо помнить, что теперь первая единственная задача наша поддержать борцов верою в правоту нашего дела, спокойной

бодростью и надеждой на успех нашего оружия» [10, с. 16].

20 июля 1914 г. был опубликован Манифест Николая II о войне с Германией, в котором российский император призывал «оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав» [11, л. 14 об.].

Таким образом, кадеты первыми поддержали императора. Их газета «Речь» отмечала: «В грозный год испытания да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с его народом» [12].

Записка Московского охранного отделения от 22 сентября 1914 г. так характеризует настроение умов кадетской партии, причем нужно учесть специфический полицейский «охранный» характер донесений, в которых кадеты представлены как опасные противники правительства и как деятели будущего революционного правительства, что, как показала история, далеко от истины. В этом донесении содержится следующая информация: «Милюков на обеде говорил о том, что (речь идет о совещании в Москве от 15 сентября в гостинице «Эрмитаж», где за обедом собрались местные кадеты с участием Милюкова, Шингарева и др. — Е. В.) настоящая война открывает новую эру для русского общества, когда оно снова может приступить к социальному строительству, что теперь общество не должно обрекать себя на пассивное отношение к общественным вопросам» [13, л. 34–35].

Действительно, начало войны представители буржуазных партий рассматривали как начало новой эры для буржуазии, считали общими цели и устремления царизма и буржуазии и надеялись, что царское правительство «одумается» и возьмет курс на сближение с «прогрессивными элементами страны», т. е. с буржуазией и, таким образом, война послужит толчком к оздоровлению власти. Следовательно, представители буржуазных партий надеялись на полюбовное

разрешение «недоразумений» в отношении привлечения последних к управлению страной. Вот какой смысл и содержание вкладывали представители буржуазных партий в формулу «война открывает новую эру для русского общества».

В воспоминаниях М. В. Родзянко имеется следующая информация о патриотизме русского народа в первые дни войны: «Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, я был поражен переменою настроения жителей столицы... Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько дней тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады. На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил ответ: “Вчера было семейное дело; мы горячо ратовали о своих правах; для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, приходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю как к нашему знамени и мы пойдем за ним во имя победы над немцами”. Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96% всех призывных, явились без отказа и воевали впоследствии на славу. В самой Государственной думе в заседании 26 июля (8 августа нов. ст.) все партийные перегородки пали, все, без исключения, члены Государственной думы признали необходимость войны до победного конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой в этом сознании и решили всемерно поддерживать правительство. Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского

милитаризма является безусловно необходимым» [14, с. 29–30].

Но в данном случае М. В. Родзянко преувеличивал. Однодневная сессия Государственной думы от 26 июля 1914 г. стала настоящей демонстрацией единства почти всех партий, дав на этом «торжественном» заседании клятву царю бороться до победного конца. Бывший председатель IV Государственной думы Родзянко так описывал это историческое событие: «В заседании 26 июля пали все партийные преграды без исключения. Члены Думы признали необходимость войны до победного конца, во имя чести и достоинства дорогого Отечества дружно объединились между собой, в этом сознании и решили всемерно поддерживать правительство» [15, л. 120–121].

Таким образом, консервативный и либеральный блоки заняли единую позицию. Большая часть меньшевиков ее поддержала. Социал-революционеры разделились в своем мнении: одни отстаивали мир без территориальных захватов, расчленения и унижения побежденной страны, без контрибуции, другие считали, что участие в войне является необходимым условием и для победы союзников над Германией, и для роста русской демократии. Большевики решительно осудили начавшуюся империалистическую войну.

Поэтому утверждение Родзянко, что в заседании 26 июля все партийные преграды пали, не совсем соответствует действительности. В дни всеобщего патриотического подъема, против дружного хора буржуазно-помещичьих партий Думы, раздался протестующий голос революционного пролетариата с думской трибуны в лице большевистской пятерки. Но не только большевистская фракция Думы подняла свой голос против грабительской войны, но даже и меньшевистская фракция думы, фракция Н. С. Чхеидзе, вынуждена была хотя бы словесно голосовать против войны. В заседании Государственной думы от 26 июля от имени социал-демократической фракции (боль-

шевиков и меньшевиков) была оглашена декларация, а затем в знак протеста против принятия военных кредитов обе фракции покинули зал заседания. Вот что пишет об этом В. И. Ленин: «Фракция Чхеидзе ограничилась парламентской почвой. Они не вотировали за кредиты, ибо они вызвали бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих... но они не вынесли протеста против социал-шовинизма» [16, с. 333].

Трудовики также вотировали против военных кредитов. Можно предположить, что они, как и меньшевики, опасались подорвать свое влияние в массах.

Иначе поступила РСДРП фракция, выразившая политическую линию партии. По словам В. И. Ленина: «Они пошли с протестом против войны в самую гущу рабочего класса, они понесли проповедь против империализма в широкую массу русских пролетариев» [16, с. 332].

Как следствие, в 1914 г. вышедшая в Париже брошюра Плеханова публиковала, что «в среде русских социал-демократов тов. Ленин явился родоначальником “пораженчества”, а Плеханов выступил родоначальником противоположного направления в отношении к войне “оборончества” или социал-шовинизма в данной войне» [17, с. 21].

Как отмечалось, российская социал-демократическая рабочая фракция Государственной думы в полном составе не вотировала за военные кредиты и заявила, что политика воюющих европейских правительств — империалистическая. Кроме этого, большевистская часть фракции ленинского направления выступила с протестом против войны.

Тем не менее внеочередная сессия Государственной думы в связи с объявлением войны, состоявшаяся 26 июля 1914 г., выразила полную готовность содействовать обороне страны, прервав на этом свою деятельность «в зависимости от чрезвычайных обстоятельств» [18, с. 95–96].

После начала войны члены большевистской части социал-демократической фракции Государственной думы тт. Муранов, Петровский, Бадаев и другие обеспечили в целях пропаганды почти всю Россию и устраивали многочисленные рабочие собрания, на которых выносили резолюции против войны. Пять депутатов Государственной думы из большевистской части фракции, а именно Г. И. Петровский, А. Е. Бадаев, Ф. И. Самойлов и Н. Шагов, были приговорены Особым присутствием Петроградской судебной палаты к лишению прав и ссылке на поселение. По этому делу было опубликовано правительственное сообщение, в котором отмечалось следующее: «С самого начала войны народ русский, объединившись в сознании необходимости защитить достоинство и целостность родины, дружно с патриотическим подъемом помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванные военными действиями. Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны посредством с преобладающими в партийных организациях и в среде передовых рабочих мнениями и настроениями, остались чужды уклону в сторону национального единства, остались верные старой тактике интернационализма и самостоятельных задач международного пролетариата в мировой войне» [19, л. 3].

12-17 декабря 1914 г. в Цюрихе состоялось совещание меньшевистских лидеров для обсуждения вопросов, связанных с ходом войны. В нем принимали участие И. Мартов, П. Аксельрод, А. Балабанова, И. Биск, А. Мартынов и др. На совещании было отмечено, «что вместе с

империалистскими войнами наступает период войн гражданских, последствием коих должна стать ликвидация капитализма. При таком положении вещей необходимо восстановить единство действий среди членов своей фракции, дабы избежать последствий разногласия и попытаться восстановить единство и во всей партии» [20, л. 29]. Также на совещании говорилось о необходимости восстановления связей между социал-демократическими партиями всех стран.

Вывод

Проведенный анализ опубликованных источников и документов Государственного архива Российской Федерации позволил сделать вывод о всесторонней поддержке политическими партиями решений властных структур Российской империи о войне 1914 г. С началом войны граждане Российской империи были оповещены о ее оборонительном характере, о том, за что нужно воевать. Поэтому практически все политические партии России единым фронтом выступили за войну до победы. Исключение составила партия большевиков. Меньшевики не сразу решились поддержать остальные партии войны. 26 июля 1914 г., когда в Думе обсуждался вопрос о военных кредитах правительству, меньшевики поддержали большевиков. Обе фракции выступили с декларацией, осудившей войну. Но в последующем меньшевики перешли на оборонческие позиции. Большевики же призвали ответить на войну революцией, оценивая поражение реакционных правительств всех стран – участниц войны как благоприятное условие для их свержения и для выхода из войны.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5144. Оп. 2. Д. 1386.
2. Энгельс Ф. Иностранная политика русского царства. Л.: Воен.-полит. акад. РККА им. Толмачева, 1934. 36 с.

3. Балабанов М. Царская Россия XX века (накануне революции 1917 года). Харьков: Пролетарий, 1927. 239 с.
4. ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 376.
5. ГАРФ. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 219.
6. Промышленность и торговля. 1912. № 24.
7. ГАРФ. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 219.
8. Утро России. 1914 года. 16 января.
9. Козляков В. Е. Политические партии в Российской империи в годы Первой мировой войны // Первая мировая. Возвращение памяти. Круглый стол к 100-летию начала Первой мировой войны 1914-1918. Минск, 2014. URL: <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/1-mirovaya-vozvrashchenie-pamyati/1097-politicheskie-partii-v-rossijskoj-imperii-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 25.01.2024).
10. Розенталь Н. Н. Исторический очерк партии народной с правительством свободы. Пг.: Муравей, 1917. 32 с.
11. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549.
12. Речь. 1914. 23 июля.
13. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18501.
14. Родзянко М. В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1929. 272 с.
15. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123 (4-е делопроизводство, 1914 год). Д. 61, ч. 10.
16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 26. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1961. 590 с.
17. Плеханов Г. В. О войне: Ответ товарищу З. П. Paris: impr. "Union", 1914. 32 с.
18. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918: в 4-х т. Т. 1: Эволюция взглядов / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Полит. энцикл., 2014. 636 с.
19. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 53. Д. 318.
20. ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 153.

References

1. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [The State Archive of the Russian Federation], f. R-5144, op. 2, d. 1386.
2. Engel's F. Inostrannaya politika russkogo tsarstva [The foreign policy of the Russian Kingdom]. Leningrad, Voen.-polit. akad. RKKA im. Tolmacheva, 1934. 36 p.
3. Balabanov M. Tsarskaya Rossiya XX veka (nakanune revolyutsii 1917 goda) [Tsarist Russia of the twentieth century (on the eve of the 1917 Revolution)]. Khar'kov, Proletarii Publ., 1927. 239 p.
4. GARF, f. R-5143, op. 1, d. 376.
5. GARF, f. R-5402, op. 1, d. 219.
6. Promyshlennost' i torgovlya [Industry and trade], 1912, no. 24.
7. GARF, f. R-5402, op. 1, d. 219.
8. Utro Rossii. 1914 goda. 16 yanvarya [Morning of Russia. In 1914. January 16].
9. Kozlyakov V. E. [Political parties in the Russian Empire during the First World War]. *Pervaya mirovaya. Vozvrashchenie pamyati. Kruglyi stol k 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny 1914-1918* [The First World War. The return of memory. Round table on the 100th anniversary of the outbreak of the First World War 1914-1918]. Minsk, 2014. Available at: <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/1-mirovaya-vozvrashchenie-pamyati/1097-politicheskie-partii-v-rossijskoj-imperii-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html> (accessed 25.01.2024).

10. Rozental' N. N. Istoricheskii ocherk partii narodnoi s pravitel'stvom svobody [Historical sketch of the People's Party with the Government of Freedom]. Petrograd, Muravei Publ., 1917. 32 p.
11. GARF, f. 601, op. 1, d. 549.
12. *Rech'*= *Speech*, 1914, July 23.
13. GARF, f. 110, op. 2, d. 18501.
14. Rodzyanko M. V. Krushenie imperii [The Collapse of the Empire]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 272 p.
15. GARF, f. 102, op. 123 (4-e deloproizvodstvo, 1914 god), d. 61, ch. 10.
16. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 26. 590 p.
17. Plekhanov G. V. O voine: Otvet tovarishchu Z. P. [About the war: A reply to Comrade Z. P.]. Paris, impr. "Union", 1914. 32 p.
18. Pervaya mirovaya voina v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiiskoe obshchestvo. 1914-1918. T. 1. Evolyutsiya vzglyadov [The First World War in the assessment of contemporaries: the government and Russian society. 1914-1918. Vol. 1. The Evolution of views]; ed. by V. V. Zhuravlev. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2014. 636 p.
19. GARF, f. 124, op. 53, d. 318.
20. GARF, f. 1662, op. 1, d. 153.

Информация об авторе / Information about the Author

Визильтир Евгений Владимирович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: zhenek1324@gmail.com,
ORCID: 0009-0002-8190-8004

Evgeny V. Viziltir, Post-Graduate Student Departments of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: zhenek1324@gmail.com,
ORCID: 0009-0002-8190-8004

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470):621.311.22

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-196-204>

История строительства и модернизации энергетических объектов города Курска в период 1950–1980-х годов

М. М. Звягинцева¹, Н. Д. Савочкина¹ ✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация,

✉ e-mail: natasavochkina84@icloud.com

Резюме

Актуальность. Строительство энергетических объектов города Курска взаимосвязано с историей развития городской инфраструктуры, строительством промышленных объектов и жилых микрорайонов. Сооружение первых энергетических объектов сопряжено с дефицитом в обеспечении электричеством и теплом возводимых зданий и сооружений города Курска. Решение о строительстве тепловых электростанций было в унисон с восстановительными работами после Великой Отечественной войны. Таким образом, сформированный в начале 50-х годов XX века энергетический потенциал города Курска продуктивно функционирует до настоящего времени.

Цель исследования состоит в комплексном анализе основных этапов строительства и тенденций развития крупных энергетических объектов города Курска в период 1950–1980-х годов.

Задача заключается в исследовании процесса формирования и модернизации энергетических объектов на различных этапах формирования градостроительного облика города Курска.

Методология. В качестве методологической основы работы применялись общие и частные методы научного анализа, лежащие в основе исторической науки, основанные на принципах историзма, объективности и системности.

Результаты. В ходе изучения и обобщения опубликованных и архивных источников выявлено, что создание энергетического комплекса города Курска в период 1950–1980-х годов связано с внедрением технологически совершенного отечественного турбинного и электротехнического оборудования, систем централизованного теплоснабжения и передовых технологий энергетического производства, что позволило сформировать современный энергетический потенциал города.

Выводы. В ходе исследования опубликованных и архивных источников можно сделать вывод о том, что строительство энергетических объектов позволило обеспечивать снабжение тепловой и электрической энергией потребителей и промышленные объекты города Курска. Эти факты могут способствовать разработке стратегии по совершенствованию и модернизации современных энергетических объектов города Курска.

Ключевые слова: энергетические объекты; энергетика; теплоэнергетика; промышленность; тепловая электростанция; котельная; электричество.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Звягинцева М. М., Савочкина Н. Д. История строительства и модернизации энергетических объектов города Курска в период 1950–1980-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 196–204. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-196-204>.

Поступила в редакцию 11.02.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Опубликована 27.04.2024

History of Construction and Modernization of Energy Facilities the City of Kursk in the Period from the 1950s to the 1980s

Marina M. Zvyagintseva¹, Nataliy D. Savochkina¹ ✉

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: natasavochkina84@icloud.com

Abstract

Relevance. The construction of energy facilities in the city of Kursk is interconnected with the history of urban infrastructure development, the construction of industrial facilities and residential neighborhoods. The construction of the first energy facilities is associated with a shortage in the provision of electricity and heat to the buildings and structures under construction in the city of Kursk. The decision to build thermal power plants was in unison with the reconstruction work after the Great Patriotic War. Thus, the energy potential of the city of Kursk, formed in the early 50s of the twentieth century, has been functioning productively up to the present time.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the main stages of construction and development trends of large energy facilities in the city of Kursk in the period 1950s - 1980s.

The objective of the research is to study the process of formation and modernization of energy facilities at various stages of the formation of the urban appearance of the city of Kursk.

Methodology. As a methodological basis for the work, general and specific methods of scientific analysis were used, which form the basis of historical science, based on the principle of historicism, the principle of objectivity, and the principle of consistency.

Results. In the course of studying and summarizing published and archival sources, it was revealed that the creation of the energy complex of the city of Kursk in the period 1950s–1980s. is associated with the introduction of technologically advanced domestic turbine and electrical equipment, centralized heating systems and advanced energy production technologies, which made it possible to form a modern energy potential of the city.

Conclusion. During the study of published and archival sources, it can be concluded that the construction of energy facilities made it possible to ensure the supply of thermal and electrical energy to consumers and industrial facilities in the city of Kursk. These facts can contribute to the development of a strategy for improving and modernizing modern energy facilities in the city of Kursk.

Keywords: energy facilities; energy; heat and power engineering; industry; thermal power plant; boiler room; electricity.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zvyagintseva M. M., Savochkina N. D. History of Construction and Modernization of Energy Facilities the City of Kursk in the Period from the 1950s to the 1980s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 196–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-196-204>

Received 11.02.2024

Accepted 25.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Создание энергетического комплекса города Курска неразрывно связано с сооружением крупных энергетических объектов, предназначенных для выработки и передачи потребителям тепловой и электрической энергии. В советское время такими объектами являлись тепловые электростанции (ТЭЦ) и крупные районные

котельные. Строительство городских ТЭЦ совпало с восстановительными работами после окончания Великой Отечественной войны. Возведение крупных энергетических объектов было приоритетным направлением развития энергетической базы страны с середины и практически до конца XX в. Энергетическая база города Курска, созданная в период

1950–80-х гг., продолжает существовать до сегодняшних дней и является основой успешно функционирующей городской энергосистемы.

Методология

В качестве источниковой базы выступили нормативно-правовые акты советского периода, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическая печать. Первостепенную роль сыграл анализ материалов Государственного архива Курской области. Свою эффективность в примененном теоретическом инструментарии показали историко-типологический, историко-правовой методы, при перекрестном взаимовлиянии которых удалось установить смысл влияния формирования энергетического хозяйства в Советском государстве на примере города Курска.

Результаты и их обсуждение

В начале 1950-х гг. серьезным тормозом в развитии промышленного и жилого строительства Курска являлась слабая энергетическая база, которая не могла обеспечить в полной мере потребности послевоенного города. Только крупные энергетические объекты могли обеспечить в необходимом количестве тепловой и электрической энергией растущую промышленную и жилую инфраструктуру.

Острый дефицит в тепловой и электрической энергии можно было устранить только путем перевода центральной электростанции города Курска на теплофикационный режим, т. е. комбинированное производство электрической и тепловой энергии. Центральная электростанция (ЦЭС) была первопроходцем в снабжении городских объектов электроэнергией. На новом этапе у энергетиков Курска возник вопрос о скорейшей модернизации оборудования ЦЭС города. В это же время архитектором П. Г. Стенюшиным в 1946 г. был разработан гене-

ральный план восстановления города Курска в послевоенные годы [1, с. 21].

Значимые изменения, связанные с восстановлением промышленного производства и строительством новых промышленных объектов, наблюдались в годы послевоенного времени. Например, сразу же после победы в Великой Отечественной войне в 1945 г. начались восстановительные работы на ликероводочном заводе, биофабрике. В этом же году началось строительство кирпично-трепельного комбината, электроаппаратного завода [2]. На основании Постановления Правительства от 14 мая 1945 г. было начато возведение завода счетно-вычислительных машин «Счетмаш» [3, с. 295]. Для обеспечения города строительными материалами летом 1946 г. был введен в эксплуатацию Курский завод по производству гипса и гипсовых строительных деталей [4].

Кроме того, после окончания Великой Отечественной войны были построены и начали функционировать: завод резино-технических изделий, литейно-механический завод («Спецэлеватормелемаш»), обувная фабрика, шпагатно-веревочная фабрика, подшипниковый завод, Курский завод тракторных запчастей [2].

В связи с интенсивным строительством промышленных объектов возник вопрос о необходимости бесперебойного обеспечения достаточным количеством тепловой и электрической энергии новых промышленных зданий и сооружений.

Таким образом, руководство страны приняло решение о начале строительства крупного энергетического объекта на территории города Курска, в связи с чем в апреле 1951 г. вышел приказ Министерства электростанций СССР № 182, в котором говорилось о необходимости строительства стратегически важного для города энергетического объекта – тепловой электростанции №1 (ТЭЦ-1). Уже осенью 1955 г. строительство было закончено и ТЭЦ-1 пущена в эксплуатацию [5, л. 1].

С пуском ТЭЦ-1 центральная электростанция (ЦЭС) стала переходить на совместное производство тепловой и электрической энергии, т. е. работать в теплофикационном режиме [6, л. 136]. Это был новый этап в обновлении и модернизации крупного энергетического объекта города Курска.

В директивных документах местных органов управления энергетикой предлагались мероприятия по дальнейшему повышению надежности и экономичности работы Курских ТЭС. Так, в распоряжении главного инженера Курских ТЭС С. Коровкина от 28 октября 1957 г. было дано указание провести мероприятия по повышению экономичности работы цехов тепловых электростанций и сетей, предусматривающее в первую очередь экономию топлива и электроэнергии на собственные нужды станции и особое внимание уделять внедрению новой техники [6, л. 17].

В конце 1950-х гг. на ТЭЦ-1 была проведена модернизация оборудования, что позволило увеличить в 2 раза тепловую мощность электростанции [6, л. 17].

В постановлении партийно-хозяйственного актива Курских тепловых электростанций говорилось о задачах на 1958 г. и о проблемах, связанных с повышением надежности и эффективности работы ТЭЦ-1. В частности, уделялось внимание ликвидации недоработок первой очереди теплофикационного оборудования ТЭЦ-1 [7, л. 14], а также отмечалось успешное выполнение решений XX съезда КПСС.

Кроме возведения ТЭЦ-1, в Курске велось строительство еще двух теплоэлектроцентралей – ТЭЦ-2 и ТЭЦ-3, основной задачей которых являлось обеспечение тепловой и электрической энергией завода резино-технических изделий (РТИ).

3 декабря 1958 г. в Курске прошла первая конференция Научно-технического общества энергетической промышленности (НТОЭП). На конференции обсуждались вопросы и проблемы энергетического развития областного центра, заслушивались доклады руководящего и инженерного состава энергетических предприятий города. Приглашенные на конференцию инженеры, техники и научные работники, а также ветераны, работавшие в этой области, рассматривали перспективное развитие теплофикации города Курска. В результате работы конференции решили избрать председателем Курского правления НТОЭП Ф. К. Улитина [8, с. 36].

По-прежнему ТЭЦ-1 оставалась теплоэлектроцентралью, основными потребителями тепла которой являлись завод «Аккумулятор» и завод РТИ, которые значительную часть потребляемого в холодное время года тепла расходовали на отопительные нужды. Вследствие этого годовой график отпуска тепла потребителям имел провал в летнее время и пики во время отопительного сезона [9, л. 11].

Следующим этапом работ для усовершенствования управления энергетическими объектами было формирование организованной управленческой структуры на базе «Курскэнерго». В постановлении Курского совнархоза № 405 от 30 декабря 1959 г. в управлении Курского РЭУ «Курскэнерго» был определен следующий состав организаций: КурскТЭЦ №1, Электрические сети, Тепловые сети, ТЭЦ №2 и ТЭЦ №3, Энергосбыт, Центральное предприятие службы энергосистемы, ремонтное предприятие.

7 января 1960 г. приказом управляющего районным энергетическим управлением («Курскэнерго») №4 в состав Управления вошли два самостоятельных предприятия: теплоэлектроцентраль №1 и тепловые сети, к которым были присо-

единены тепловые электростанции №2 и №3 [10, л. 6–8]. В связи с этим Курские тепловые сети «Курскэнерго» 4 октября 1960 г. были переименованы в Курские тепловые электростанции «Курскэнерго».

В апреле 1960 г. промышленная ТЭЦ-3 была выведена на временную консервацию и после этого в работу не включалась.

Снабжение тепловой энергией промышленных предприятий города давало возможность использовать ресурсы ТЭЦ-1 в полном объеме. С освоением новых производств возникал вопрос о строительстве тепловых и электрических сетей. Для решения этих задач 3 февраля 1960 г. было проведено техническое совещание при Управляющем «Курскэнерго» по вопросу обеспечения дополнительной тепловой и электрической энергией Курского завода синтетических волокон от ТЭЦ-1 «Курскэнерго» в связи с размещением на территории завода производства капронового волокна и строительства производства «Лавсан» третьей очереди [11, л. 8–10].

В 1960-е г. активно начали применять газ как основное топливо для теплоэлектроцентралей. Активный рост добычи газа давал возможность перевести тепловые электростанции и другие объекты на газовое топливо [12, с. 458, 459]. Применение газа в качестве основного топлива позволило внедрять на теплоэлектроцентралях новое разработанное парогазовое оборудование [13, л. 2]. Таким образом, с 1959 по 1960 г. на ТЭЦ-4 было установлено новое оборудование, работающее на газовом топливе.

На начало 1960-х гг. ТЭЦ-1 считалась тепловой электростанцией для промышленных предприятий, а ТЭЦ-4 – тепловой электростанцией для обеспечения жилого сектора города. Ведущими потребителями тепловой электростанции №1 являлись: завод «Аккумулятор»; завод

«Синтетических волокон»; завод РТИ; завод КЗТЗ; ЖБИ №1 [14, с. 51].

Развитием и модернизацией городских тепловых электростанций в городе Курске занималась служба перспективного развития, которая была организована в 1968 г. на базе Курскэнерго. Основной функцией службы являлась организация и осуществление работы, связанной с внедрением передовых разработок на теплоэлектроцентралях. Кроме того, в обязанности службы входило решать вопросы присоединения потребителей к сетям энергосистемы. Одним из сотрудников службы был В. И. Перьков, ставший впоследствии директором Курской ТЭЦ-1. Он занимался проблемами развития объектов энергоснабжения [14, с. 96].

В середине 1960-х гг. в стране еще остро стоял вопрос о подключении потребителей электрической и тепловой энергии к крупным энергоснабжающим объектам. Чтобы урегулировать ситуацию с ликвидацией нерентабельных мелких котельных, в феврале 1966 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «Об улучшении организации теплоснабжения городов и других населенных пунктов» [15, с. 5]. Постановление регламентировало порядок перехода объектов различного назначения на обеспечение тепловой энергией от крупных энергоснабжающих объектов. Все эти мероприятия должны были осуществиться в период с 1966 по 1970 г.

Одновременно управление Курскэнерго в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР установило технический контроль за строительством и скорейшей ликвидацией мелких отопительных котельных. Таким образом, за период 1966–1970 гг. было закрыто порядка 35 мелких котельных в центральном и промышленном районах г. Курска [16, л. 19–21].

Следующим этапом в развитии тепловых сетей города стала разработка «Схемы теплоснабжения г. Курска на 1970–1975 гг.», согласно которой главной задачей было увеличение производства на ТЭЦ тепловой энергии и снижение расхода газового топлива. Такая задача была поставлена в свете Постановления Совета Министров РСФСР № 357 от 21 мая 1969 г. «Об обеспечении народного хозяйства топливом и электроэнергией в осенне-зимний период 1969–1970 гг.» и приказа Министерства энергетики и электрификации СССР № 78-а от 4 июля 1969 г. «Об обеспечении народного хозяйства топливом и электроэнергией в осенне-зимний период 1969–1970 гг.» [17, л. 25].

Уже в 1973 г. в соответствии с новой схемой теплоснабжения города Курска на ТЭЦ-1 были установлены насосы, которые увеличили производственную мощность теплоэлектроцентрали [18, л. 38].

К середине 1970-х гг. Курск представлял собой довольно развитый областной центр с преуспевающей инфраструктурой. В Курской области действовали свыше 300 промышленных предприятий [19, с. 102]. В этот период развитие промышленности и жилищного строительства в областном центре послужило толчком к увеличению энергетической мощности построенных и переоборудованных теплоэлектроцентралей.

К концу девятой пятилетки в СССР (1975 г.) тепловые электростанции обеспечивали половину всего электро- и теплopotребления страны и более 2/3 потребности городов, промышленных узлов и поселков городского типа [20, с. 8].

С середины 1970-х гг. в Курске реализовывался новый генеральный план города на 1975–1980 гг. И как следствие, увеличилось потребление тепловой и электрической энергии, что влекло за собой неминуемый дефицит в тепле и электричестве.

Необходимо было не только бережное отношение к сохранению получаемого тепла, что решало многие вопросы, но сама проблема крылась в нехватке энергетического потенциала существующих крупных энергетических объектов города. Поэтому приказом Министерства энергетики СССР № 48 от 30 сентября 1977 г. была утверждена новая схема теплоснабжения города на 1975–1980 гг., основанием к разработке которой послужил ранее принятый и утвержденный Министерством энергетики и электрификации СССР 31 августа 1973 г. технический проект «Тепловые сети г. Курска» и генеральный план города на 1975–1980 гг.

Кроме того, схемой теплоснабжения предусматривалось строительство новой районной котельной в северной части города (село Поповка) тепловой мощностью 300 Гкал/час [21, с. 44]. В процессе корректировки проекта строительства районной котельной ее проектная мощность была доведена до 600 Гкал/ч. Районная котельная, как и тепловые электростанции города, являлась источником централизованного обеспечения теплом и горячей водой потребителей.

О строительстве новой районной котельной также отмечалось в Постановлении Совета Министров РСФСР от 26 мая 1980 г. № 270 «О мерах по дальнейшему развитию в 1981–1985 гг. хозяйства города Курска»: «Курскому облисполкому обеспечить в 1981–1982 гг. разработку технической документации на сооружение в городе Курске котельной мощностью 360 Гкал/ч» [22, с. 126].

Сооружение в начале 1980-х гг. новой котельной дало возможность разгрузить существующие тепловые электростанции и развивать строительство нового жилого микрорайона.

В целом период с 1950-х гг. по 1980-е гг. ознаменовался как основной в формировании энергетического потенци-

ала города в связи со строительством теплоснабжающих объектов [3, с. 48]. Бесперебойное снабжение тепловой и электрической энергией давало возможность развивать промышленные районы, осваивать новые виды производств, а жильцы тысяч квартир обеспечивались бесперебойным круглосуточным снабжением электроэнергией, отоплением и горячей водой. Тем не менее работы по совершенствованию оборудования и увеличению производственных мощностей продолжались и в последующие годы, поскольку системы централизованного обеспечения тепловой и электрической энергией не полностью охватывали про-

мышленный и жилой секторы города Курска.

Выводы

Таким образом, существующие энергетические объекты города Курска на конец 1980-х гг. давали возможность активно развивать городской энергетический потенциал. Успешное осуществление комбинированного производства тепловой и электрической энергии в большей мере определялось экономичным и экологичным способом производства тепла и электричества. Благодаря проведению колоссальной работы инженеров градостроительная инфраструктура Курска быстро расширялась и развивалась.

Список литературы

1. Исаева И. В. Основные направления разработки и реализации генерального плана 1946 г. города Курска / Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2008. 21 с. Деп. в ИНИОН РАН 9.04.2008, № 60536.
2. Выполним и перевыполним // Городские известия. 2010. 6 апр.
3. Курская область: экономико-географический очерк. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. 295 с.
4. Курск промышленный: чудо советской индустриализации // Курск. 2012. 19 сент.
5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р. 382. Оп. 1. Д. 180.
6. ГАКО. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 60.
7. ГАКО. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 82.
8. Головин Е. А., Коровин В. В., Манжосов А. Н. Индустриальный прорыв: промышленность Курской области в 1950–1965 годах: монография / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2015. 326 с.
9. ГАКО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 94.
10. ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 1. Историческая справка.
11. ГАКО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 149.
12. XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза (17-31 октября 1961 года): Стенографический отчет. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. 608 с.
13. ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 2. Д. 45.
14. Предприятия химической индустрии Курского края в XX веке: опыт становления и организации производственной деятельности: монография / В. В. Коровин, Е. А. Головин, С. С. Коптев, А. Н. Манжосов; под ред. В. В. Коровина; Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2014. 218 с.
15. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. Т. 10. М.: Юрид. лит., 1967. 452 с.
16. ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 550.
17. ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 2. Д. 82.

18. ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 50.
19. Этапы большого пути: Курская область за 60 лет Советской власти 1917–1977 гг. / сост.: А. Н. Бочарова, В. П. Гнездилов, Н. В. Мигущенко; отв. ред. В. Е. Шаров. Курск, 1977. 190 с.
20. Буздников Е. Ф., Крылов А. К., Лесниковский Л. А. Комбинированная выработка пара и горячей воды / под общ. ред. Е. Ф. Буздникова. М.: Энергоиздат, 1981. 208 с.
21. ГАКО. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 1054.
22. Курскэнерго: через годы, через расстояния. 1958–2003: 45 лет Курскэнерго / ред. кол.: Д. В. Гурин [и др.]. Курск, 2003. 352 с.

References

1. Isaeva I. V. Osnovnye napravleniya razrabotki i realizatsii general'nogo plana 1946 g. goroda Kurska [The main directions of the development and implementation of the 1946 general plan of the city of Kursk]. Kursk, Kursk. gos. tekhn. un-t, 2008. 21 p. Dep. v INION RAN 9.04.2008, no. 60536.
2. Vypolnim i perevypolnim [We will fulfill and over-fulfill]. *Gorodskie izvestiya = City News*, 2010, April 6.
3. Kurskaya oblast': ekonomiko-geograficheskii ocherk [Kursk region: an economic and geographical essay]. Voronezh, Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1966. 295 p.
4. Kursk promyshlennyi: chudo sovetskoi industrializatsii [Kursk industrial: the miracle of Soviet industrialization]. *Kursk = Kursk*, 2012, September 19.
5. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-382, op. 1, d. 180.
6. GAKO, f. R-382, op. 1, d. 60.
7. GAKO, f. R-382, op. 1, d. 82.
8. Golovin E. A., Korovin V. V., Manzhosov A. N. Industrial'nyi proryv: promyshlennost' Kurskoi oblasti v 1950–1965 godakh [Industrial breakthrough: the industry of the Kursk region in 1950–1965]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2015. 326 p.
9. GAKO, f. R-382, op. 2, d. 94.
10. GAKO, f. R-863, op. 1. Istoricheskaya spravka.
11. GAKO, f. R-382, op. 2, d. 149.
12. XXI s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza (17–31 oktyabrya 1961 goda). Stenograficheskii otchet [XXI Congress of the Communist Party of the Soviet Union (October 17–31, 1961). Verbatim report]. Vol. 1. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1962. 608 p.
13. GAKO, f. R-863, op. 2, d. 45.
14. Korovin V. V., Golovin E. A., Koptev S. S., Manzhosov A. N. Predpriyatiya khimicheskoi industrii Kurskogo kraia v XX veke: opyt stanovleniya i organizatsii proizvodstvennoi deyatel'nosti [Enterprises of the chemical industry of the Kursk region in the twentieth century: the experience of formation and organization of production activities]; ed. by V. V. Korovin. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2014. 218 p.
15. Sistemicheskoe sobranie zakonov RSFSR, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR i reshenii Pravitel'stva RSFSR [Systematic collection of laws of the RSFSR, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR and decisions of the Government of the RSFSR]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967, vol. 10. 452 p.
16. GAKO, f. R-863, op. 1, d. 550.
17. GAKO, f. R-863, op. 2, d. 82.

18. GAKO, f. R-863, op. 1, d. 50.
19. Bocharova A. N., Gnezdilov V. P., Migushchenko N. V. Etapy bol'shogo puti: Kurskaya oblast' za 60 let Sovetskoi vlasti 1917-1977 gg. [Stages of the long road: Kursk region for 60 years of Soviet power 1917-1977]; ed. by V. E. Sharov. Kursk, 1977. 190 p.
20. Buzdnikov E. F., Krylov A. K., Lesnikovskii L. A. Kombinirovannaya vyrabotka para i goryachei vody [Combined steam and hot water production]; ed. by E. F. Buzdnikova. Moscow, Energoizdat Publ., 1981. 208 p.
21. GAKO, f. R-863, op. 1, d. 1054.
22. Kurskenergo: cherez gody, cherez rasstoyaniya 1958-2003: 45 let Kurskenergo [Kurskenergo: through the years, through the distances 1958-2003: 45 years of Kurskenergo]; ed. by D. V. Gurin, eds. Kursk, 2003. 352 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Звягинцева Марина Михайловна, кандидат культурологии, и. о. заведующего кафедрой архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: m_zvyagintseva@mail.ru

Marina M. Zvyagintseva, Candidate of Cultural Studies, Head of the Department of Architecture, Urban Planning and Graphs, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: m_zvyagintseva@mail.ru

Савочкина Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: natasavochkina84@icloud.com

Nataliy D. Savochkina, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Head of the Department of Architecture, Urban Planning And graphics Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: natasavochkina84@icloud.com

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.2

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-205-211>

Рецензия на монографию кандидата юридических наук Натальи Ивановны Кузнецовой «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности» / Санкт-Петербургский университет МВД России». СПб., 2023. 164 с.

Б. Б. Тангиев¹ ✉

¹г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

✉ e-mail: tangievb@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В рецензии автор дает оценку монографического исследования кандидата юридических наук Натальи Ивановны Кузнецовой «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности». Затронутые в монографии уголовно-политические и научно-теоретические проблемы ответственности за совершение экологических преступлений должны быть обозначены в качестве приоритетных для разрешения на сегодняшний день.

Цель: проведение всестороннего комплексного научного анализа монографической работы, представленной на рецензирование.

Задачи: оценить актуальность, научную новизну, разработанность темы исследования, проанализировать содержание, глубину постановки проблем и предложенных путей выхода из сложившейся ситуации, оценить возможные, по мнению автора, решения поставленных задач, научную и практическую значимость результатов монографического исследования.

Методология. Основу написания рецензии составили общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.), частно-научные и специально-юридические методы познания.

Результаты. Автор монографии дает понятие, раскрывает содержание и принципы уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, анализирует такие ее методы, как криминализация (декриминализация), пенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания за совершение экологических преступлений. Впервые на монографическом уровне рассмотрены глобальные экологические проблемы современности и их взаимосвязь с преступностью.

Вывод. Реализация новой парадигмы уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, предложенной Н. И. Кузнецовой, будет способствовать развитию таких весьма перспективных направлений юридической науки, как экокriminalология; криминалистика охраны окружающей среды; экодевиантология; экоримногенная виктимизация социума (криминальная эковиктимология); информационные экокriminalолого-криминалистические технологии.

Ключевые слова: экокriminalология; уголовная политика; экодевиантология; экокriminalистика; экологическая преступность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тангиев Б. Б. Рецензия на монографию кандидата юридических наук Натальи Ивановны Кузнецовой «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности» / Санкт-Петербургский университет МВД России». СПб., 2023. 164 с. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 205–211. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-205-211>.

Поступила в редакцию 06.02.2024

Принята к публикации 12.03.2024

Опубликована 27.04.2024

© Тангиев Б. Б., 2024

Review of the Monograph of the Candidate of Law, Natalia Ivanovna Kuznetsova "Criminal Policy in the Field of Environmental Safety"; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia St. Petersburg, 2023. 164 p.

Bahaudin B. Tangiev¹ ✉

¹St. Petersburg 191186, Russian Federation

✉ e-mail: o.believa@rambler.ru

Abstract

Relevance. In the review, the author gives an assessment of the monographic research of Natalia Ivanovna Kuznetsova, Candidate of Law "Criminal policy in the field of environmental safety". The criminal-political and scientific-theoretical problems of responsibility for environmental crimes raised in the monograph should be identified as priorities for resolution today.

The purpose: to conduct a comprehensive comprehensive scientific analysis of the monographic work submitted for review.

Objectives: to assess the relevance, scientific novelty, the elaboration of the research topic, to analyze the content, the depth of the problem statement and the proposed ways out of the current situation, to evaluate, in the author's opinion, possible solutions to the tasks set, the scientific and practical significance of the results of the monographic research.

Methodology. The review was based on general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.), private scientific and special legal methods of cognition.

Results. The author of the monograph gives the concept, reveals the content and principles of criminal policy in the field of environmental safety, analyzes its methods such as criminalization (decriminalization), penalization, differentiation and individualization of criminal responsibility and punishment for environmental crimes. For the first time, the global environmental problems of our time and their relationship with crime are considered at the monographic level.

Conclusion. The implementation of a new paradigm of criminal policy in the field of environmental safety, proposed by N. I. Kuznetsova, will contribute to the development of such very promising areas of legal science as ecocriminology; criminology of environmental protection; ecodéviology; ecocriminogenic victimization of society (criminal eco-victimology); information ecocriminological and criminalistic technologies.

Keywords: ecocriminology; criminal policy; ecodéviology; ecocriminalism; environmental crime.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tangiev B. B. Review of the Monograph of the Candidate of Law, Natalia Ivanovna Kuznetsova "Criminal Policy in the Field of Environmental Safety"; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg, 2023. 164 p. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 205–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-205-211>

Received 06.02.2024

Accepted 12.03.2024

Published 27.04.2024

Посвятив более четверти века созданию отечественной «Экокриминология – Oikoscrimenlogos» с дальнейшим поступательным преобразованием в статус трансдисциплинарно-мультимодального научного направления, охватывающим в том числе уголовно-правовую политику и

ее значение в формировании действенной системы экобезопасности, невозможно было обойти вниманием монографию доцента Н. И. Кузнецовой «Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности».

Изучение дискурса, связанного с институтом уголовно-правовой политики, места и значения уголовного закона в обеспечении экологической безопасности и охране окружающей среды привлекают внимание ведущих ученых в данной области (на которых при анализе в настоящей работе ссылается автор).

Структурно монография состоит из предисловия, введения, двух глав, объединяющих двенадцать параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Потребность в анализе и постановка проблем текущего состояния уголовной политики во взаимодействии с экологической политикой побудили автора к поиску перспективного, т. е. отвечающего современным представлениям экологизации и экологичности, уголовно-политического курса, определяющего уголовный закон как таковой и влияющего на формирование правореализационной практики, способного адекватно реагировать на новые вызовы и рост повышенных экологических рисков, обусловленных феноменом транснациональной экопреступности, что становится возможным только при смене устоявшейся, декларативной уголовной политики в основополагающей области, от которой в принципе и зависит существование биосферы и устойчивое развитие человечества как вида.

Особая оригинальность представленной работы заключается в том, что Наталье Ивановне Кузнецовой удалось не только научно обосновать необходимость уголовно-правовой парадигмы сквозь экокriminalогическую призму как базисной основы для формирования теоретико-прикладного фундамента уголовной политики России в данной области, но и определить вектор трансдисциплинарномультимодального экокriminalогического подхода в последовательной, поэтапной смене парадигм. В связи с этим автор обоснованно указывает, что «целью экокriminalогии является научное обос-

нование уголовной политики государства в сфере обеспечения экологической безопасности, получение криминалистических знаний о ее результативности, разработка доктрины и системы мер сдерживания экологической преступности. Именно экокriminalология призвана выявить экологически опасные деяния, требующие криминализации, а также деяния, утратившие экологическую опасность, требующие декриминализации. Она должна способствовать выработке экологических императивов» [1, с. 52–53].

Не случайно на это же самое обращает внимание выдающийся ученый-криминолог, специалист уголовного права, доктор юридических наук, профессор, академик РАН – эксперт по секции геополитики и безопасности С. Ф. Милуков в своем предисловии к настоящей монографии. Проводя анализ уголовной политики в решении экологических проблем, он пишет: «В этой связи далеко не случайным является зарождение и интенсивное развитие новой отрасли криминологии – экокriminalологии, главной задачей которой является комплексное исследование преступности в сфере взаимоотношений человека и природной среды, самих причин возникновения кризисных ситуаций в подсистеме «человек-природа», а также выработка путей и механизмов разрешения противостояния, в том числе антогонистического, между компонентами этой системы. За весьма молодой подотраслью криминалистической науки – экокriminalологией, большое будущее, т. к. вышеуказанная биосоциальная подсистема носит глубоко детерминированный и неразрывный характер, обрекающий человечество на незамедлительное решение созданных им же экологических проблем. ...Все это вполне соответствует доктрине “преступность – неотъемлемое свойство классового общества” и закладывает значительную основу для проведения всесторонних исследований уголовной политики в сфере обеспе-

чения экологической безопасности» [1, с. 4–5].

К числу достоинств рецензируемой научной работы можно также отнести то, что автор не ограничился в проведенном исследовании анализом экологических проблем, а постарался расширить законодательную и юридическую транскрипцию принципов, лежащих в основе уголовной политики, внести предложения по эффективному правовому регулированию и противодействию дальнейшего загрязнения Мирового океана, мусорному коллапсу как разновидности экоцида, климатическим изменениям, экологической миграции как негативного последствия войн и вооруженных конфликтов, истощения природных ресурсов. Пристальное внимание в работе уделяется анализу проблем биологической безопасности и других значимых факторов, дается толкование и современная авторская интерпретация научно-категориального аппарата, относящегося к уголовной и экологической политике и их органической взаимосвязи. Отметим, что Наталья Ивановна Кузнецова является специалистом в области противодействия экологической преступности, на протяжении длительного времени занимается вопросами экологической безопасности [2; 3].

Таким образом, если образно и лаконично определить значение данного труда, то с уверенностью можно сказать, что «эта небольшая книга стоит целых томов», духом ее пронизана вся зарождающаяся парадигма уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности. Так, перефразировав слова В. И. Ленина, который выразился подобным образом характеризуя Манифест Коммунистической партии, здесь следует признать настоящий труд в качестве манифеста – воззвания, в первую очередь к законодателю, определяющему уголовную политику.

В то же время в качестве недостатка следует отметить слишком малый для

охвата всех заинтересованных лиц и взыскательного научного сообщества тираж – 500 экз. В качестве пожелания: рассмотреть возможность издания второй части или нового дополненного издания с указанным выше эокриминалогическим трансдисциплинарно-мультимодальным подходом в решении рассматриваемых проблем. Некоторые из этих проблем были рассмотрены нами ранее [4; 5].

Следует обратить внимание на то, что реализация новой парадигмы уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, предложенной Н. И. Кузнецовой, может ускорить процессы внедрения наукоемких технологий в основные научные направления: эокриминалогия; криминалистика охраны окружающей среды; экодевиантология; эокриминогенная виктимизация социума (криминальная эовиктимология); информационные эокриминалого-криминалистические технологии.

Трансдисциплинарно-мультимодальная система Б. Б. Тангиева, используемая в различной конфигурации (блоки поддержки в программном интерфейсе), обучающих программах, комплексных (трансдисциплинарных) исследованиях и правоприменительных механизмах обеспечения действенности системы экобезопасности в едином экомониторинге, состоит из 12 основных модулей:

1. Модуль – экодевиантология.
2. Модуль – криминалистика охраны окружающей среды (эокриминалистика).
3. Модуль – эовиктимология (эокриминогенная виктимизация социума).
4. Модуль проблем обеспечения действенности системы экобезопасности и создания единого экомониторинга, включающего эокриминалого-криминалистические показатели (параметры), инновационные технологии.
5. Модуль проблем противодействия национальной и транснациональной экопреступности.

6. Модуль проблем обеспечения национальной безопасности, связанных с: экотерроризмом; экодиверсиями; экоэкстремизмом; экокоррупцией; незаконной торговлей компонентами окружающей среды, экоопасной для здоровья нации продукции (трансгенная пищевая продукция (генетически модифицированная), запрещенные биотехнологии и технологии генной инженерии); экоконтрабандой, незаконной торговлей отходами, опасными веществами (токсикантами, в том числе синтетическими наркотиками, оказывающими разрушительное воздействие на кору головного мозга и пр.); биотехнологией (двойного назначения), неподконтрольными биолaborаториями различных стран в приграничных зонах, незаконным (нелегальным) клонированием человека, трансплантацией органов и тканей человека (в том числе извлечение и перевозка) и прочими аспектами, входящими в юрисдикцию обеспечения безопасности (данный модуль может лечь в основу дальнейшего становления и развития новой отрасли «право безопасности»).

7. Модуль информационно-криминологическо-криминалистических методов и технологий (АСЭКМ, ГИЭКС, ЭКОВОС, ИКТ) экокriminalологии по выявлению, оценке, прогнозированию экокriminalогенных рисков, экокriminalогических требований при проведении экокriminalистической экспертизы (ЭКЭ).

8. Модуль цифровой экокriminalолого-криминалистической трансформации и экокriminalогического моделирования.

9. Модуль – система управления и профилактики экокriminalогенными рисками (СУПЭР); диверсификация экокriminalогенных рисков, соответствующая современным вызовам и потребностям практики.

10. Модуль совершенствования методики расчетов при причинении ущерба (вреда) в результате экопреступлений (экоправонарушений).

11. Модуль международной экокriminalологии. Проблемы и пути развития в многополярном мире. Создание единого экомониторинга, включающего экокriminalолого-криминалистический мониторинг.

12. Модуль международной экокriminalологической доктрины (проект Конвенции единых мер сдерживания транснациональной экопреступности). Право экокriminalологической безопасности [6].

Становится очевидным, что без тщательного изучения (исследования) и внедрения указанных модулей и комплексного, компаративистского подхода в подготовке высококвалифицированных специалистов – экокriminalологов, криминалистов охраны окружающей среды, специалистов (на уровне экспертов) уголовного, уголовно-процессуального и экологического права, контрольно-надзорных и судебно-следственных органов в данной сфере, включая специализированные адвокатские экокабинеты, добиться эффективной системы экобезопасности, решения проблем квалификации, расследования экологических преступлений на практике будет проблематично.

Монография адресована сотрудникам правоохранительных органов, научным работникам, преподавателям, курсантам и слушателям юридических образовательных организаций высшего образования системы МВД России, всем интересующимся вопросами обеспечения экологической безопасности.

Несомненно, определяющую роль в формировании действенной системы экобезопасности, противодействию экологической преступности будет играть парадигма уголовной политики, вырабатываемая на основе экокriminalологических, трансдисциплинарно-мультимодальных подходов.

Хочется пожелать творческих успехов Наталье Ивановне Кузнецовой на этом научном поприще и выразить уверенность, что её вклад в формирование и развитие уголовной политики станет вос-

требуемым. Можно однозначно утверждать, что рецензируемая монография Н. И. Кузнецовой [1] является серьёзным научным исследованием, знаменательной

вехой в разработке концептуальных основ российской уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

Список литературы

1. Кузнецова Н. И. Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности: монография / Санкт-Петербургский университет МВД России; предисл. С. Ф. Милюков. СПб., 2023. 164 с.
2. Кузнецова Н. И., Милюков С. Ф. Уголовно-правовая политика в сфере экологии: современные тенденции // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42, № 2. С. 140–152.
3. Кузнецова Н. И., Шкеле М. В. Экологический вред и общественно опасные последствия экологических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 161–169.
4. Тангиев Б. Б. Экокриминология (oikoscrimenlogos): трансдисциплинарно-мультимодальное научное направление и его значение в интеграции и синхронизации модульных дисциплин (систем и интегрированных технологий) // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 3. С. 81–91.
5. Тангиев Б. Б. Правильное название учебной и научной дисциплины по направлению «Экокриминология – Oikoscrimenlogos» // Гражданин и право. 2023. № 8. С. 61–75.
6. Тангиев Б. Б. Экокриминология (Oikoscrimenlogos). Парадигма и теория: методология и практика правоприменения; под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 432 с.

References

1. Kuznetsova N. I. Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti [Criminal policy in the field of environmental safety]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 164 p.
2. Kuznetsova N. I., Milyukov S. F. Uголовно-правовая политика в сфере экологии: современные тенденции [Criminal law policy in the field of ecology: modern trends]. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Dagestan State University*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 140-152.
3. Kuznetsova N. I., Shkele M. V. Ekologicheskii vred i obshchestvenno opasnye posledstviya ekologicheskikh prestuplenii [Environmental harm and socially dangerous consequences of environmental crimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (82), pp. 161–169.
4. Tangiev B. B. Ekokriminologiya (oikoscrimenlogos): transdistsiplinarno-mul'timodal'noe nauchnoe napravlenie i ego znachenie v integratsii i sinkhronizatsii modul'nykh distsiplin (sistem i integrirovannykh tekhnologii) [Ecocriminology (oikoscrimenlogos): transdisciplinary-multimodal scientific direction and its importance in the integration and synchronization of

modular disciplines (systems and integrated technologies)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* = *Union of Criminologists and Criminologists*, 2023, no. 3, pp. 81–91.

5. Tangiev B. B. Pravil'noe nazvanie uchebnoi i nauchnoi distsipliny po napravleniyu "Ekokriminologiya – Oikoscrimenlogos" [The correct name of the educational and scientific discipline in the field of "Ecocriminology – Oikoscrimenlogos"]. *Grazhdanin i pravo* = *Citizen and law*, 2023, no. 8, pp. 61–75.

6. Tangiev B. B. Ekokriminologiya (Oikoscrimenlogos). Paradigma i teoriya: metodologiya i praktika pravoprimeneniya [Ecocriminology (Oikoscrimenlogos). Paradigm and theory: methodology and practice of law enforcement]; ed. by V. P. Salnikov. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2005. 432 c.

Информация об авторе / Information about the Author

Тангиев Бахаудин Батырович, кандидат юридических наук, эксперт ЮНЕСКО в области экологической безопасности и информационных криминологическо-криминалистических технологий, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: tangievb@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-7094-6045

Bahaudin B. Tangiev, Grand Doctor of Jurisprudence, UNESCO Expert in the Field of Environmental Safety and Information Criminological and Criminalistic Technologies, Member of the St. Petersburg International Criminological Club, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: tangievb@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-7094-6045

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация бесплатная.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>